

УИЛБУР СМИТ

ОХОТА
ЗА СЛОНОВОЙ
КОСТЬЮ

Сильные мужчины не прощают...

Уилбур Смит

Охота за слоновой костью

«АСТ»

1991

Смит У.

Охота за слоновой костью / У. Смит — «АСТ», 1991

Слоновая кость. «Белое золото» Черной Африки. «Белое золото», за которое всегда с легкостью убивали. На глазах документалиста Дэниела Армстронга браконьеры убили его друга и уничтожили стадо слонов. Теперь начавший расследование Дэниел – один против могущественной транснациональной корпорации. И единственная, кто пытается помочь ему, – антрополог Келли Кинниар. Но слоновая кость – слишком выгодный бизнес, и теперь охота открыта уже на Дэниела и Келли... Книга также выходила под названием «В джунглях черной Африки».

© Смит У., 1991

© АСТ, 1991

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

76

Уилбур Смит

Охота за слоновой костью

Wilbur Smith
ELEPHANT SONG

First published in 1991 by Macmillan

© Wilbur Smith, 1991

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Эту книгу я посвящаю своей жене Мохинисо. Прекрасная, любящая, верная и преданная, ты единственная в мире.

Этот дом без окон, со стенами из песчаника, с крытой тростником крышей Дэниэл Армстронг построил своими руками десять лет назад, когда служил младшим лесничим в Администрации национальных парков. С тех пор дом превратился в настоящую сокровищницу.

Джонни Нзу вставил ключ в тяжелый замок и распахнул двустворчатую дверь из прочной местной тиковой древесины. Джонни – главный хранитель Национального парка Чивеве. В прошлом юный сообразительный матабеле был следопытом и носителем ружья Дэниэла. При свете тысяч лагерных костров тот научил его читать, писать и бегло говорить по-английски.

Дэниэл ссудил Джонни деньгами, чтобы он оплатил первый год обучения в Университете Южной Африки; много позже Джонни окончил этот университет и получил диплом бакалавра.

Два молодых человека, черный и белый, вместе патрулировали обширные пространства Национального парка, часто пешком или на велосипедах. В дикой глуши они подружились, и за годы разлуки эта дружба не стала менее прочной.

Теперь Дэниэл всмотрелся в полумрак за дверью и негромко свистнул. – Эй, Джонни, а ты не терял времени, пока меня не было. Под этой крышей у тебя сокровищ на сотни тысяч долларов.

Джонни Нзу с прищуром посмотрел на Дэниэла, пытаясь угадать по лицу друга, что у того на уме. Но вот он расслабился: Джонни знал, что Дэниэл союзник, понимающий проблему даже лучше его. Тем не менее тема была столь щекотливой и вызвала столь сильные чувства, что в Джонни укоренилась привычка ожидать отвращения и враждебности.

Но Дэниэл уже повернулся к своему оператору.

– Можно тут посветить? Мне нужны несколько хороших кадров внутри помещения.

Оператор прошел вперед, сгибаясь под тяжестью сумок с аккумуляторами, висевших у него на поясе, и включил переносную дуговую лампу. Высокие ряды сокровищ озарил яркий бело-голубой свет.

– Джок, давай-ка пройди вслед за мной и хранителем вдоль всего склада, – сказал Дэниэл, и оператор кивнул и подошел ближе с видеокамерой «Сони» на плече.

Джоку тридцать с небольшим. На нем только короткие шорты защитного цвета и открытые сандалии.

На жаре долины Замбези его загорелая грудь блестела от пота, длинные волосы он перевязал на затылке кожаным ремешком. Выглядел он как поп-звезда, но снимал как настоящий художник.

– Попались, парни, – сказал он и провел объективом вдоль неровных груд слоновых бивней, закончив рукой Дэниэла, глядящей элегантно изгиб сверкающего бивня.

Потом он отступил, снимая Дэниэла в рост.

Не только докторская диссертация по биологии, книги и лекции сделали Дэниэла международным авторитетом в области африканской экологии. У него был вид здорового человека, много времени проводящего на свежем воздухе, и обаятельная манера держаться, что так выгодно проявляется на экране телевизора. И голос, низкий и убедительный.

В его речи достаточно сказывалось влияние Сандхерста¹, чтобы смягчить немелодичные гласные колониального говора.

Отец Дэниэла был штабным офицером в пехотных частях и воевал в Северной Африке под командованием Уэйвелла и Монтгомери.

После войны он выращивал в Родезии табак. Дэниэл родился в Африке, но отец отправил его завершать образование на родину, в Сандхерст. Потом Дэниэл вернулся в Родезию и поступил в Управление национальных парков.

– Слоновая кость, – сказал он, глядя в объектив, – со времен фараонов – один из самых прекрасных и дорогих природных ресурсов. Слава африканских слонов и их ужасный крест.

Дэниэл неторопливо пошел мимо груд бивней, Джонни Нзу двинулся за ним.

– Два тысячелетия человек охотится на слонов, чтобы добыть это живое белое золото, однако десять лет назад в Африке оставалось еще свыше двух миллионов слонов. Популяция слонов казалась неисчерпаемым источником, достоянием, которое защищали, контролировали и которое давало постоянный урожай... а потом что-то пошло не так, трагически, ужасно. За последние десять лет убит почти миллион слонов. Едва ли можно представить себе, почему это случилось. Мы здесь для того, чтобы понять, что пошло не так и как можно спасти стоящих на грани исчезновения африканских слонов. – Он посмотрел на Джонни. – Сегодня у нас в гостях Джон Нзу, главный хранитель Национального парка Чивеве, представитель новой породы африканских консерваторов. По случайному совпадению имя Нзу на языке шана означает «слон». Джон Нзу – повелитель слонов не только по имени.

Хранитель Чивеве, он отвечал за судьбу одного из самых крупных и здоровых слоновьих стад, что еще сохранились в дикой Африке. Скажите, хранитель, сколько бивней у вас на складе Национального парка Чивеве?

– У нас хранится почти пятьсот бивней, точнее, четыреста восемьдесят шесть, средним весом по семь килограммов каждый.

– На международном рынке слоновая кость стоит триста долларов килограмм, – вмешался Дэниэл, – так что тут ее больше чем на миллион долларов. Откуда все это?

– Ну, некоторые бивни мы подобрали – это бивни слонов, найденных в парке мертвыми; другие – добыча браконьеров, конфискованная моими лесничими. Но большую часть бивней мы получаем в процессе выбраковки, на которую вынужден идти наш департамент.

Дойдя до конца штабелей бивней, они остановились и повернулись к камере.

– Программу выбраковки мы обсудим чуть позже, хранитель. Сначала расскажите о деятельности браконьеров в Чивеве. Насколько они активны?

---

¹ Военное училище сухопутных войск, находится вблизи деревни Сандхерст графства Беркшир. – *Здесь и далее примеч. пер.*

– С каждым днем положение ухудшается, – печально покачал головой Джонни. – В Кении, Танзании и Замбии слоны истреблены, поэтому профессионалы все чаще обращают внимание на наше здоровое поголовье слонов дальше на юге. Замбия рядом, за рекой Замбези, и приходящие оттуда банды браконьеров организованы и вооружены лучше, чем мы. Они убивают не только слонов и носорогов, но и людей. Мы вынуждены отвечать тем же. Встретившись с бандой браконьеров, мы первыми начинаем стрелять.

– И все из-за этого...

Дэниэл положил руку на ближайшую грудку бивней; каждый был уникален. Одни почти прямые, длинные и тонкие, точно швейные иглы; другие согнуты, как натянутый лук. Одни заострены, как копья, другие тупые и толстые. Есть бивни жемчужного цвета, но большинство цвета алебаstra; некоторые потемнели от растительного сока, испарапаны и стерты.

Большинство принадлежало самкам или незрелым самцам; несколько бивней, взятых у детенышей, не длиннее предплечья человека. Совсем немного больших, могучих изогнутых бивней: тяжелая, зрелая слоновая кость взрослых самцов.

Дэниэл погладил один из таких бивней, и выражение его лица предназначалось не только для камеры. Он вновь со всей силой ощутил грусть, которая заставила его писать об уходе и уничтожении старой Африки и ее зачарованного царства животных.

– Мудрый и величественный зверь сведен вот к этому. – Дэниэл говорил почти шепотом. – Мы не можем не видеть трагической сути перемен, охвативших континент, даже если они неизбежны. Что такое слон – символ Африки? Слон умирает. Умирает ли Африка?

Он говорил абсолютно искренне. Все это точно фиксировала камера.

Именно в этом крылась главная причина популярности его телевизионных программ во всем мире.

Дэниэл с явным усилием взял себя в руки и снова повернулся к Джонни Нзу.

– Скажите, хранитель, слоны обречены? Сколько этих замечательных животных у вас в Зимбабве и сколько в Национальном парке Чивеве?

– В Зимбабве примерно пятьдесят две тысячи слонов, а наши данные по парку Чивеве еще более точны. Всего три месяца назад нам удалось обследовать парк с воздуха, нашим спонсором выступил Международный союз охраны природы. Мы сфотографировали всю территорию парка и на снимках с высоким разрешением пересчитали всех животных.

– Сколько? – спросил Дэниэл.

– Только в Чивеве восемнадцать тысяч.

– Большая популяция, примерно треть всех оставшихся в стране слонов, и все они здесь, у вас. – Дэниэл вопросительно приподнял бровь. – В общей мрачной, пессимистической атмосфере это должно внушать бодрость.

Джонни Нзу нахмурился.

– Напротив, доктор Армстронг, нас очень беспокоит такое поголовье.

– Объясните, пожалуйста, хранитель.

– Очень просто, доктор. Мы не можем содержать столько слонов. Мы считаем, что для Зимбабве идеальной популяцией было бы тридцать тысяч животных. Ежедневно один слон поедает тонну растительности, и в поисках пищи ломает деревья, которым нужны сотни лет, чтобы вырасти, ломает даже стволы диаметром четыре фута. Что будет, если позволить этому огромному стаду процветать и размножаться? Очень просто: парк очень быстро превратится в пыльную пустыню, а когда это произойдет, вся популяция слонов погибнет. И не останется ни деревьев, ни парка, ни слонов.

Дэниэл одобрительно кивнул. Монтируя фильм, он вставит в этом месте серию кадров, снятых несколько лет назад в кенийском национальном парке Амбосели. Устрашающие картины опустошения, голая красная земля и мертвые черные деревья, с которых содрали кору и листву; деревья умоляюще протягивают голые ветви к жестокому голубому небу Африки, раз-

лагающиеся туши крупных животных лежат, как кожаные мешки, там, где их погубили голод и браконьеры.

– У вас есть решение, хранитель? – негромко спросил Дэниэл.

– Боюсь, что очень жестокое.

– Вы покажете его нам?

Джонни Нзу пожал плечами.

– Смотреть на это не слишком приятно, но да, вы можете посмотреть, как это делается.

Дэниэл проснулся за двадцать минут до восхода солнца.

Ни годы, проведенные в больших городах за пределами Африки, ни многочисленные рассветы на севере, ни смена временных поясов в летящих самолетах – ничто не избавило его от привычки, приобретенной в этой долине. Конечно, годы участия в ужасающей родезийской войне в буше, когда он был призван на службу в войска безопасности, только укрепили ее.

Для Дэниэла рассвет – самое волшебное время дня, в особенности в этой долине. Он выбрался из спального мешка и потянулся за обувью. Он и его люди спали одетыми на пропеченной солнцем земле, расположившись вокруг угольев гаснущего костра. Они не стали сооружать защитную бому из колючих ветвей, хотя ночью по всему откосу порой рычали львы.

Дэниэл завязал шнурки на башмаках и неслышно выскользнул из круга спящих. Капли росы, висящие на стеблях травы словно жемчужины, промочили до колен его брюки, пока он шел к каменному выступу на краю утеса. Здесь он нашел место для сидения на камне и плотнее запахнул анорак.

С обманчивой быстротой и внезапностью подкрался рассвет, окрасил облака над великой рекой в нежные оттенки розового и серого талька.

Над темно-зелеными водами Зимбабве клубился туман, он пульсировал, как призрачная эктоплазма; темные стаи летящих уток четко очерчивались на бледном фоне. Утки летели строем, и концы их крыльев казались в неверном свете остриями ножей.

Где-то поблизости заревел лев; рев постепенно стих в раскатах мяукающих хрипов. При первых же звуках Дэниэл вздрогнул. Он много раз слышал львиный рев, но всегда вздрагивал. Ничего подобного в мире нет. Для него это был голос самой Африки.

Потом он увидел внизу, на краю болота, силуэт большой кошки. Лев, явно сытый и довольный, низко держал массивную голову с темной гривой, поворачивая ее из стороны в сторону в такт своей величественной походке.

Пасть была раскрыта, за черными губами блестели клыки.

Дэниэл проследил, как лев исчезает в густых кустах вдоль реки, и вздохнул от пережитого удовольствия. Сзади послышался негромкий звук. Дэниэл вздрогнул, но Джонни Нзу коснулся его плеча, успокаивая, и сел рядом на каменную плиту.

Джонни закурил. Дэниэлу так и не удалось отучить его от этой привычки. Они сидели в дружелюбном молчании, как много раз прежде, и смотрели, как быстро светает, пока не наступил миг, внушающий священный трепет: над темной массой леса показался горящий край солнца. Свет изменился, весь мир стал ярким и блестящим, как драгоценная керамика только из печи.

– Десять минут назад в лагерь вернулись следопыты. Они нашли стадо, – нарушил тишину Джонни, сбивая настрой.

Дэниэл пошевелился и посмотрел на него.

– Сколько? – спросил он.

– Примерно пятьдесят.

Это хорошо. Больше они все равно не смогли бы обработать – в жаркой долине плоть и шкура быстро гниют, а меньшее количество не оправдывало бы использование людей и дорогого оборудования.

– Ты уверен, что хочешь снимать? – спросил Джонни.

Дэниэл кивнул.

– Я тщательно это обдумал. Было бы нечестно скрывать.

– Люди едят мясо и носят кожу, но не хотят видеть бойню, – заметил Джонни.

– Мы рассматриваем сложный, вызывающий переживания объект. Люди имеют право знать.

– У любого другого я заподозрил бы журналистскую погоню за сенсацией, – сказал Джонни, и Дэниэл нахмурился.

– Ты, вероятно, единственный, кому я позволяю так говорить, потому что тебя мне не обмануть.

– Да, Дэни, меня тебе не обмануть, – согласился Джонни. – Тебе это ненавистно не меньше, чем мне, но именно ты первый объяснил мне, что это необходимо.

– Давай-ка приступим, – предложил Дэниэл. Они встали и молча пошли туда, где стояли грузовики.

Лагерь уже ожил, на кострах варили кофе.

Лесничие скатывали одеяла и спальные мешки, проверяли оружие. Их было четверо, двое черных и двое белых, все двадцати с небольшим лет, в форме национальных парков – защитно-зеленой, с зелеными полосками на плечах; обращаясь с оружием с навыками ветеранов, они дружелюбно, весело болтали. Черные и белые обращались друг с другом по-товарищески, хотя, вероятно, судя по возрасту, все участвовали в войне в буше, причем на разных сторонах. Дэниэла всегда поражало, как мало горечи в них осталось.

Джок, оператор, уже снимал. Дэниэлу иногда казалось, что камера «Сони» – естественное продолжение его тела, как горб.

– Я задам тебе перед камерой несколько глупых вопросов и могу немного поддразнить тебя, – предупредил Дэниэл Джонни. – Мы оба знаем ответы на эти вопросы, но тебе придется притворяться, ладно?

– Валяй.

Джонни отлично выглядит на видео. Дэниэл накануне как раз разглядывал полученные кадры. Одно из преимуществ современного видеоборудования – возможность сразу увидеть результат. Джонни напоминает молодого Кассиуса Клея, до того как тот стал Мохаммедом Али, но черты у него тоньше, фигура изящнее, и он гораздо фотогеничнее. Выразительное, подвижное лицо, а кожа не такая темная, чтобы составить большой контраст и затруднить съемку.

Они жались к дымному костру; Джок приблизил к ним камеру.

– Мы в лагере на берегу реки Замбези, солнце только что встало, а поблизости буш, в котором ваши следопыты, хранитель, обнаружили следы стада слонов в пятьдесят голов, – сказал Дэниэл Джонни, и тот кивнул. – Вы объяснили мне, что парк Чивеве не может содержать столько крупных животных и что только в этом году по меньшей мере тысячу их следует удалить из парка, не только по соображениям экологии, но и ради выживания остающихся слонових стад. Как вы их собираетесь удалять?

– Нам придется провести выбраковку, – коротко ответил Джонни.

– Выбраковку? – переспросил Дэниэл. – Это значит убить, верно?

– Да. Мы с лесничими перестреляем их.

– Всех, хранитель? Вы сегодня застрелите пятьдесят слонов?

– Мы выбракуем все стадо.

– Но как же слонята и беременные самки? Неужели вы не пощадите ни одно животное?

– Все они здесь лишние, – настаивал Джонни.

– Но почему, хранитель? Нельзя ли поймать их, использовать стрелы со снотворным и переселить куда-нибудь?

– Стоимость перевозки животного размером со слона огромна. Крупный самец весит шесть тонн, средняя самка – около четырех. Посмотрите на местность ниже по долине, – Джонни показал на высокий откос и скалистые холмы; все заросло диким лесом. – Потребовались бы специальные фургоны, а еще пришлось бы построить дороги, чтобы фургоны приехали и уехали. Но даже если бы это было возможно, куда их везти? Я говорил, у нас в Зимбабве около двадцати тысяч лишних слонов. Куда их можно переселить? Для них просто нет места.

– Итак, хранитель, в отличие от более северных стран, например Кении и Замбии, где браконьерство и неудачная природоохранная политика привели к почти полному уничтожению слонов, вы в парадоксальной ситуации. Вы слишком хорошо присматривали за слонами. И теперь вам приходится зря уничтожать этих удивительных животных.

– Нет, доктор Армстронг, мы уничтожаем их не зря. Мы используем их туши, слоновую кость, шкуры и мясо – все это будет продано. А полученные средства пойдут на охрану природы, предотвращение браконьерства и защиту наших национальных парков. Смерть этих животных не просто злодеяние.

– Но почему необходимо убивать матерей и детей? – настаивал Дэниэл.

– Не хитрите, доктор, – предостерег его Джонни. – Вы используете эмоциональную терминологию групп защиты животных – «матери и дети». Назовем их лучше самками и детенышами и согласимся, что самка ест и занимает места не меньше самца, а детеныши очень быстро становятся взрослыми.

– Это вы так считаете, – произнес Дэниэл, но, хоть и предупрежденный перед съемкой, Джонни начал сердиться.

– Подождите! – рявкнул он. – Дело не только в этом. Мы должны уничтожить все стадо. Категорически нельзя оставлять выживших. Стадо слонов – это семейная группа со сложной внутренней структурой. Почти все животные кровные родственники, и в стаде существуют разветвленные социальные отношения. Слон – умное животное, вероятно, самое умное после приматов и, несомненно, разумнее кошек, собак или даже дельфинов. Слоны знают... то есть, я хочу сказать, они понимают...

Он замолчал и откашлялся. Джонни терял контроль над чувствами, и никогда Дэниэл не любил его и не восхищался им больше, чем в этот момент.

– Ужасная истина заключается в том, – хрипло продолжал Джонни, – что, если мы позволим кому-нибудь пережить выбраковку, уцелевшие передадут свой ужас и панику остальным стадам парка. Быстро исказится социальное поведение слонов.

– Нет ли в этих словах натяжки, хранитель? – негромко спросил Дэниэл.

– Нет. Так бывало раньше. После войны в Национальном парке Венки оказалось десять тысяч лишних слонов. В то время мы мало что знали о технике и последствиях массовой выбраковки. Пришлось быстро научиться. Наши первые неловкие попытки едва не уничтожили всю социальную структуру стад. Перестреляв старейших животных, мы уничтожили накопленный ими опыт и запас передаваемой мудрости. Мы нарушили маршруты их миграции, уничтожили иерархию и дисциплину внутри стад, даже их обычаи размножения. Словно почувствовав приближающееся истребление, самцы начали покрывать неполовозрелых самок раньше, чем те были готовы к случке.

Самка слона может зачинать и вынашивать плод не раньше шестнадцати лет, как женщина. От стресса, вызванного выбраковкой, самцы покрывали самок десяти и одиннадцати лет; от таких союзов рождались низкорослые, болезненные детеныши. – Джонни покачал головой. – Нет, мы должны одним ударом уничтожить все стадо.

Почти с облегчением он посмотрел на небо.

Оба услышали за облаками шум самолета, похожий на гудение насекомого.

– Наш разведчик, – пояснил Джонни тихо и взял в руки микрофон. – Доброе... утро, Сьерра Майк. Мы видим вас примерно в четырех милях к югу от нашей позиции. Подаю сигнал желтым дымом.

Джонни кивнул одному из лесничих, и тот взял в руки запальный шнур дымовой палочки. Желтый дым поднялся в воздух и поплыл над вершинами деревьев.

– Принято, парк. Вижу ваш дым. Прошу наведения на цель.

Джонни нахмурился, услышав слово «цель», и, отвечая, использовал другое слово.

– Вчера на закате стадо двигалось на север к реке в пяти милях от этой позиции. В нем больше пятидесяти животных.

– Спасибо, парк. Свяжусь снова, когда увижу его.

Она видели, как самолет резко повернул на восток. Старинная одномоторная «Сессна», в прошлом, во время войны в буше, вероятно, самолет-убийца.

Пятнадцать минут спустя радио снова с треском ожило.

– Алло, парк. Нашел ваше стадо. Больше пятидесяти штук и в восьми милях от вашей нынешней позиции.

Стадо расположилось на обоих берегах пересохшей реки, когда-то проложившей себе путь в низких кремневых холмах. Здесь длинные корни дотягивались до подземных вод, и потому лес был зеленее и пышнее. На акациях, в шестидесяти футах над землей, висели крупные стручки, похожие на длинные коричневые галеты.

Две самки подошли к одному из деревьев с согнутыми под тяжестью стручков ветками. Это были матриархи стада, обе семидесяти лет, исхудавшие старые вдовы с изорванными ушами и слезящимися глазами.

Они связаны друг с другом больше пятидесяти лет. Сводные сестры, погодки от одной матери. Старшую после рождения младшей отлучили от вымени, она нежно помогала ухаживать за младшей, как бывает между сестрами у людей. Они бок о бок прожили долгую жизнь и накопили огромный жизненный опыт и мудрость, добавив все это к наследственному инстинкту, полученному при рождении.

Они поддерживали друг друга в засуху, в голод и в болезнях. Разделяли радость добрых дождей и изобильной пищи. Знали, где скрываются охотники и в каких границах они и стадо в безопасности. Они были друг для друга повитухами, уходя от стада, когда для одной из них приходил срок, и помогали друг другу терпеть родовые боли. Они разрывали друг у друга плодный пузырь детеныша и помогали выращивать малышей, передавать им мудрость и подводить к зрелости.

Дни их собственной плодовитости давно миновали, но стадо и его безопасность оставались их обязанностью и главной заботой. Их радостью и главной ответственностью были молодые самки и новые детеныши, продолжавшие линию их крови.

Возможно, наделять грубых животных столь человеческими чувствами, как любовь, уважение или вера в то, что им понятно кровное родство и известно о продолжении своего рода, – все это выдумка, фантазия. Но никто из видевших, как старые самки подняв уши или резким криком успокаивают разбушевавшуюся молодежь, как стадо в безусловном повиновении следует за ними, не усомнился бы в их власти и авторитете. Никто из видевших, как они ласкают детенышей мягким хоботом или помогают им преодолеть особенно крутые подъемы, не мог не заметить их заботы. А когда грозила опасность, они ставили малышей за собой и бросались вперед, широко расставив уши, вскинув хоботы, готовые ударить по врагу.

Крупные самцы, огромные, массивные, превосходили их величиной, но не хитростью и яростью.

Бивни самцов длиннее и тяжелее, иногда они весят больше ста фунтов. Бивни старых самок искривлены, изношены, потрескались и обесцветились от старости, сквозь серую кожу слоних выпирают ребра, но слонихи никогда не ослабляли бдительность и заботу о стаде.

Самцы поддерживали непрочную связь со стадом из самок и детенышей. С годами они предпочитали одиночество и образовывали небольшие холостяцкие группы из двух-трех животных, навещаая самок только когда чувствовали острый запах течки. А старые самки всегда оставались со стадом.

Именно они были той прочной основой, на которой покоилась социальная структура стада. Тесная община самок и детенышей полностью зависела от их мудрости и опыта в повседневной жизни и выживании.

Теперь сестры в полной гармонии направились к гигантской акации, усыпанной крупными стручками, заняли позиции по обе стороны ствола и прижались лбами к неровной шероховатой коре. Ствол был свыше четырех футов диаметром, неподвижный и прочный, как мраморная колонна. На высоте в сто футов расходились огромные ветви, а листва и стручки переплетались, образуя на фоне неба соборный купол.

Две самки принялись одновременно раскачиваться вперед-назад, зажав ствол лбами. Вначале акация оставалась неподвижной, не уступая даже их огромной силе. Старые самки упрямо продолжали действовать, нажимая все сильнее и сильнее, они по очереди обрушивали свой огромный вес на дерево то с одной, то с другой стороны, и акация едва заметно задрожала, верхние ветки зашевелились, словно тронутые ветром.

Самки продолжали ритмично нажимать, и ствол пришел в движение.

Единственный спелый стручок сорвался с ветки, с высоты ста футов, упал на лоб одной из самок и разбился. Самка крепко зажмурила слезящиеся глаза, не прекращая толчков. Вдвоем они добились того, что гигантский ствол начал раскачиваться, вначале громоздко и медленно, потом все быстрее и резче. Упал еще один стручок, потом еще; они падали тяжело, как первые капли ливня.

Детеныши поняли, что предстоит, возбужденно захлопали ушами и устремились вперед. Богатые протеином стручки акации – их излюбленное лакомство. Они радостно окружили самок, подхватывали хоботами падающие стручки и засовывали их глубоко в горло.

Теперь большое дерево раскачивалось из стороны в сторону, его ветви переплетались, листва дрожала. Стручки и маленькие ветки градом сыпались сверху, с грохотом отскакивая от спин самок.

Самки, по-прежнему сжимавшие ствол словно в тисках, упрямо раскачивали его до тех пор, пока дождь стручков не прекратился.

Лишь когда сверху упал последний стручок, они отошли от ствола. Их спины были покрыты листвой и ветками, сухой корой и бархатными стручками, они по щиколотку стояли в опавшей листве и обломках. Потом слонихи опустили хоботы к земле, осторожно подобрали по стручку и сунули в раскрытые пасти, опустив нижнюю треугольную губу.

Слизь лицевых желез, словно слезы удовольствия, покрыла их щеки, когда они начали кормиться.

Стадо столпилось вокруг, вволю лакомясь плодами их трудов.

Длинные змееподобные хоботы поднимались и опускались, стручки попадали в глотку, слышался звук, исходивший от всех этих огромных туш, мягкое урчание множества оттенков; этот звук перемежался высоким попискиванием, едва уловимым для человеческого уха. Необычный хор, выражавший довольство, к которому примкнули даже самые маленькие слонята.

Этот звук словно выражал радость жизни и укреплял связь, существующую между всеми особями в стаде.

Слоновья песнь.

Одна из старых самок первой заметила угрозу для стада и дала сигнал тревоги – резкий, высокий звук, который не воспринимает человеческое ухо. Все слоны мгновенно замерли и стояли совершенно неподвижно. Даже самые молодые слонята реагировали немедленно.

Тишина после радостного пиршественного рева казалась сверхъестественной, а гудение двигателя самолета – слишком громким по контрасту.

Старые самки узнали шум двигателя «Сессны».

За последние несколько лет они слышали его много раз и привыкли связывать с бурной человеческой деятельностью, усилением напряжения и распространением ужаса, который телепатически передается от одной стаи слонов к другой.

Они знали, что этот звук в воздухе – предвестник далеких хлопков ружейных выстрелов и запаха слоновьей крови, который потоки теплого воздуха разносят вдоль откоса. Часто после того, как стихнут гул мотора и ружейные выстрелы, слоны находили обширные участки леса, залитые уже засохшей кровью, и чувствовали запах боли, страха и смерти других слонов; этот запах по-прежнему смешивался со зловонием крови и гниющих внутренностей.

Одна из самок попятилась и гневно покачала головой. Ее рваные уши громко хлопали о плечи – с таким звуком разворачивается грот, ловя ветер.

Потом самка повернулась и бегом повела стадо.

При стаде было два взрослых самца, но при первых же признаках опасности они отвернули и исчезли в лесу. Инстинктивно почуяв, что стадо уязвимо, они искали спасения в одиночном бегстве. Молодые самки и детеныши побежали за матриархами; самые маленькие лихорадочно старались угнаться за матерями. В иных обстоятельствах их торопливость могла бы показаться комичной.

– Парк, прием. Стадо бежит на юг к проходу Имбелези.

– Принято, Сьерра Майк. Пожалуйста, гоните его к повороту на пруды Маны.

Старая самка вела стадо в холмы. Она хотела увести стадо из речной долины, где камни и крутой откос мешают бежать, но звуки самолета впереди не давали ей пройти к началу прохода.

Самка неуверенно остановилась и подняла голову к небу, где в самой вышине громоздились огромные серебряные груды облаков.

Она расправила уши, потрепанные и выцветшие от старости, и повернула голову в сторону страшного звука.

И увидела самолет. Лучи раннего солнца отразились от его ветрового стекла, когда самолет круто повернул и начал снижаться к ней. Он летел низко, над самыми вершинами деревьев, и гул его двигателя перешел в рев.

Обе самки кинулись обратно к реке. Стадо нестройно развернулось, как кавалерийский отряд, и побежало за самками; поднятая слонами мелкая пыль поднялась выше деревьев.

– Парк, стадо направляется в вашу сторону. Вы в пяти милях от поворота.

– Спасибо, Сьерра Майк; летите над ними и продолжайте шуметь. Но не гоните слишком сильно.

– Понял, парк.

– Все л-группы. – Джонни Нзу сменил частоту. – Всем л-группам собраться у прудов Маны.

Л-группы, группы ликвидаторов, – это четыре «лендровера», стоящие на позициях вдоль главной тропы, идущей от штаб-квартиры Чивеве вдоль речного откоса. Джонни разместил их так, чтобы они могли остановить стадо, если оно попытается свернуть. Кажется, теперь это не понадобится. Опытный пилот-разведчик умело гнал стадо в нужный квадрат.

– Кажется, получится с первой попытки, – пробормотал Джонни, тормозя, разворачивая «лендровер» на 180 градусов и полным ходом мчась вниз по тропе. Между песчаными колеями

росла высокая трава, и машину подбрасывало на кочках. Ветер дул в лицо; Джонни сорвал с головы шляпу и сунул в карман.

Джок с плеча снимал стадо буйволов, которое выбежало перед ними из леса и пересекло тропу.

– Проклятие! – Джонни нажал на тормоза и взглянул на часы. – Эти глупые найати нам помешают.

Сотни темных бычьих тел двигались сплошным потоком; буйволы тяжело скакали, поднимая белую пыль, хрюкая, мыча и на бегу заливая приминаемую траву жидким пометом.

Через несколько минут они пробежали, и Джонни снова увеличил скорость. Машина ворвалась в облако пыли и запрыгала по выбоинам, оставленным большими раздвоенными копытами. За поворотом тропы стояли на перекрестке другие «лендроверы», а рядом с ними – четыре лесничих, держа в руках ружья и выжидательно повернув назад головы.

Джонни затормозил свой «лендровер» и взял в руки микрофон радио.

– Сьерра Майк, дайте координаты.

– Парк, стадо в двух милях от вас, приближается к Длинному Влею.

Влей – это углубление в травяной равнине; Длинный Влей тянется на много миль вдоль реки. В сезон дождей он превращается в болото, но сейчас представляет собой идеальную территорию для убийства. Лесничие использовали его и раньше.

Джонни привстал на шоферском сиденье и снял со стойки ружье. Он и его лесничие вооружены дешевыми ружьями «Магnum» массового производства, заряженными мощными пулями, рассчитанными на высокую проникаемость. Людей для этой работы он отбирал по их умению метко стрелять.

Убить нужно быстро и как можно более гуманно.

Стрелять будут в мозг, не пытаясь произвести более легкий выстрел в тело.

– Пошли! – приказал Джонни.

Ему не требовалось отдавать приказы. Хотя все эти люди – молодые, суровые профессионалы – проделывали эту работу уже много раз, лица у них были серьезные. В глазах никакого возбуждения, никакого предвкушения. Это не забава.

Им явно не нравилась предстоящая кровавая работа.

Все они в шортах, в вельскунах – прочных южноафриканских башмаках из невыделанной кожи – на босу ногу, одежда для бега, легкая. Единственная тяжесть, которая у них с собой, – дешевое оружие и патронташи на поясе.

Стройные, мускулистые; Джонни Нзу такой же сильный и закаленный, как все остальные. Они побежали навстречу стаду.

Дэниэл бежал за Джонни Нзу. Он считал, что бег и тренировки держат его в хорошей форме, но он забыл, что значит охотиться и быть в такой форме, как Джонни Нзу и его лесничие.

Они бежали как псы, легко летели по лесу, их ноги словно сами находили дорогу среди кустов и скал, упавших ветвей и ям. На бегу они едва касались земли.

Когда-то и Дэниэл так бежал, но сейчас его ноги тяжело ударяли в землю, и он раз или два споткнулся на неровной поверхности. Они с оператором сильно отстали.

Джонни Нзу дал знак рукой, и лесничие вытянулись длинной засадной цепью, их разделяло расстояние в тридцать ярдов.

Впереди лес неожиданно расступился, открылась поляна Длинного Влея, триста ярдов шириной, поросшая сухой светлой травой по пояс человеку.

Ряд охотников остановился на краю леса; все смотрели в центр, где стоял Джонни. Джонни запрокинул голову: он следил за самолетом-разведчиком над вершинами деревьев. Самолет круто повернул и встал на крыло почти вертикально.

Дэниэл поравнялся с Джонни; и он, и оператор тяжело дышали, хотя пробежали меньше мили. Дэниэл позавидовал Джонни.

– Вот они, – негромко сказал Джонни. – Посмотри на пыль.

Над вершинами, разделяя их и самолет, стояла завеса пыли.

– Бегут быстро.

Джонни замахал правой рукой, и засадная цепь послушно изогнулась, приняв форму рогов буйвола, с Джонни в центре. По следующему сигналу люди пошли на поляну.

Легкий ветерок дул им в лицо: стадо не почует их. Хотя инстинктивно стадо бежит против ветра, чтобы не наткнуться на опасность, самолет повернул его, заставив бежать по ветру.

Слоны подслеповаты: цепь людей они увидят, только когда будет поздно. Ловушка расставлена, и слоны бегут прямо в нее, подгоняемые низко летящей «Сессной».

Две старые самки вырвались вперед, их костлявые ноги мелькали, уши были прижаты и заведены назад, свободные складки серой кожи дрожали и качались при каждом шаге. Остальная часть стада держалась за ними. Детеныши начинали уставать, и матери подталкивали их хоботами.

Линия палачей застыла полукругом, как вход в сеть, готовую захватить косяк рыбы. У слонов будет слишком большой разгон, когда их слабые, да еще ослепленные паникой глаза заметят фигуры людей.

– Первыми снять старушек, – негромко сказал Джонни.

Он узнал старых слоних и понял, что с их гибелью стадо растеряется и поведет себя нерешительно. Его приказ передали по цепи.

Самки бежали перед стадом прямо туда, где стоял Джонни.

Он подпустил их ближе. Ружье Джонни держал у груди, высоко подняв.

За сто ярдов от него слоновьи вдовы начали отворачивать влево, и Джонни впервые шевельнулся.

Он поднял ружье, помахал им над головой и крикнул на синдебеле:

– Нанзи инкозиказе, я здесь, уважаемая старушка!

Слоны впервые поняли, что перед ними не древесный пенек, а смертельный враг.

Они мгновенно вновь повернули к нему и, движимые генетически усвоенной заботой о стаде, пытались излить на него всю унаследованную ненависть. Они полным ходом неслись к Джонни.

На бегу они яростно трубили и удлинили шаг; из-под их колоссальных ступней поднималась пыль. Уши прижались к голове – верный признак гнева. Слоны возвышались над группой крошечных человеческих фигур.

Дэниэл отчаянно жалел, что не принял мер предосторожности и не прихватил оружие. Он забыл, как ужасен миг, когда ближайшая самка в пятидесяти ярдах от тебя и приближается со скоростью сорок миль в час.

Джок продолжал снимать, хотя теперь яростные крики двух самок подхватило все стадо. Слоны приближались, точно лавина из серого гранита, словно обрушился целый взорванный холм.

Когда оставалось тридцать ярдов, Джонни Нзу поднял ружье к плечу и подался вперед, чтобы погасить отдачу. На вороненом стальном стволе не было оптического прицела. Для такой близкой стрельбы Джонни использовал простой прицел.

С появления в 1912 году «Холланда и Холланда». 375 тысячи спортсменов и охотников-профессионалов доказали, что это самое универсальное и эффективное оружие, когда-либо применявшееся в Африке.

Высокая точность, небольшая отдача и трехсотграновая² пуля – настоящее чудо баллистики, с плоской траекторией и глубочайшим проникновением.

Джонни прицелился в голову бегущей впереди самки, в складку между близорукими слезящимися глазами. Выстрел прозвучал резко, как щелчок бича, и с обветренной серой кожи на черепе поднялся столбик пыли – точно в том месте, куда целился Джонни.

Пуля пробила голову легко, как стальной гвоздь – спелое яблоко. Она разрушила верхнюю часть мозга, и передние ноги самки подогнулись; Дэниэл почувствовал, как дрогнула земля, когда самка в облаке пыли рухнула на землю.

Джонни прицелился во вторую самку в тот миг, когда та поравнялась с тушей сестры. Не отнимая приклада от плеча, он перезарядил ружье, щелкнув затвором.

Пустая гильза еще чертила свою сверкающую параболу, когда Джонни выстрелил снова. Звуки двух выстрелов почти слились воедино; они прозвучали так быстро, что даже опытное ухо могло бы принять их за один. Пуля опять точно попала в цель; самка, как и первая, умерла мгновенно.

Ее ноги подогнулись, и она упала на брюхо, касаясь плечом сестры. У каждой в центре головы из маленького пулевого отверстия бил фонтанчик крови.

Стадо пришло в смятение. Сбитые с толку животные вертелись, сталкивались друг с другом, приминали траву и вздымали вокруг себя тучи пыли, которые мешали видеть происходящее, так что тела слонов в этом пылевом облаке казались нереальными и были едва различимы. Детеныши искали убежища под материнским брюхом, в ужасе прижимали уши к голове, а лихорадочно суетящиеся матери толкали их и выпихивали наверх.

Лесничие приближались, непрерывно стреляя. Выстрелы превратились в непрерывный рокот. Все стреляли в мозг. Со звуком, с каким наносят хороший удар клюшкой для гольфа по мячу, пуля пробивала череп; слон дергался и вскидывал голову. При каждом выстреле один из слонов падал замертво или, ошеломленный, замирал. Большинство погибало мгновенно; подгибались передние ноги, потом с глухим стуком, словно мешок кукурузы, падала голова.

Если пуля миновала мозг, но проходила близко от него, бегущий слон, пошатнувшись, спотыкался и падал, трубя, бессильно подняв хобот к небу.

Одного из детенышей придавило тушей матери и сломало спину, он лежал и кричал от страха и боли. Некоторые слоны оказывались внутри завала из тел павших сородичей и вставали на дыбы, пытаясь перебраться через трупы. Снайперы стреляли в них, они падали на мертвых, по ним карабкались новые и в свою очередь получали пулю.

Все произошло очень быстро. Через несколько минут все взрослые животные были мертвы; они лежали рядом друг с другом или друг на друге кровавыми грудями.

Только детеныши беспомощно бегали кругами, спотыкаясь о тела мертвых и умирающих, крича и цепляясь за туши матерей.

Стрелки медленно продвигались вперед, все более тесным кольцом окружая гибнущее стадо. На ходу они стреляли, перезаряжали и снова стреляли. Они перебили детенышей, а когда не осталось ни одного животного на ногах, принялись обходить гигантские туши, задерживаясь только для того, чтобы еще раз выстрелить в каждую огромную окровавленную голову. Большинство слонов никак не отзывалось на второй выстрел в мозг, но иногда еще живой слон вздрагивал, вытягивал ноги, слепо мигал – и застывал.

Через шесть минут после первого выстрела Джонни Нзу над территорией бойни в Длинном Влее нависла тишина. Только в ушах еще гудело от ружейных выстрелов. Движения не было, слоны лежали неподвижно рядами, как сжатая пшеница, сухая земля быстро поглощала кровь. Лесничие по-прежнему стояли поодаль друг от друга, подавленные и ошеломленные

---

² Вес пули измеряется в гранах, один гран – 64 миллиграмма.

произведенным ими опустошением, с сожалением глядя на груды мертвых тел. Пятьдесят слонов, двести тонн мяса.

Джонни Нзу нарушил сковавшее всех трагическое оцепенение. Он медленно прошел туда, где во главе стада лежали две мертвые самки. Они лежали рядом, соприкасаясь плечами, поджав под себя ноги, лежали как живые, и только фонтанчики крови из голов нарушали эту иллюзию.

Джонни поставил приклад на землю, оперся на ружье и долго, в трагическом молчании, разглядывал лежащих матриархов. Он не замечал, что Джок снимает. Его действия и слова были не отрепетированы, не подготовлены.

– Хамба габле, амакбулу, – прошептал он. – Идите с миром, старушки. Вы и в смерти вместе, как были в жизни. Идите с миром и простите нас за то, что мы сделали с вашим племенем.

Он отошел к деревьям на краю поляны. Дэниэл не пошел за ним. Он понимал, что Джонни хочет побыть один. Остальные лесничие тоже избегали общения. Не было ни болтовни, ни поздравлений; двое с безутешным видом бродили среди мертвых туш; третий сидел на том месте, откуда сделал последний выстрел, и курил, разглядывая пыльную землю под ногами; четвертый отложил ружье и, сунув руки в карманы, смотрел в небо, на собирающихся стервятников.

Первые птицы-падальщики казались черными точками на фоне собирающихся грозовых туч, как зерна перца, рассыпанные по скатерти.

Птицы подлетели ближе; теперь они парили над головами, образуя кружащие эскадрильи, аккуратно поворачиваясь упорядоченным строем – темное колесо смерти высоко над полем боя, их тени стремительно скользили по грудам туш в центре Длинного Влея.

Сорок минут спустя Дэниэл услышал рев приближающихся грузовиков и увидел, как они медленно показались из леса. Перед колонной бежала группа полуодетых людей с топорами, прорубая в подлеске примитивную дорогу для грузовиков.

Джонни (он сидел на краю поляны) с явным облегчением поднялся с места и подошел, чтобы распорядиться разделкой туш.

С помощью цепей и лебедок окровавленные туши растащили.

Потом морщинистую серую кожу разрезали вдоль брюха и спины. В ход снова пустили электрические лебедки. Шкура с туши сходила с треском: это рвались подкожные связки. Длинные полосы кожи снаружи были серые и мятые, изнутри сверкали белизной. Каждую полоску укладывали на землю и посыпали крупной солью. Освеженные туши в ярком солнечном свете казались странно непристойными, влажными, с мраморными прослойками жира и выставленными напоказ алыми мышцами. Раздутые животы словно просились под удары разделяющих ножей.

Тот, что сдирал шкуру, погрузил лезвие ножа в брюхо одной из самок под самой грудной. Тщательно контролируя глубину надреза, чтобы не прорезать внутренности, он прошел вдоль всей туши, ведя нож как гигантский замок молнии, и огромное брюхо раскрылось, вывалился желудочный мешок, блестящий, словно парашютный шелк.

Внутри мешка, как змеи, шевелились кишки. Они словно жили своей особой жизнью. Точно тело проснувшегося питона, они извивались и дергались под собственной скользкой тяжестью.

За работу принялись люди с бензопилами. Громкий гул двухтактного двигателя казался почти святотатственным в этом месте смерти, голубые выхлопные газы поднимались в пронизанный ярким светом воздух. У каждой туши отпиливали конечности, из-под пил брызгами разлетались обрывки плоти и осколки костей.

Потом принялись резать позвоночник и ребра; туши расчленили на несколько частей, которые с помощью лебедок грузили в ожидающие грузовики.

Особая группа людей, вооруженных длинными ножами-пангами, протыкала мягкие груди влажных внутренностей, чтобы вытащить из маток слоних неродившихся зародышей. Дэниэл следил, как они разрезают разбухшую матку, темно-пурпурную от покрывающих ее кровеносных сосудов. Из околоплодного мешка в потоке амниотической жидкости выскользнул зародыш размером с крупную собаку и упал на вытоптанную траву.

Он должен был родиться через несколько недель, это был настоящий маленький слон, поросший рыжеватым волосом, который вылезает вскоре после рождения.

Зародыш был еще жив и шевелил хоботом.

– Убейте его, – хрипло приказал Дэниэл на синдибеле.

Едва ли зародыш ощущал боль, но Дэниэл с облегчением отвернулся, когда один из рабочих ударом своей панги отрубил слоненку голову. Дэниэла тошнило, хотя он понимал, что при выбраковке ничего нельзя упускать. Мелкозернистую кожу неродившегося слоненка обрабатывают вручную, она считается чрезвычайно ценной. Кусок, идущий на изготовление сумочки или чемоданчика-дипломата, стоит несколько сотен долларов.

Чтобы отвлечься, Дэниэл отошел в сторону от места бойни.

Теперь оставались только головы крупных животных и огромные груди блестящих кишок. Ничего ценного из внутренностей извлечь нельзя, они останутся на корм стервятникам.

Самый ценный результат выбраковки – бивни, которые еще торчат из голов. В старину браконьеры и охотники за слоновой костью не рисковали повредить бивень неосторожным ударом топора и обычно оставляли его в черепе, дожидаясь, пока хрящевое крепление бивня, которое прочно держит его на месте, размягчится; тогда бивень можно извлечь.

Обычно через четыре-пять дней бивни можно, не повреждая, извлечь руками.

Однако сейчас на это нет времени. Бивни придется вырубать. Делают это самые опытные, обычно пожилые работники, седые, в окровавленных набедренных повязках.

Они сидели возле голов и терпеливо простукивали их своими туземными топорами.

Пока они занимались этой неспешной работой, Дэниэл подошел к Джонни. Джок нацелил на них камеру.

– Кровавая работа.

– Но необходимая, – коротко ответил Джонни. – В среднем каждый слон приносит около трех тысяч долларов – слоновая кость, шкура и мясо.

– Очень многим это покажется слишком коммерческим подходом, особенно когда они воочию увидят, что такое выбраковка, – покачал головой Дэниэл. – Вы должны знать, что Движение в защиту животных ведет ожесточенную кампанию, требуя, чтобы слонов занесли в приложение один Конвенции о международной торговле видами, находящимися под угрозой исчезновения.

– Знаю.

– Если это произойдет, всякая торговля слоновой костью, шкурами и мясом слонов будет запрещена. Что вы об этом скажете, хранитель?

– Это меня очень рассердит.

Джонни бросил сигарету и затоптал. Его лицо стало свирепым.

– Это прекратит операции по выбраковке, не правда ли? – настаивал Дэниэл.

– Вовсе нет, – возразил Джонни. – Мы по-прежнему вынуждены будем проводить выбраковки. Единственное отличие в том, что мы не сможем продавать мясо, шкуры и бивни слонов. Они будут пропадать впустую, и это трагическая и преступная потеря. Мы лишимся миллионов долларов, которые сейчас идут на сохранение дикой природы...

Джонни замолчал и принялся наблюдать, как двое рабочих осторожно извлекают бивень из губчатой прокладки в черепе и укладывают его на коричневую траву.

Один из них искусно извлек из бивня нерв – мягкий, серый студенистый стержень. После чего Джонни продолжил:

– Эти бивни помогают нам оправдывать существование парков и животных, которые в них обитают, перед местными племенами, живущими в тесном контакте с природой на границах национальных парков.

– Не понимаю, – подталкивал его Дэниэл. – Вы хотите сказать, что местные племена недовольны существованием парков и населяющих их животных?

– Нет, если они могут извлекать из этого существования личную выгоду. Если мы сумеем доказать им, что самка слона стоит три тысячи долларов и что иностранный охотник во время сафари тратит от пятидесяти до ста тысяч долларов, чтобы поохотиться на самца, если мы сумеем показать, что один-единственный слон ценней сотен, даже тысяч их коз и худосочного скота, если часть денег за слонов вернется к ним и к их племени, тогда они поймут, зачем мы охраняем стада.

– Вы хотите сказать, что местные племена не ценят дикую природу?

Джонни горько рассмеялся.

– «Первый мир» – это мир роскоши и страстей. А местные племена живут на грани нищеты. Мы говорим о среднем годовом семейном доходе в сто или двести долларов, десять долларов в месяц. Эти люди не могут отказаться от земли и просто смотреть на прекрасных, но бесполезных для них животных. Если в Африке должны сохраниться дикие животные, за их жизнь придется платить. В этой жестокой земле не бывает ничего дармового.

– Можно было бы подумать, что тот, кто живет близко к природе, инстинктивно должен беречь ее, – настаивал Дэниэл.

– Да, конечно, но это отношение чисто прагматическое. Существовая внутри природы, первобытный человек тысячелетиями обращался с ней как с возобновляемым источником. Эскимосы жили за счет карибу, тюленей и китов, американские индейцы – за счет бизоньих стад, и инстинктивно использовали тот способ управления природой, который нам недоступен. Они жили в равновесии с природой, пока не появился белый человек с гарпунами со взрывателем и с ружьем Шарпа или пока здесь, в Африке, законы об охоте и элитной дичи не сделали охоту черного туземца на собственной земле преступлением, отдав диких животных на откуп лишь избранным.

– Да вы расист, – мягко упрекнул Дэниэл. – Старая колониальная система сохраняла дикую природу. Но как природа выживала на протяжении миллионов лет до появления белых людей?

– Нет, колониальная система управления дичью была охраняющей, а не сохраняющей.

– А разве это не одно и то же: охрана и сохранение?

– На самом деле они прямо противоположны. Охранитель отказывает человеку в праве использовать природу, пользоваться ее дарами. Он отрицает право человека убивать животное, даже если его существование угрожает всему виду. Будь сейчас здесь такой охранитель, он запретил бы нам выбраковку и не стал бы задумываться над последствиями такого запрета, который – и мы это видели – приведет к гибели всей популяции слонов и уничтожению леса. Однако главная ошибка, допущенная прежними природоохранителями, заключается в том, что они настроили местное черное население против преимуществ контролируемого сохранения природы. Они отказывали племенам в их праве на добычу и вызвали у них враждебность к диким животным вообще. Они отобрали у аборигенов возможность контролировать природу и заставили его конкурировать с ней. В результате средний черный крестьянин враждебно относится к диким животным.

Слоны опустошают его огороды и уничтожают деревья, которые он использует на дрова. Быки и антилопы поедают траву, которой он кормит свой скот. Крокодил сожрал его бабушку, а лев убил отца... Конечно, он возненавидел диких животных.

– Но каково же решение, хранитель? Есть ли оно?

– Со времени обретения независимости от колониального управления мы пытаемся изменить позицию наших людей, – сказал Джонни. – Вначале от нас требовали снять запрет белых на доступ в национальные парки. Разрешить вырубку деревьев, пастьбу скота и строительство деревень. Однако нам удалось приучить местное население извлекать прибыль из туризма, сафари и выбраковок. Оно впервые стало участвовать в распределении прибыли, и сейчас все больше распространяется понимание того, что выгодно сохранять природу и разумно эксплуатировать ее. Особенно среди молодого поколения.

Однако если доброты в Европе и Америке заставят запретить сафари или продажу слоновой кости, это сведет на нет все наши усилия. И, вероятно, станет погребальным звоном по африканским слонам, а со временем и по всем диким животным.

– Значит, в конечном счете все упирается в экономику? – спросил Дэниэл.

– Как во всем в этом мире, вопрос в деньгах, – согласился Джонни. – Если нам дадут достаточно денег, мы остановим браконьеров. Если это будет выгодно крестьянам, мы удержим их с их козами за пределами национальных парков. Однако деньги должны откуда-то поступать. Новые независимые африканские государства с их растущим населением не могут позволить себе роскошь обращаться с природными ресурсами как Первый мир.

Они должны их использовать и охранять. Если вы помешаете нам обеспечивать это, вы станете соучастниками уничтожения дикой природы Африки. – Джонни мрачно кивнул. – Да, дело в экономике. Если дичь сможет платить, она будет существовать.

– Превосходно! – Дэниэл знаком велел Джоку прекратить съемку и сжал плечо Джонни. – Я могу сделать из тебя звезду. Ты очень естествен. – Он шутил лишь отчасти. – А, Джонни? На экране ты мог бы сделать для Африки гораздо больше, чем здесь.

– Хочешь, чтобы я спал в гостиницах и самолетах, а не под звездным небом? – Джонни изобразил возмущение. – Хочешь, чтобы у меня на животе выросла аккуратная маленькая булочка? – Он ткнул Дэниэла в солнечное сплетение. – Чтобы я пыхтел и задыхался, пробежав сто ярдов? Нет, спасибо, Дэни. Я останусь здесь, где могу пить воду Замбези, а не кока-колу, и есть не бигмаки, а бифштексы из буйволятины.

Последние груды засоленного слоновьего мяса и незрелые бивни уложили в грузовики при свете фар. Потом по извилистой дороге поднялись по откосу; штаб-квартиры парка Чивеве достигли в темноте.

Джонни вел зеленый «лендровер» в голове медленной колонны грузовиков-рефрижераторов, Дэниэл сидел рядом с ним на переднем сиденье. Они разговаривали негромко и небрежно, как старые друзья, чувствуя полное единство.

– Убийственная погода.

Джонни рукавом куртки для буша вытер пот со лба. Хотя время близилось к полуночи, жара и влажность изматывали.

– Скоро начнутся дожди. Хорошо, что ты уезжаешь из долины, – сказал Джонни. – В дождь эта дорога превращается в болото, а через большинство рек не перебраться. В ожидании непогоды туристский лагерь в Чивеве уже неделю как закрылся.

– Не хочется уезжать, – признался Дэниэл. – Было как в старые времена.

– Да, старые времена, – подхватил Джонни. – Мы неплохо развлеклись. Когда ты снова появишься в Чивеве?

– Не знаю, Джонни, но предлагаю от души: поехали со мной. Когда-то мы были хорошей командой. Можем стать снова. Я знаю.

– Спасибо, Дэни. – Джонни покачал головой. – Но у меня здесь работа.

– Я не отступлюсь, – предупредил Дэниэл, и Джонни улыбнулся.

– Знаю. Ты никогда не отступаешься.

Ранним утром, когда Дэниэл поднялся на небольшой холм за лагерем полюбоваться восходом, небо было затянуто темными тучами, а жара по-прежнему давила.

Настроение Дэниэла соответствовало хмурому рассвету. Ему удалось отснять прекрасный материал, он заново открыл свою дружбу и любовь к Джонни Нзу. Но его печалила мысль, что, возможно, они снова увидятся лишь через много лет.

В этот последний день Джонни пригласил Дэниэла на завтрак. Он ждал Дэниэла на затянутой сеткой от москитов широкой веранде своего бунгало с тростниковой крышей; когда-то это бунгало было домом самого Дэниэла.

Дэниэл остановился под верандой и осмотрел сад. Все еще оставалось так, как спланировала и устроила Вики.

Много лет назад Вики, молодую, стройную светловолосую девушку с улыбающимися зелеными глазами, привез сюда Дэниэл. Вики был двадцать один год. Сам он был всего на несколько лет старше.

Вики умерла в той спальне, что выходила окнами в сад, который она так любила. Обычный приступ малярии внезапно вызвал пагубное воздействие на головной мозг. Все закончилось очень быстро, раньше, чем на самолете прилетел врач.

Ее смерть имела необычное следствие: именно в эту ночь пришли слоны, которые, несмотря на множество апельсиновых деревьев и богатый огород, никогда не заходили за ограждение. Они пришли точно в час смерти Вики и опустошили сад. Вырвали даже кусты роз, затоптали цветочные клумбы. Слоны словно чуяли смерть. Словно почувствовали уход Вики и горе Дэниэла.

Дэниэл больше так и не женился и вскоре навсегда оставил Чивеве. Слишком болезненны были воспоминания о Вики, чтобы он мог остаться. Теперь в бунгало живет Джонни Нзу, а за садом ухаживает его красивая жена из племени матабеле Мэвис. Если бы Дэниэл мог выбирать, он не хотел бы, чтобы было по-другому.

Сегодня Мэвис приготовила традиционный завтрак матабеле: кукурузную кашу и кислое молоко, сгустившееся в тыквенной бутылке, – амаси, любимое питье пастушеских племен нгани.

Потом Дэниэл и Джонни вдвоем прошли к складу слоновой кости. На полпути с холма Дэниэл остановился и, заслонив глаза, посмотрел в сторону лагеря для туристов. На берегу реки, обнесенные оградой от диких животных, стояли под фиговыми деревьями круглые коттеджи с тростниковыми крышами.

Такие сооружения, типичные для Южной Африки, называются рондавелями.

– Мне казалось, ты говорил, что парк закрыт для посетителей, – заметил Дэниэл.

Один из рондавелей был еще заселен, и рядом с ним стояла машина.

– Это особый гость, дипломат, посол Тайваньской Китайской республики в Хараре, – объяснил Джонни. – Он очень интересуется дикими видами, в особенности слонами, и вкладывает большие средства в сохранение нашей природы.

Мы предоставляем ему особые привилегии. Он хотел побыть здесь в одиночестве, без других туристов, поэтому я открыл для него лагерь... – Джонни оборвал фразу, воскликнув: – Да вот и он!

У подножия холма, слишком далеко, чтобы разглядеть отдельные фигуры, стояли трое. Когда они с Джонни направились к этим людям, Дэниэл спросил:

– А что произошло с двумя белыми лесничими, которые вчера помогали проводить выбраковку?

– Их мне одолжил Национальный парк Ванки. Сегодня рано утром они отправились домой.

Подойдя к группе из трех человек ближе, Дэниэл разглядел тайваньского посла. Он оказался моложе, чем можно было ожидать от человека, занимавшего такой пост. Хотя европейцу

трудно бывает определить возраст азиата, Дэниэл дал послу чуть больше сорока. Высокий, стройный, с гладкими черными волосами, зачесанными назад, так что был открыт высокий лоб интеллектуала. Привлекательный, кожа чистая, почти восковая.

Что-то в его внешности свидетельствовало, что он не чистокровный китаец, в нем есть примесь европейской крови. Глаза черные, но не раскосые, а на верхних веках нет характерной складки кожи во внутреннем углу.

– Доброе утро, ваше превосходительство, – с явным уважением поздоровался с ним Джонни. – Не замерзли?

– Доброе утро, хранитель. – Посол оставил двух черных лесничих, с которыми разговаривал, и пошел навстречу. – Я предпочитаю прохладу.

На нем была голубая рубашка с расстегнутым воротником и короткими рукавами и спортивные брюки. От него действительно словно веяло прохладой, так стильно и элегантно он выглядел.

– Позвольте представить вам доктора Дэниэла Армстронга, – сказал Джонни. – Дэниэл, это его превосходительство посол Тайваня Нинь Чэнгун.

– Представлять не нужно, доктор Армстронг известный человек. – Чэнгун очаровательно улыбнулся и пожал Дэниэлу руку. – Я читал ваши книги и с большим удовольствием и интересом смотрел ваши телевизионные программы.

По-английски он говорил превосходно, словно это его родной язык, и Дэниэл заметно подобрел.

– Джонни рассказывал мне, что вы озабочены состоянием африканской экологии и вносите большой вклад в сбережение природы этой страны.

Чэнгун сделал пренебрежительный жест.

– Я бы хотел сделать больше.

Но при этом он задумчиво разглядывал Дэниэла.

– Прошу прощения, доктор Армстронг, я не ожидал в это время года встретить в Чивеве других гостей. Меня заверили, что парк закрыт.

Хотя его тон был дружелюбным, Дэниэл почувствовал, что вопрос задан неспроста.

– Не волнуйтесь, ваше превосходительство. Мы с моим оператором сегодня днем уезжаем. Вскоре Чивеве будет в полном вашем распоряжении, – заверил Дэниэл.

– О, пожалуйста, не поймите меня превратно. Я не столь эгоистичен, чтобы желать вашего отъезда. На самом деле мне жаль, что вы так скоро уезжаете. Я уверен, у нас нашлось бы, о чем поговорить.

Несмотря на эти заверения, Дэниэл чувствовал, что Чэнгун испытывает облегчение. Лицо у него было по-прежнему приветливое, манеры дружелюбные, но Дэниэл начинал осознавать существование под маской вежливости глубоких слоев и оттенков.

Когда они направились к складу слоновой кости, посол шел между ними, продолжая небрежный разговор, а потом отошел в сторону и стал смотреть, как лесничие и команда грузчиков снимают добытые бивни с грузовиков, припаркованных у входа в склад. К этому времени здесь же оказался Джок со своей камерой; он со всех точек снимал происходящее.

Каждый бивень, еще покрытый свернувшейся кровью, тщательно взвешивали на старомодной весовой платформе, стоявшей у входа в склад. Джонни Нзу сидел за раскладным столиком и записывал вес каждого бивня в толстую бухгалтерскую книгу в кожаном переплете.

Потом он присваивал каждому бивню регистрационный номер, и один из лесничих стальным инструментом ставил на бивень штамп.

Зарегистрированный и проштампованный бивень становился легальной слоновой костью и мог быть продан и вывезен из страны.

Чэнгун с живым интересом наблюдал за этой процедурой. Одна пара бивней, хотя и не самых тяжелых и массивных, была исключительно красива. Стволы изящных пропорций, тон-

кого зерна, изящно изогнутые – и такие одинаковые, что казались зеркальным отражением друг друга.

Когда их взвешивали, Чэнгун подошел поближе и присел. Чувственной рукой любовника он погладил бивни.

– Само совершенство, – произнес он. – Природное произведение искусства.

Он замолчал, заметив, что Дэниэл наблюдает за ним.

Дэниэл при виде такой неприкрытой алчности испытал неотчетливое отвращение и не сумел скрыть этого.

Чэнгун встал и невозмутимо объяснил:

– Меня всегда зачаровывала слоновая кость. Вероятно, вы знаете, что китайцы считают ее очень благотворным веществом. Мало найдется китайских домов, где бы не было изделий из слоновой кости. Считается, что они приносят хозяину удачу.

Однако интерес моей семьи к слоновой кости гораздо серьезнее обычного суеверия. Мой отец начинал работать резчиком по слоновой кости, и так велико было его мастерство, что к моменту моего рождения он владел магазинами в Тайпее и Бангкоке, в Токио и Гонконге. Все эти магазины специализировались на торговле слоновой костью. Мальчиком я работал помощником резчика в магазине в Тайпее и научился любить и понимать кость, как отец. У него одна из самых ценных коллекций...

Он замолчал.

– Прошу прощения. Иногда я поддаюсь страсти, и она уносит меня, но эта пара бивней особенно прекрасна. Трудно найти такие похожие бивни. Отец пришел бы в восторг.

Чэнгун с тоской смотрел, как бивни уносят на склад и кладут рядом с сотнями других.

– Любопытный тип, – заметил Дэниэл, когда последний бивень был проштампован и унесен и они с Джонни поднимались по холму в бунгало обедать. – Но как сыну резчика удалось стать послом?

Джонни усмехнулся.

– Отец Ниня Чэнгуна, возможно, скромного происхождения, но в низах не задержался. Кажется, он все еще владеет торговлей слоновой костью и большой коллекцией, но сейчас это всего лишь хобби. Он считается одним из богатейших, если не самым богатым человеком на Тайване, то есть, как ты можешь себе представить, очень-очень богат. Как я слышал, он влез во все самые «вкусные» предприятия вдоль всего побережья Тихого океана, да и здесь, в Африке. У него много сыновей; Чэнгун самый младший из них и, говорят, самый умный. Мне он нравится. А тебе?

– Да, вроде бы приятный, но в нем есть что-то странное. Заметил, какое у него было лицо, когда он смотрел на бивни? Оно было... – Дэниэл поискал подходящее слово... – неестественным.

– Ох уж эти писатели. – Джонни печально покачал головой. – Если нет никакой сенсации, выдумываете ее.

И они рассмеялись.

* * *

Ниня Чэнгун с двумя черными лесничими стоял у подножия холма и смотрел, как Дэниэл и Джонни исчезают за деревьями мсаса.

– Мне не нравится, что здесь белый человек, – сказал Гомо, старший лесничий Чивеве, подчиняющийся Джонни Нзу. – Может, стоит подождать другого раза?

– Белый человек уезжает сегодня днем, – холодно ответил Чэнгун. – И потом, тебе уже хорошо заплатили. Сейчас план нельзя изменить. Остальные уже едут сюда, и развернуть их обратно невозможно.

– Нам заплатили только половину обещанного, – возразил Гомо.

– Вторую получите, когда работа будет сделана, не раньше, – негромко сказал Чэнгун, и глаза Гомо стали точь-в-точь змеиные. – Ты знаешь, что должен сделать.

Гомо помолчал. Иностранец заплатил ему тысячу американских долларов. Это его полугодовой заработок. И пообещал еще годовую зарплату, когда работа будет выполнена.

– Ну так? – настаивал Чэнгун.

– Да, – ответил Гомо, – сделаю.

Чэнгун кивнул.

– Сегодня или завтра ночью, не позже. Будьте готовы, оба.

– Непременно, – пообещал Гомо, сел в «лендровер», где уже сидел второй черный лесничий, и они уехали.

Чэнгун вернулся в рондавель в опустевшем лагере для туристов.

Дом был точно такой же, как остальные тридцать; обычно в прохладное время года все эти дома занимали туристы. Чэнгун достал из холодильника питье и сел на затянутое провололочной сеткой крыльцо, переждать самый жаркий час.

Он тревожился. В глубине души он разделял дурные предчувствия Гомо относительно проекта. Хотя они постарались предвидеть все возможные неожиданности и подготовиться к ним, всегда бывает непредвиденное вроде появления Армстронга.

Впервые он взялся за дело такого масштаба. По собственному почину. Конечно, отец знал о других его предприятиях и одобрял небольшие поставки, но на этот раз риск гораздо выше – пропорционально добыче. Если получится, он завоюет уважение отца, а это для него важнее материальных приобретений.

Он младший сын, и ему приходится прилагать гораздо больше усилий, чтобы отвоевать себе место рядом с отцом. Хотя бы только по этой причине он не может потерпеть поражение.

За годы, проведенные в посольстве в Хараре, он упрочил свое положение в незаконной торговле слоновой костью и носорожьим рогом. Все началось с обманчиво небрежного замечания одного из правительственных чиновников среднего уровня об удобстве дипломатических привилегий и доступе к дипломатической курьерской службе. Воспринявший от отца деловую сметку Чэнгун немедленно распознал стремление подойти к нему, понял, что это сулит.

Последовала неделя осторожных переговоров, и Чэнгуна пригласили поиграть в гольф с одним из более высоких чинов. Шофер привел посольский «мерседес» на большую стоянку на окраине столицы, за гольф-клубом Хараре и, как было велено, оставил машину без присмотра. Сам Чэнгун в это время играл в гольф. Он играл на уровне десяти гандикапов, но, когда требовалось, мог изобразить неопытного игрока.

В данном случае он позволил противнику выиграть три тысячи долларов и заплатил ему наличными при свидетелях в помещении клуба.

Вернувшись в свою официальную резиденцию, он приказал шоферу поставить машину в гараж и отпустил. А потом в багажнике нашел шесть крупных рогов носорога, завернутых в мешковину.

Со следующей дипломатической почтой он отправил рога отцу, и тот продал их в своем магазине в Гонконге за 60 тысяч американских долларов. Отец был очень доволен и написал сыну длинное одобрительное письмо, напоминая о своей любви к слоновой кости. Чэнгун исподтишка распространил известие, что он большой охотник не только до рогов носорога, но и до слоновой кости, и ему по торговой сети предложили несколько различных партий незарегистрированной и не проштампованной кости. Потребовалось совсем немного времени, чтобы в замкнутом небольшом кругу браконьеров распространилось известие: появился новый крупный покупатель.

Через несколько месяцев к нему обратился сикх-делец из Малави, который будто бы искал тайваньских вложений в развитие рыболовства на озере Малави. Их первая встреча про-

шла очень хорошо. Чэнгун посчитал предложение Четти Синга привлекательным и передал его отцу в Тайпей. Отец подтвердил его мнение и согласился на ведение дел с Четти Сингом. Когда документ был подписан в посольстве, Синг пригласил Чэнгуна на обед, а за обедом заметил:

– Я знаю, что ваш достопочтенный отец очень любит прекрасную слоновую кость. В знак моего искреннего уважения к нему я мог бы организовать постоянное поступление кости. Я уверен, вы в состоянии переправлять товар отцу без лишних проволочек. Большая часть бивней будет не зарегистрирована.

– Это неважно. Я терпеть не могу возню с бумажками, – заверил Чэнгун.

Через короткое время Чэнгуну стало ясно, что Синг возглавляет целую браконьерскую сеть, орудующую в тех африканских странах, где еще оставалось много слонов и носорогов. Он собирал белое золото и рог в Ботсване и Анголе, в Замбии, Танзании и Мозамбике. Он контролировал все стороны деятельности этой организации вплоть до создания вооруженных банд, которые регулярно грабили национальные парки разных стран.

Вначале Чэнгун был для него просто очередным клиентом, но вот начало процветать их совместное рыболовное предприятие на озере Малави, они еженедельно вылавливали сотни тонн крошечной рыбки капента, высушивали и вывозили на восток, и их отношения стали меняться. Они делались все более сердечными и доверительными.

Наконец Четти Синг предложил Чэнгуну и его отцу собственную долю в торговле слоновой костью. Естественно, взамен он попросил немалых вложений в торговлю, чтобы расширить масштаб партнерских операций, а также крупную сумму наличными в знак признания добровольного участия в операциях.

В целом это потребовало свыше миллиона долларов. Чэнгун с ведома отца сумел искусным торгом сократить эту сумму вдвое.

Только став полноправным партнером, Чэнгун сумел оценить истинный размах и масштаб операции. В каждой из стран, где еще сохранилась значительная популяция слонов, Чэнгун сумел обзавестись соучастниками в правительстве. Многие его контакты проходили на уровне министров.

Во всех крупных национальных парках у него были свои платные информаторы и чиновники. Одни просто следопыты и лесничие, другие – главные хранители, руководящие парками, те, кто по долгу службы должен был охранять и защищать диких животных.

Партнерство оказалось столь выгодным, что, когда срок службы Чэнгуна истек, его отец через своих друзей в тайваньском правительстве продлил этот срок еще на три года.

К этому времени отец и братья Чэнгуна в полной мере сознавали инвестиционные возможности Африки. Начав с небольшого, но прибыльного рыболовного предприятия, потом благодаря добыче слоновой кости и торговле его семья все больше углублялась в Черный континент.

Ни Чэнгун, ни его отец не испытывали никаких угрызений совести из-за связей с режимом апартеида и начали увеличивать вложение средств в Южную Африку. Они, конечно, знали, как осуждают во всем мире эту политику, знали об экономических санкциях, до того снижавших стоимость земли и другой недвижимости в стране, что разумный делец просто не мог этим не заинтересоваться.

– Достопочтенный отец, – сказал Чэнгун отцу в одно из своих частых возвращений в Тайпей, – через десять лет апартеид и правление белого меньшинства будут стерты с лица земли. И тогда цены в Южной Африке достигнут своего истинного уровня.

Они покупали огромные ранчо в десятки тысяч акров за стоимость трехкомнатной квартиры в Тайпее. Скупали заводы, офисные здания и торговые центры у американских компаний, которые правительство заставляло прекратить деятельность в Южной Африке. За имущество стоимостью в доллар они платили по пять центов.

Однако отец Чэнгуна, который, помимо всего прочего, был управляющим гонконгским автогончным клубом, оказался слишком проницательным игроком, чтобы класть все яйца в одну корзину. Инвестиции делались и в другие африканские страны. Только что был заключен договор между Южной Африкой, Кубой, Анголой и Соединенными Штатами о предоставлении независимости Намибии. Семья вкладывала деньги в недвижимость в Виндхук и в рыболовные и горнодобывающие лицензии этой страны. Через Четти Синга Чэнгун познакомился с министрами правительств Замбии, Кении и Танзании, которые по финансовым соображениям благосклонно отнеслись к вложениям в экономику их стран; отец Чэнгуна нашел плату за это вполне приемлемой.

Тем не менее, несмотря на все эти крупные вложения, отец Чэнгуна по причинам сентиментального свойства по-прежнему интересовался первым предприятием по добыче слоновой кости, которое и привлекло его внимание к Черному континенту.

Во время последней встречи, когда сын склонился перед ним, прося благословения, он сказал:

– Сын, я был бы очень доволен, если бы, вернувшись в Африку, ты смог найти большое количество зарегистрированной и проштампованной слоновой кости.

– Достопочтенный отец, единственный легальный источник кости – правительственные аукционы.

Чэнгун умолк, заметив презрительное выражение на лице отца.

– Слоновая кость, купленная на правительственных аукционах, приносит слишком малую прибыль, – сердито ответил старик. – Я полагал, что ты умнее, мой сын.

Отцовский упрек глубоко задел Чэнгуна, и он при первой же возможности заговорил с Сингом.

Четти Синг задумчиво погладил бороду. Это был привлекательный мужчина, и безупречный тюрбан лишь усиливал его привлекательность.

– Я как раз думаю об одном источнике зарегистрированной слоновой кости, – ответил он. – На правительственном складе слоновой кости.

– Вы предполагаете забрать оттуда слоновую кость до аукциона?

– Возможно. – Четти Синг пожал плечами. – Но такое предприятие требует тщательного планирования. Позвольте мне обдумать эту досадную проблему.

Три недели спустя они снова встретились в офисе Четти Синга в Лилонгве.

– Я много думал, и мне в голову пришло решение, – сказал Синг.

– Во сколько это обойдется?

Первый вопрос Чэнгун задал по наитию.

– Килограмм за килограмм, примерно столько же, сколько покупка незарегистрированной кости. Но так как возможность получить эту кость единственная, разумно было бы сразу приобрести ее как можно больше.

– Неважно, пусть будет весь склад!

– Как отнесется к этому ваш батюшка?

Чэнгун знал, что отец обрадуется. На международном рынке зарегистрированная слоновая кость стоит вчетверо дороже незарегистрированной.

– Давайте подумаем, какая страна способна предоставить нам такой товар, – предложил Синг, но было очевидно, что он уже принял решение. – Не Заир и не Южная Африка. В этих странах у меня нет налаженной сети. В Замбии, Танзании и Кении осталось очень мало кости. Остаются Ботсвана, где не проводятся крупные выбраковки, и, наконец, Зимбабве.

– Хорошо, – удовлетворенно кивнул Чэнгун.

– Слоновая кость копится на складах департаментов дикой природы в Ванки, Хараре и Чивеве, потом вывозится оттуда на ежегодный аукцион. Мы получим товар из одного из этих источников.

– Из какого именно?

– Склад в Хараре слишком хорошо охраняется. – Четти Синг поднял три пальца одной руки; назвав Хараре, он загнул палец. Остались два. – Ванки – самый крупный национальный парк. Однако он далеко от границы с Замбией. – И он загнул второй палец. – Остается Чивеве. У меня есть надежные агенты в управлении этого парка. Они сообщили, что в настоящее время склад кости почти заполнен и расположен всего в тридцати милях от реки Замбези и замбийской границы. Один из моих отрядов может пересечь границу и через день пешего перехода будет на месте.

– Вы хотите ограбить склад?

Чэнгун подался вперед через стол.

– Совершенно верно. – Синг загнул последний палец. Глядел он удивленно. – Разве не таково было и ваше намерение?

– Может быть, – осторожно ответил Чэнгун. – Но возможно ли это?

– Чивеве – отдаленный, изолированный район, но расположен на реке, которая служит границей между странами. Я пошлю двадцать человек, вооруженных автоматами, командовать ими будет мой лучший и самый надежный охотник. В темноте они на каноэ пересекут реку со стороны Замбии, после дневного марша доберутся до штаб-квартиры парка и нападут на нее. От всех свидетелей они избавятся... – Чэнгун нервно кашлянул, и Синг вопросительно посмотрел на него. – Это всего четыре-пять человек. Постоянным тамошним лесничим я плачу. Лагерь для туристов будет закрыт на сезон дождей, большинство служащих вернется в свои деревни. Остается только хранитель парка и двое-трое служащих.

– А нет возможности не трогать их?

Колебаться Чэнгуна заставляли не угрызения совести. Благоразумно было не рисковать без необходимости.

– Если вы сможете предложить что-то другое, я готов это обдумать, – ответил Синг, и после недолгого раздумья Чэнгун покачал головой.

– Нет, не могу, но, пожалуйста, продолжайте. Хочу услышать план до конца.

– Хорошо. Мои люди избавятся от всех свидетелей, сожгут склад и немедленно уйдут за реку.

Сикх замолчал и с плохо скрываемым злорадством наблюдал за Чэнгуном, предвидя следующий вопрос. Чэнгуна раздражала необходимость задать его: даже для него самого он звучал наивно.

– А что будет с костью?

Синг загадочно усмехнулся, заставляя снова спросить:

– Ваши браконьеры заберут кость? Ведь вы сказали, что отряд будет небольшой. Они не смогут унести столько.

– Вот в этом-то вся красота моего плана. Сам рейд только отвлечет внимание полиции Зимбабве. – Синг улыбнулся своей находчивости. – Мы хотим, чтобы полиция поверила, будто кость унесли браконьеры. И не стала отрабатывать другие версии внутри своей страны.

Теперь, пережидая на веранде полуденный зной, Чэнгун неохотно кивнул. План Синга изобретателен, однако он, конечно, не мог принять во внимание присутствие доктора Армстронга и его съемочной группы. Откровенно говоря, этого никто не мог предвидеть.

Он снова подумал, не отложить ли операцию или не отказаться ли от нее совсем, но почти сразу отверг эту мысль. Люди Синга уже перешли реку и идут к лагерю.

Нет никакой возможности связаться с ними и отправить их назад. Они миновали точку невозврата. Если доктор Армстронг и его оператор еще будут здесь, когда придут люди Синга, от них придется избавиться, как и от хранителя, от его семьи и нескольких служащих.

Ход мыслей Чэнгуна прервал телефонный звонок в дальнем конце веранды. Телефон имелся только в коттедже для особо важных персон. Чэнгун вскочил и быстро подошел. Он ждал этого звонка. О звонке договорились заранее, он входил в план Синга.

– Посол Нинь, – сказал он в трубку, и ему ответил Джонни Нзу:

– Жаль вас тревожить, ваше превосходительство, но вам звонят из посольства в Хараре. Господин, называющий себя мистер Хуань. Говорит, что он ваш подчиненный. Ответите на звонок?

– Спасибо, хранитель. Я поговорю с господином Хуанем.

Он знал, что телефонная линия пересекает сто пятьдесят миль дикого буша от телефонной станции в маленькой деревушке Карои, голос из Хараре звучал в трубке еле слышно, словно доносился из какого-то далекого уголка галактики. Сообщение было именно то, какого он ждал, и, положив трубку древнего телефона, Чэнгун снова позвонил Джонни Нзу.

– Хранитель, мне срочно необходимо уехать в Хараре. Очень жаль. Я рассчитывал отдохнуть у вас еще несколько дней.

– Я тоже сожалею, что вы вынуждены уехать. Мы с женой хотели пригласить вас на ужин.

– Как-нибудь в другой раз.

– Грузовики-холодильники сегодня вечером повезут мясо слонов в Карои. Вам стоило бы отправиться с ними. У вашего «мерседеса» нет привода на все колеса, а в любое время может пойти дождь.

И это тоже часть плана Синга. Рейд должен совпасть по времени с выбраковкой и отъездом грузовиков. Но Чэнгун нарочно поколебался, прежде чем спросить:

– Когда выезжают грузовики?

– У одного неисправен двигатель. – Лесничий Гомо вывел из строя генератор, чтобы задержать отъезд грузовиков до подхода отряда. – Но водитель докладывает, что сегодня к шести вечера машина будет готова к отъезду. – Голос Джонни Нзу изменился, словно ему в голову пришла новая мысль. – Конечно, доктор Армстронг уезжает через пять минут, и вы можете поехать с ним.

– Нет! Нет! – быстро ответил Чэнгун. – Я не могу выехать так быстро. Подожду грузовиков.

– Как хотите. – Голос Джонни прозвучал удивленно. – Но я не могу гарантировать, что грузовики выедут вечером, а доктор Армстронг, конечно, согласится подождать вас час-другой.

– Я поеду с вашей колонной. Спасибо, хранитель.

Чтобы закончить разговор и предотвратить новые возражения, Чэнгун повесил трубку. Он нахмурился. Присутствие Армстронга становилось все более серьезной помехой. Чем быстрее он исчезнет, тем лучше.

Однако прошло еще не меньше двадцати минут, прежде чем он услышал звук работы дизельного двигателя, доносящийся от бунгало хранителя. Он встал, подошел к двери веранды и смотрел, как по склону холма спускается «Тойота-лендкрузер». На дверце машины был нарисован логотип «Армстронг продакшн» – рука, согнутая в локте и демонстрирующая бугор бицепса на манер бодибилдеров, с шипастым браслетом на запястье.

За рулем сидел доктор Армстронг, оператор – на сиденье за ним.

– Наконец уехали.

Чэнгун довольно кивнул и посмотрел на часы. Две минуты второго.

– У них по меньшей мере четыре часа, чтобы уехать подальше до того, как начнется нападение на лагерь.

Дэниэл Армстронг увидел его и притормозил. Он опустил оконное стекло и улыбнулся Чэнгуну.

– Джонни сказал, что вы хотите сегодня уехать, ваше превосходительство, – крикнул он. – Вам точно не нужна помощь?

– Вовсе нет, доктор, – вежливо ответил Чэнгун. – Мы уже обо всем договорились. Пожалуйста, не беспокойтесь обо мне.

Армстронг вызывал у него тревогу. Рослый мужчина с короткими густыми волосами, в целом выглядящий как человек, много времени проводящий вдали от цивилизации. Прямой взгляд, ленивая улыбка. Чэнгун подумал, что на западный взгляд он может показаться привлекательным, особенно если это взгляд женщины. Но для китайца у Армстронга слишком большой нос, а широкий рот подвижен и выглядит детским.

От него можно было бы отмахнуться: он не представляет серьезной угрозы... если бы не взгляд. Именно этот взгляд заставлял Чэнгуна тревожиться. Внимательный и проницательный.

Армстронг смотрел на него целых пять секунд, прежде чем снова улыбнуться и убрать руку из открытого окна «тойоты».

– Что ж, в таком случае до свидания, ваше превосходительство. Надеюсь, у нас еще будет возможность поговорить.

Он переключил скорость, приветственно поднял правую руку и поехал к главному выходу из лагеря.

Чэнгун смотрел ему вслед, пока машина не исчезла из виду, потом повернулся и посмотрел в сторону холмов, неровных и острых, как зубы крокодила.

В двадцати милях к западу одну из грозовых туч озарила яркая молния.

На глазах у Чэнгуна из брюха туч пошел дождь, вначале светлоголубыми полосами, потом, когда полило сильнее, тьма, непроницаемая, как свинцовый лист, скрыла далекие холмы.

Четти Синг не мог бы рассчитать лучше. Вскоре долина и откос превратятся в сплошное болото. Полицейский отряд, отправленный расследовать происшествие в Чивеве, обнаружит, что долина непроходима; но, даже если ему удастся добраться до штаб-квартиры парка, тропический дождь выгладит все холмы, уничтожит любые следы продвижения грабителей. Пусть только они прибудут побыстрее, лихорадочно взмолился Чэнгун. Пусть сегодня, а не завтра. Он взглянул на часы. Еще нет двух. Закат сегодня в семь тридцать, хотя с такими густыми тучами стемнеет раньше. Пусть сегодня, повторил он.

Чэнгун взял бинокль и потрепанный экземпляр «Птиц Южной Африки» Робертса. Ему пришлось старательно демонстрировать хранителю, что он страстный любитель природы.

Но это был предлог, чтобы появиться здесь.

Потом он сел в «мерседес» и поехал к офису хранителя за складом слоновой кости. Джонни Нзу сидел за столом. Как у любого гражданского чиновника, половину времени хранителя занимало заполнение различных форм и составление отчетов. Когда Чэнгун вошел, Джонни оторвался от груды документов.

– Я подумал, что, пока жду грузовики, могу съездить к источнику у фиговых деревьев, – объяснил Чэнгун, и Джонни сочувственно улыбнулся, увидев бинокль и путеводитель. И то и другое – неперменные спутники наблюдателя за птицами, а Джонни всегда сочувствовал тем, кто разделял его любовь к природе.

– Я пошлю за вами, когда колонна будет готова выступить, но не могу обещать, что это будет сегодня вечером, – сказал Джонни. – Мне сказали, что в одной из машин перегорел генератор. Запасные части здесь ужасная проблема; мы вывозим и продаем слишком мало, чтобы платить за все необходимое.

Чэнгун спустился к сделанному людьми источнику. Менее чем в миле от лагеря Чивеве в небольшом влее пробурили скважину. Ветряная мельница направляла ручеек воды из скважины в грязный бассейн, чтобы привлечь к лагерю птиц и животных.

Когда Чэнгун остановил свой «мерседес» на смотровой площадке над источником, небольшое стадо куду, пившее воду, испугалось и убежало в соседние кусты. Это были крупные антилопы бежевого цвета, со светлыми полосами на спине, с длинными ногами и шеями, с огромными, свернутыми в трубку ушами. Головы самцов украшали широкие изогнутые рога.

Чэнгун слишком волновался, чтобы пользоваться биноклем, хотя стаи птиц спускались к источнику на водопой. Огненные выюрки сверкали, как крошечные языки пламени, а радужно-зеленое оперение скворцов отражало солнечные лучи. Чэнгун не только был талантливым резчиком по кости, он хорошо владел и акварелью. Одна из его любимых тем – как раз дикие птицы, которых он изображал в традиционной китайской манере.

Но сегодня он даже не взглянул на птиц, сающихся на воду. Вставив сигарету в мундштук слоновой кости, он нервно курил. Именно это место он выбрал для встречи с руководителем браконьеров и сейчас, беспокоясь, тревожно осматривал окружающие кусты.

Однако первым признаком того, что он здесь не один, стал голос за открытым окном «мерседеса».

Чэнгун невольно вздрогнул и повернулся к человеку, стоявшему у машины.

У человека от левого глаза до верхней губы тянулся шрам. Из-за этого губа была приподнята, словно в кривой сардонической усмешке. Четти Синг предупреждал Чэнгуна об этом шраме. Идеальная особая примета.

– Сали? – чуть задыхаясь, спросил Чэнгун. Браконьер продолжал смотреть на него. – Ты Сали?

– Да, – подтвердил тот, улыбаясь только половиной рта. – Я Сали.

Шрам отчетливо выделялся на лилово-черной коже. Человек был невысок, но широкоплеч, с мощными мышцами. Одет в ношенную рубашку и грязные, в пятнах пота шорты.

Он, очевидно, пришел издалека: его босые ноги по колено были покрыты дорожной пылью. В жару от него остро несло застарелым потом, и Чэнгун брезгливо отодвинулся. Жест не остался незамеченным, и браконьер снова широко улыбнулся.

– Где твои люди? – спросил Чэнгун, и Сали ткнул пальцем в сторону окружавших источник кустов. – Вы вооружены? – спросил Чэнгун. Улыбка Сали стала дерзкой.

Он не снизошел до ответа на такой вопрос. Чэнгун понял, что облегчение и нервное напряжение делают его слишком болтливым.

Он решил вести себя сдержанно, но не успел сдержаться и опять спросил:

– Ты знаешь, что вы должны сделать? – Сали пальцем потер шрам на лице и кивнул. – Нельзя оставлять свидетелей. – По выражению глаз Чэнгун увидел, что браконьер его не понял, и повторил: – Вы должны всех убить. Когда придет полиция, никто не должен с ней говорить.

Сали согласно склонил голову. Четти Синг все ему подробно объяснил. И Сали принял приказ с радостью. У него была давняя вражда с департаментом национальных парков Зимбабве.

Только год назад два младших брата Сали с небольшим отрядом перешли Замбези для охоты на носорогов.

И наткнулись на отряд лесничих, бывших участников партизанской войны, вооруженных, как и они, автоматами АК. В бою один из братьев был убит, второй ранен в спину и на всю жизнь остался калекой.

Несмотря на ранение, в Хараре его судили и приговорили к семи годам заключения.

Поэтому Сали не испытывал особой любви к охранникам парка, и это было заметно по его лицу, когда он подтвердил:

– Мы никого не оставим в живых.

– За исключением двух лесничих: Гомо и Дэвида. Ты их знаешь.

– Знаю.

Сали уже приходилось работать с ними.

– Они будут у склада с двумя большими грузовиками. Проверь, все ли твои люди поняли: нельзя их трогать и ни в коем случае не выводить из строя машины.

– Я скажу.

– Охранник будет в своем офисе. Его жена и трое детей – в бунгало на холме. В лагере есть еще четверо слуг и их семьи. Убедитесь, что они все окружены, прежде чем открывать огонь. Никто не должен уйти.

– Ты болтаешь, как обезьяна на дикой сливе, – презрительно сказал Сали. – Я все это знаю. Мне сказал Четти Синг.

– Тогда иди и делай, что велено, – резко приказал Чэнгун. Сали наклонился в окно «мерседеса», заставив Чэнгуна отодвинуться и задержать дыхание.

Универсальным жестом, обозначающим деньги, Сали потер большой палец об указательный. Чэнгун наклонился и открыл бардачок «мерседеса». Десятидолларовые банкноты были перехвачены по сто штук резиночками. Чэнгун считал их, вкладывая в руку Сали. Три пачки по тысяче долларов каждая. Каждый килограмм слоновой кости на складе подешевеет примерно на пять долларов. Но все равно на рынке в Тайпее будет стоит тысячи.

С другой стороны, для Сали эти пачки зеленых банкнот были огромным богатством. За всю жизнь он никогда не держал в руках столько денег. Обычное его вознаграждение за добытого хорошего слона – за то, что он рисковал жизнью, проникая глубоко в запретную зону и сталкиваясь с отрядами охотников на браконьеров, за то, что рисковал жизнью, стреляя в огромного зверя легкими пулями из «АК», вырубая бивни и перетаскивая огромную тяжесть по пересеченной местности, – так вот, обычная награда за весь этот риск составляла тридцать долларов за слона – около доллара за килограмм кости.

Сумму, которую вложил ему в руку Чэнгун, Сали мог заработать за пять лет опасных трудов.

Что такое в сравнении с этим жизнь нескольких служителей парка и членов их семей? Требуются лишь небольшие добавочные усилия при минимальном риске.

За три тысячи долларов это сущее удовольствие.

Оба были очень довольны договором.

– Я буду ждать здесь, пока не услышу выстрелы, – сказал Чэнгун, и Сали широко улыбнулся, обнажив крупные ярко-белые зубы, до самых зубов мудрости в глубине рта.

– Тебе не придется долго ждать, – пообещал он и так же неслышно, как появился, исчез в кустах.

Дэниэл Армстронг вел машину неторопливо и ровно. По стандартам Центральной Африки дорога была вполне приличная; ее регулярно разравнивали, поскольку мало у кого из гостей Африки есть привод на все четыре колеса. Но Дэниэл все равно не торопился и не гнал машину. В его «тойоте» было все необходимое для разбивки лагеря. Если только была возможность, он никогда не останавливался в гостиницах или других казенных местах. Отелей не только мало и они далеко друг от друга, но в большинстве случаев питание и удобства гораздо ниже стандартов, которые Дэниэл может сам себе обеспечить.

Сегодня он будет ехать, пока солнце не сядет, а потом найдет симпатичное место в лесу или на берегу ручья и откроет ящик с продуктами и бутылку «Чивас»³.

Он сомневался, что им удастся доехать до прудов Мана, и, конечно, они не доберутся до главного шоссе с асфальтовым покрытием, которое идет от моста Чирунду на юг к Карои и Хараре.

Джок – приятный спутник. Одна из причин, по которым Дэниэл его нанял. Все прошедшие пять лет они работали вместе.

---

³ Марка виски.

Джок – независимый оператор, и, подписывая новый контракт и получая финансирование, Дэниэл всегда вызывал его. Вместе они преодолели огромные пространства Африки – от запретных берегов Побережья Скелетов в Намибии до пустынных голых гор Эфиопии и глубин Сахары. Хотя у них не сложилась глубокая и сердечная дружба, они недели проводили вместе в диком краю, и между ними редко возникали трения.

Дэниэл вел тяжело груженную машину по петляющей дороге вниз с откоса, и они дружелюбно болтали. Когда их внимание привлекали птица, животное или необычное дерево, Дэниэл останавливал машину, проводил наблюдения и делал записи, а Джок снимал. Они не проехали и двадцати миль, как им попался участок дороги, по которому накануне ночью прошло большое стадо слонов.

Слоны наломали веток и свалили много деревьев. Некоторые стволы полностью перекрывали дорогу. Со стоящих деревьев была содрана кора, белели голые стволы, покрытые следами сока.

– Мошенники, – улыбнулся Дэниэл, разглядывая опустошение. – Похоже, им нравится перегораживать дороги.

Но это доказательство того (если такие доказательства кому-то нужны), что регулярные выбраковки совершенно необходимы. Лес мопане может пережить только ограниченное число таких разрушительных кормлений.

Они смогли столкнуть с дороги или объехать большую часть упавших деревьев, хотя раз или два приходилось цепью привязывать ствол к «тойоте» и оттаскивать его в сторону, чтобы проехать. Поэтому прошло больше четырех часов, прежде чем они достигли дна долины и повернули по лесу мопане к развилке у прудов Маны, близ которых снимали выбраковку слонов.

В это время они говорили о том, как Дэниэлу лучше смонтировать фильм из огромного материала, который у них отснят.

Внутри Дэниэла росло возбуждение, как всегда на этой стадии производства. Все у него, в катушках пленки. Теперь он может вернуться в Лондон, где проведет недели и даже месяцы во взятой в аренду монтажной студии «Касл филмз», погруженный в необычайно благодарную работу – соединение одной сцены с другой и создание комментария к ним.

Но хотя он думал о словах Джока, все его внимание было обращено на окружающее. И все равно он едва не пропустил это. Проехал целых двести ярдов, и только тогда понял, что миновал нечто необычное. Возможно, сказался военный опыт, полученный в буше, когда любой необычный знак на дороге мог предупредить о пехотной мине или спасти от страшной смерти под колесами. В те дни он гораздо быстрее отреагировал бы на необычное, но прошедшие годы притупили его рефлексy.

Он резко затормозил; Джок осекся и вопросительно посмотрел на него.

– В чем дело?

– Не знаю. – Дэниэл повернулся на сиденье и повел «лендкрузер» обратно по их колее. – Вероятно, ничего, – сказал он, но в сознании оставалось смутное подозрение.

Он остановился, поставил машину на ручной тормоз и выбрался из кабины.

– Я ничего не вижу, – сказал Джок, высовываясь из окна с противоположной стороны.

– В том-то и дело, – согласился Дэниэл. – Здесь какое-то слепое пятно.

Он показал на пыльную поверхность дороги, изрытую ямками и следами удивительного граффити буша. Маленькие v-образные следы франколины и других птиц, змеиные полосы ящериц, более крупные следы антилоп и зайцев, мангустов и шакалов сплетались в сложный ковер – за исключением одного места на дороге, где мягкая поверхность оставалась ровной и нетронутой. Дэниэл присел и некоторое время разглядывал эту поверхность.

– Кто-то стер следы, – сказал он.

– И что в этом такого странного?

Джок выбрался из каюты и присоединился к нему.

– Может быть, ничего. – Дэниэл встал. – Или все. Как посмотреть.

– Выкладывай, – предложил Джок.

– Только человек способен стереть свой след, и то только тогда, когда замысливает что-то дурное. К тому же в глубине национального парка вообще не должны ходить люди.

Дэниэл обошел участок мягкой земли, где ветками с листвой были тщательно стерты следы, и подошел к высокой траве на краю дороги. И сразу увидел новые признаки стирания следа. Отдельные травянистые кочки примялись, словно люди использовали их для перехода. Похоже, прошла большая группа, и Дэниэл почувствовал, как у него по коже предплечья и по затылку побежали мурашки.

«Есть!» – подумал он. Как в старые времена, когда группа разведчиков находила следы террористов-повстанцев. Сейчас он испытал то же возбуждение, от которого захватывает дух, и тот же каменный страх во внутренностях.

Потребовались немалые усилия, чтобы отбросить эти чувства. Опасные дни давно миновали. Но он все же прошел по следу. Хотя те, кто его оставил, принимали некоторые элементарные предосторожности, они были поверхностными. В войну отряды зулусов действовали более профессионально. В пятидесяти футах от дороги Дэниэл увидел первый четкий отпечаток человеческой ноги, а через несколько ярдов стало ясно, что весь отряд пошел по звериной тропе, выстроившись цепочкой и отказавшись от всяких попыток скрывать следы. Люди решительным шагом направились к откосу и лагерю Чивеве.

Дэниэл удивился, поняв, как велик этот отряд. Он насчитал от шестнадцати до двадцати отдельных следов.

Пройдя по следу двести или триста ярдов, Дэниэл остановился и задумался. Судя по величине группы и направлению, откуда она пришла, логичнее всего было бы предположить, что это браконьеры из Замбии пересекли реку Зимбабве в поисках слоновой кости и рогов носорога. Это объясняло и их стремление скрыть свой след.

Надо предупредить Джонни Нзу, чтобы тот как можно быстрее собрал свою антибраконьерскую группу и начал действовать.

Дэниэл думал, как это лучше сделать.

Всего в часе езды впереди, в офисе лесничих у прудов Маны, есть телефон, но можно повернуть назад и предупредить работников Чивеве лично.

Решение было принято за него, когда Дэниэл разглядел в лесу неподалеку цепь телефонных столбов, вырубленных из местной древесины и выкрашенных черным креозотом, чтобы отпугнуть термитов.

Между столбами блестел медный провод. Но прямо впереди между двумя столбами провода не было.

Дэниэл торопливо пошел вперед и вдруг остановился.

Перерезанный провод свисал с белых изоляторов ближайшего столба. Дэниэл взял конец провода и осмотрел. Никаких сомнений. Провод сознательно перерезан. На мягком красном металле видны следы щипцов. У столба – следы множества людей.

– Зачем браконьерам перерезать телефонный провод? – вслух спросил Дэниэл, и неопределенная тревога перешла в сильное беспокойство. Дело пахло керосином. – Я должен предупредить Джонни. Пусть побыстрее займется этими джентльменами.

Оставался только один способ его предупредить.

Дэниэл бегом вернулся туда, где оставил «лендкрузер».

– Что происходит? – спросил Джок, когда Дэниэл вскочил в кабину и включил мотор.

– Не знаю, но в любом случае мне это не нравится, – ответил Дэниэл, разворачивая машину и начиная двигаться в противоположном направлении.

Теперь он ехал быстро, оставляя за «лендкрузером» длинную полосу пыли, сбрасывая скорость только на бродах с крутыми берегами, потом снова разгоняясь. Ему пришло в голову, что банда могла сократить путь, пройдя напрямик, лесом, петлю, которую делала дорога на склоне откоса. Подъем крутой, но пешком его можно одолеть; таким образом браконьеры почти на тридцать миль сокращали маршрут, которым сейчас вынужден был двигаться Дэниэл. Он предположил, что телефонный провод перерезали пять-шесть часов назад. К такому выводу он пришел путем дедукции, понаблюдав за эрозией следа и за тем, как распрямляются прижатая трава и растительность. Дэниэл не мог найти причину, по которой банда браконьеров захотела бы навестить штаб-квартиру Чивеве. Напротив, им следовало бы держаться от нее как можно дальше.

Однако след решительно шел в том направлении, а телефонный провод перерезали. Бандиты вели себя дерзко и агрессивно. Если они идут действительно к Чивеве, они уже могут быть там. Дэниэл взглянул на часы.

Да, они могли подняться на откос и быстрым шагом примерно час назад добраться до штаб-квартиры.

Но зачем? Никаких туристов там нет. Ничего ценного...

Он остановился: в голову пришло неожиданное предположение.

– Черт! – прошептал он. – Слоновая кость.

Неожиданно от ужаса у него заохлодели щеки.

– Джонни! – прошептал он. – И Мевис. И дети.

«Лендкрузер» полетел по тропе, вписываясь в повороты дороги, уходящей к подножию откоса.

А когда вылетел из-за поворота, впереди всю дорогу занимала большая белая машина. Едва успев нажать на тормоза и резко развернув «тойоту», Дэниэл понял, что это один из грузовиков-рефрижераторов.

Разминувшись с грузовиком всего на фут, «лендкрузер» выкатился с дороги и уткнулся в куст. Машина остановилась, едва избежав столкновения со стволом дерева мопане.

Дэниэла бросило на ветровое стекло.

Выскочив из кабины, он побежал к грузовику, который остановился, почти касаясь заднего борта «лендкрузера». Дэниэл узнал Гомо, старшего лесничего, сидевшего за рулем, и побежал к нему.

– Прости! Это я виноват. Ты в порядке?

Гомо, казалось, потрясло едва не случившееся столкновение, но он кивнул:

– Со мной все хорошо, доктор.

– Когда ты выехал из Чивеве? – спросил Дэниэл, и Гомо замешкался. Вопрос почему-то смутил его.

– Давно? – настаивал Дэниэл.

– Точно не знаю...

В этот миг снизу, с дороги на откосе, послышался рев приближающихся машин, и, оглянувшись, Дэниэл увидел второй грузовик.

Его мотор напряженно гудел, преодолевая крутой откос.

В пятидесяти ярдах за грузовиком двигался синий «мерседес» посла Ниня Чэнгуна. Машины затормозили и остановились за грузовиком Гомо, и Дэниэл направился к «мерседесу».

Когда он подходил, посол Ниня открыл дверцу и вышел на пыльную дорогу.

– Доктор Армстронг, что вы здесь делаете?

Чэнгун казался взволнованным, но голос его звучал негромко, едва слышно.

– Когда вы выехали из Чивеве?

Дэниэл не обратил внимания на его вопрос. Ему отчаянно хотелось знать, что Джонни и Мевис в безопасности, и поведение посла его удивило.

Волнение Чэнгуна усиливалось.

– Почему вы об этом спрашиваете? – шепотом спросил он. – Почему возвращаетесь? Вы должны ехать в Хараре.

– Послушайте, ваше превосходительство. Я хочу только знать, не было ли неприятностей в Чивеве.

– Неприятностей? Каких неприятностей? Почему там должны быть неприятности? – Посол сунул руку в карман и извлек носовой платок. – На что вы намекаете, доктор?

– Я ни на что не намекаю. – Дэниэлу трудно стало скрывать раздражение. – Я видел след большой группы людей; эти люди пересекли дорогу, направляясь к Чивеве. Боюсь, что это банда браконьеров, и возвращаюсь, чтобы предупредить хранителя.

– Там все в порядке, – заверил его Чэнгун. Дэниэл заметил на его лбу легкую испарину. – Все в порядке. Я покинул лагерь час назад. Хранитель Нзу на месте. Я говорил с ним перед выездом, и никаких признаков неприятностей не было.

И он вытер лоб платком.

– Час назад? – спросил Дэниэл и посмотрел на свой «ролекс» из нержавеющей стали. Слова посла принесли облегчение. – Значит, вы выехали в пять тридцать?

– Да, да! – Чэнгун говорил оскорбленным тоном. – Вы сомневаетесь в моих словах? Не верите мне?

Этот тон и страстные заверения удивили Дэниэла.

– Вы меня не поняли, ваше превосходительство. Конечно, я не сомневаюсь в ваших словах.

Престиж Чэнгуна как посла был главной причиной, по которой Четти Синг настоял на том, чтобы Чэнгун присутствовал в Чивеве.

Сам Чэнгун хотел быть как можно дальше от места нападения и даже улететь в Тайпэй, чтобы получить неопровержимое алиби. Но Четти Синг угрожал вообще отменить операцию, если Чэнгун не согласится засвидетельствовать, что нападение произошло после того, как колонна грузовиков покинула Чивеве. На этом основана вся операция. Слово Чэнгуна, аккредитованного посла, будет иметь огромный вес в полицейском расследовании происшествия. Показаний двух черных лесничих может оказаться недостаточно. Полиция может даже допросить их с пристрастием в тюрьме в Чикурубу, и Четти Синг не был уверен, что они выдержат допрос.

Нет, полиция должна поверить, что, когда Чэнгун вместе с автоколонной покидал Чивеве, там все было в порядке. Это должно убедить их, что браконьеры унесли слоновую кость с собой или что она сгорела в пожаре, охватившем склад.

– Простите, если у вас сложилось впечатление, будто я сомневаюсь в ваших словах, – успокаивал Чэнгуна Дэниэл. – Я просто беспокоюсь о Джонни, хранителе.

– Что ж, уверяю вас, никаких причин для беспокойства нет.

Чэнгун спрятал платок в карман и достал пачку сигарет. Чуть дрожащими пальцами извлек одну сигарету, но выронил, ее и она упала в пыль у его ног.

Дэниэл невольно проследил, как Чэнгун быстро наклоняется и подбирает сигарету возле своих белых спортивных туфель. Дэниэл заметил, что одна сторона туфли и обшлаг синих брюк выпачканы, на первый взгляд, засохшей кровью.

Вначале это удивило Дэниэла, но потом он вспомнил, что Чэнгун утром присутствовал при выгрузке бивней из грузовиков, когда их переносили на склад. Причина появления этих пятен очевидна: должно быть, из лужи свернувшейся крови, натекавшей с бивней.

Чэнгун заметил, куда он смотрит, и быстро, почти виновато сел на место водителя и захлопнул дверцу «мерседеса».

Дэниэл машинально отметил необычный отпечаток подошвы спортивной обуви в дорожной пыли, похожий на рыбу чешую.

– Что ж, я счастлив, что рассеял ваши страхи, доктор. – Чэнгун улыбнулся ему из окна «мерседеса». Он справился с собой, и его улыбка снова стала уверенной и чарующей. – Рад, что избавил вас от ненужного возвращения в Чивеве. Я уверен, что вы захотите присоединиться к нам и уехать из парка до начала дождей. – Он включил двигатель. – Почему бы вам не поехать перед грузовиками?

– Спасибо, ваше превосходительство. – Дэниэл покачал головой и отступил на шаг. – Поезжайте с грузовиками. Я с вами не еду. Хочу вернуться. Кто-то должен предупредить Джонни Нзу.

Улыбка Чэнгуна испарилась.

– Уверяю вас, это ненужные хлопоты. Лучше позвоните ему по телефону со станции в Карои и прудов Мана.

– Разве я вам не сказал? Они перерезали телефонный провод.

– Доктор Армстронг, это нелепо. Я уверен, вы ошиблись. Думаю, вы преувеличиваете серьезность ситуации...

– Думайте, что хотите, – решительно перебил Дэниэл. – Я возвращаюсь в Чивеве.

И он отошел от открытого окна «мерседеса».

– Доктор Армстронг, – крикнул ему вслед Чэнгун, – поглядите на эти тучи. Застрянете на несколько недель.

– Готов рискнуть, – ответил Дэниэл, а про себя подумал: «Почему он так настойчив?». Что-то здесь нечисто.

Он быстро вернулся к «лендкрузеру». Проходя мимо грузовиков, он заметил, что лесничество не вышли из шоферских кабин. Оба были мрачны. Ни один не сказал ни слова, когда он был рядом с ними.

– Ну ладно, Гомо, – сказал он, – отгони грузовик, чтобы я мог проехать.

Ни слова не ответив, лесничий повиновался. Потом мимо прогрохотал второй грузовик, и наконец с Дэниэлом поравнялся посольский «мерседес». Дэниэл, прощаясь, поднял руку.

Чэнгун едва взглянул на него, но ответил на жест, прежде чем последовать за грузовиками к повороту на Мана.

– Что сказал китаец? – спросил Джок, когда Дэниэл развернулся и начал преодолевать крутой склон.

– Что, когда он уезжал час назад, в Чивеве все было спокойно, – ответил Дэниэл.

– Хорошо.

Джок порылся в холодильнике и извлек жестянку с пивом. Предложил ее Дэниэлу, но тот покачал головой, сосредоточившись на дороге впереди. Тогда Джок открыл банку, сделал глоток и довольно рыгнул.

Начало темнеть и несколько тяжелых капель упали на ветровое стекло, но Дэниэл не сбавлял скорость. Уже в полной темноте он добрался до вершины откоса. На небе сверкали молнии, озаряя местность голубым сиянием, гремел гром и эхом отражался от гранитных кражей, возвышавшихся по обе стороны от дороги.

Дождь в свете фар падал серебряными стрелами, капли взрывались на стекле и лавиной катились вниз, так что дворники не успевали их сметать.

Вскоре в закрытой кабине стало сыро и душно, и ветровое стекло запотело. Дэниэл наклонился вперед, пытаясь протереть стекло; ничего не получилось, он сдался и чуть приоткрыл окно, впуская свежий ночной воздух. И почти тотчас поморщился и чихнул.

Джок сразу учуял, почему.

– Дым! – воскликнул он. – Далеко мы от лагеря?

– Почти приехали, – ответил Дэниэл. – Сразу за следующим кряжем.

Запах дыма стал слабее. Дэниэл подумал, что дымить могут кухонные костры в поселке слуг.

Прямо впереди из темноты показались главные ворота лагеря. На каждый из выбеленных столбов водрузили побелевшие черепа слонов. Большие буквы гласили: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ЧИВЕВЕ, ДОМ СЛОНОВ», а ниже, помельче, значилось: «Все посетители должны немедленно зарегистрироваться в офисе хранителя».

Длинная подъездная дорога, обсаженная темными низкими деревцами кассии, по щиколотку была залита дождевой водой, и, направляясь к главному зданию лагеря, машина отбрасывала фонтаны брызг и пены.

Неожиданно острый запах дыма ударил в ноздри. Пахло горящим тростником и древесиной, но за этим чувствовалось еще что-то – плоть, а может, горящая слоновая кость, хотя раньше Дэниэл никогда не слышал запаха горячей слоновой кости. И никаких огней. Дэниэл увидел впереди темное здание. Лагерный генератор не работал, весь лагерь тонул в темноте. Потом Дэниэл заметил сквозь мокрые кассии рассеянный розоватый свет, отразившийся от стен здания. Что-то горит.

Джок наклонился вперед.

– Вот откуда дым.

Фары «тойоты» проложили широкую светлую полосу во тьме и сосредоточились на большой бесформенной темной груди впереди. Затуманенное ветровое стекло мешало видеть, и Дэниэл вначале не мог решить, что это. От этой груди словно исходило странное сияние. И только подъехав ближе, они сумели узнать почерневшие дымящиеся развалины склада слоновой кости.

В ужасе от увиденного Дэниэл резко затормозил, остановил «тойоту» в грязи и уставился на развалины.

Стены потемнели от огня и почти все обрушились. Тут должен был бушевать настоящий ад, чтобы возникла такая температура. Руины еще горели и дымились, несмотря на потоки дождя. Маслянистые столбы дыма проплывали в свете фар, пламя изредка еще вспыхивало, но дождь прибавлял его.

Мокрая рубашка прилипла к телу Дэниэла, дождь промочил волосы, и они липли ко лбу и к глазам. Дэниэл отбросил их и вскарабкался по рухнувшей оштукатуренной стене. Крыша здания была толстым матрасом из черной золы и обгоревших балок, закрывавшим нутро опустошенного здания. Несмотря на дождь, дым был таким густым, а жар таким сильным, что подойти и посмотреть, много ли кости осталось под обгорелой грудой, было невозможно.

Дэниэл попятился и побежал к машине. Забрался в кабину и рукой стер дождевую воду с глаз.

– Ты был прав, – сказал Джок. – Похоже, ублюдки добрались до лагеря.

Дэниэл ничего не ответил. Он включил двигатель и погнал машину вверх по холму к дому хранителя.

– Достань из ящика фонарик, – приказал он.

Джок послушно наклонился, открыл тяжелую крышку инструментального ящика, привинченного к дну машины, и достал из него большой фонарь.

Как все остальные здания лагеря, дом хранителя окутывала тьма. Дождь серебристыми потоками лился с карнизов, и луч фонарика не мог пробиться на затянутую сеткой веранду. Дэниэл выхватил у Джoka фонарь и побежал под дождем.

– Джонни! – кричал он. – Мевис!

Он бежал к входной двери в коттедж.

Полуоткрытая дверь свисала с петель. Дэниэл вбежал на веранду.

Мебель была поломана и расшвыряна. Дэниэл лучом фонаря осветил этот хаос. Любимое собрание книг Джонни сброшено с полок и лежит грудками на полу, переплеты поломаны, книги раскрыты.

– Джонни! – кричал Дэниэл. – Где ты?

Через распахнутые створки двери он вбежал в гостиную.

Здесь опустошение было шокирующим. Все вазы и красивые безделушки Мевис сброшены на пол, обломки блестят в луче фонаря. Обивка с дивана и кресел сорвана. В комнате пахнет, как в звериной клетке... Джонни увидел, что пришельцы испражнялись на ковер и мочились на стены.

На дальней стене – украшение, которого раньше не было. Красное звездообразное пятно покрывало почти всю белую поверхность. Несколько мгновений Дэниэл не понимая смотрел на него, потом перевел луч на маленькую скорченную фигурку у стены.

Своего единственного сына Джонни и Мевис называли в его честь – Дэниэл Роберт Нзу.

Родив двух дочерей, Мевис наконец сумела родить сына, и оба родителя были счастливы.

Дэниэлу Нзу исполнилось четыре года. Он лежал на спине. Глаза его были открыты, но смотрели в луч фонарика не видя.

Его убили старым варварским африканским способом, как обращались с мальчиками вражеских племен воины Чаки и Мзиликази. Маленького Дэниэла схватили за ноги и ударили головой о стену, разбив череп и размазав мозг по стене.

Кровь мальчика образовала на ней грубый рисунок.

Дэниэл склонился к мальчику. Несмотря на разбитый череп, сходство с отцом было несомненным. На глаза Дэниэла навернулись слезы, он повернулся и медленно направился в спальню.

Дверь туда была полуоткрыта, но Дэниэл не мог набраться мужества, чтобы войти в нее.

Ему пришлось заставить себя. Дверь распахнулась, слабо скрипнули петли.

Мгновение он освещал лучом фонаря спальню, потом отпрянул в коридор и прислонился к стене, борясь с рвотой и глотая воздух.

В дни войны в буше он видел такие картины, но прошедшие годы ослабили привычку и размягчили защитную оболочку, которую он возвел вокруг себя. Он больше не в состоянии был бесстрастно смотреть на те зверства, на какие способен человек по отношению к себе подобным.

Дочери Джонни были старше брата. Мириам десять, Сузи почти восемь. Обе голые лежали на полу у кровати. Обоих неоднократно насиловали. Их детские гениталии были истерзаны и превращены в кровавое месиво.

Мевис на кровати. С нее не потрудились сорвать одежду, просто задрали юбку.

Ее руки были подняты и привязаны к столбикам кровати. Обе девочки, должно быть, умерли от потери крови во время длительных издевательств. Мевис, вероятно, все выдержала, и, закончив с нею, ей прострелили голову.

Дэниэл заставил себя снова войти в спальню. Нашел, где Мевис держала постельное белье, и прикрыл трупы чистыми простынями. Он не мог заставить себя прикоснуться к девочкам, даже просто закрыть им глаза, в которых навсегда запечатлелся ужас.

– Святая мать Божья! – прошептал от двери Джок. – Те, кто это сделал, не люди. Это кровожадные звери.

Дэниэл попятился из спальни и закрыл за собой дверь. Маленькое тело Дэниэла Нзу он тоже прикрыл простыней.

– Нашел Джонни? – спросил он. Голос его звучал хрипло, в горле пекло от ужаса и горя.

– Нет.

Джок повернулся и выбежал в коридор. Пробежал через веранду и выскочил под дождь. Дэниэл слышал, как его рвет на клумбу у веранды.

Звуки отчаяния другого человека придали Дэниэлу силы. Он подавил собственное отвращение, гнев и горе и обуздал свои чувства. «Джонни, – сказал он себе. – Надо найти Джонни».

Он быстро осмотрел две другие спальни и остальные помещения дома. Ни следа друга, и Дэниэл позволил себе увидеть слабый лучик надежды.

«Он мог уйти, – говорил себе Дэниэл, – скрыться в буше».

Какое облегчение выйти из этого дома. Дэниэл остановился в темноте и подставил лицо под дождь. Открыл рот и позволил дождевой воде смыть горькую желчь с языка и из глотки.

Потом посветил вниз и увидел, что свернувшаяся кровь окрасила его обувь в розовый цвет. Он попытался стереть кровь с подошв, потом крикнул Джоку:

– Пошли, нужно найти Джонни.

В «тойоте» он проехал к подножию холма, туда, где стояли дома слуг. С военных времен поселок еще окружали земляная насыпь и ограда из колючей проволоки.

Однако ограда полуразрушена, а ворот вообще нет.

Они въехали в поселок, и запах дыма усилился. Когда фары осветили их, Дэниэл увидел, что все коттеджи слуг обгорели. Крыши обвалились, окна пусты.

Дождь погасил пламя, хотя несколько клоков дыма еще плыли в свете фар, как призраки.

На земле вокруг домов множество маленьких блестящих предметов отражало лучи фар, сверкая, как бриллианты. Дэниэл знал, что это, но вышел из машины и поднял один такой предмет из грязи. Блестящая медная патронная гильза. Он поднес ее к свету и увидел знакомый кириллический штамп. Калибр 7.62. Это калибр вездесущего «АК-47» восточно-европейского производства, символа насилия и революции в Африке и во всем мире.

Банда расстреляла поселок, но трупов не оставила. Дэниэл решил, что тела побросали в дома, прежде чем поджечь. Ветерок переменился, донес до него зловоние сгоревших домов, и его подозрения усилились.

За гарью проступали запахи горелой плоти, волос и кости.

Дэниэл сплюнул, чтобы избавиться от этого вкуса, и прошел между рядами хижин.

– Джонни! – крикнул он в ночь. – Джонни, где ты?

Но в ответ слышался только треск гаснущего пламени и шелест ветра в деревьях манго; от ветра с веток мерно срывались капли.

Проходя между хижинами, Дэниэл светил направо и налево, пока не увидел лежащее на открытом месте тело.

– Джонни! – закричал он, подбежал к телу и опустился на колени.

Тело страшно обгорело, мундир защитного цвета сгорел почти полностью, кожа и плоть на теле и лице обгорели. Человек, очевидно, выбрался из горящей хижины, куда его бросили, но это был не Джонни Нзу.

Один из младших лесничих.

Дэниэл встал и заторопился к машине.

– Ты его нашел? – спросил Джок. Дэниэл покачал головой. – Боже, да они перебили всех в лагере. Зачем?

– Свидетели. – Дэниэл включил мотор. – Они уничтожили всех свидетелей.

– Зачем? Что им было нужно? Чушь какая-то.

– Слоновая кость. Вот что им было нужно.

– Но ведь они сожгли склад.

– После того как очистили его.

Он развернул «тойоту» и снова направился к главному лагерю.

– Но кто они, Дэнни? Кто это сделал?

– Откуда мне знать? Шифта⁴? Бандиты? Браконьеры? Не задавай глупых вопросов!

---

⁴ Так в Эритрее, Эфиопии, Кении и Сомали называют преступников и бандитов.

Гнев Дэниэла разгорался. До этой минуты он был ошеломлен и испытывал только горе и ужас. Он проехал мимо темного бунгало и вернулся в главный лагерь.

Офис хранителя не тронули, хотя, когда Дэниэл осветил его фонариком, то увидел на крыше почерневшее место: кто-то, должно быть, бросил горящий факел. Но хорошо уложенный тростник горит плохо, и пламя не разгорелось, а может, его погасил ливень.

Дождь прекратился с внезапностью, характерной для природы Африки. Только что с неба падали стремительные потоки, ограничивая видимость в лучах света пятьюдесятью ярдами, а в следующее мгновение все кончилось. Только с деревьев продолжала капать вода, но над головой в разрывах облаков уже появились первые звезды; ветер быстро рассеивал тучи.

Дэниэл почти не заметил перемены. Он вышел из машины и пробежал по широкой веранде.

Внутреннюю стену веранды украшали черепа животных парка. Их пустые глазницы и изогнутые рога в свете фонарика придавали обстановке мрачность и обостряли у Дэниэла ощущение обреченности, когда он быстрыми шагами шел по веранде. Теперь он понимал, что следовало с самого начала искать здесь, а не бросаться к бунгало.

Дверь в кабинет Джонни была открыта, и Дэниэл остановился на пороге, готовясь к тому, что может увидеть.

Пол и письменный стол усеивали листы бумаги. Комнаты обыскали, сбросили с полок груды документов. Открывали ящики стола Джонни и выбрасывали их содержимое. Нашли ключи Джонни и открыли выкрашенную зеленой краской дверь встроенного в стену сейфа Милнера.

Ключи еще оставались в замке.

Луч фонарика Дэниэла обежал комнату и остановился на лежащей перед столом фигуре.
– Джонни, – прошептал Дэниэл. – О Боже, нет!

– Я подумал, что, пока жду грузовики, могу съездить к источнику у фиговых деревьев.

Голос посла Ниня прервал сосредоточенность Джонни Нзу, но, отрываясь от стола, Джонни не испытывал недовольства.

Джонни считал одной из своих главных обязанностей сделать дикую местность доступной для тех, кто любит природу. Нинь Чэнгун, несомненно, относился к таким людям. Джонни улыбнулся, увидев его принадлежности: бинокль и определитель птиц.

Он встал из-за стола, радуясь возможности уйти от скучной работы с бумагами, вышел вместе с послем с веранды и прошел к ожидающему «мерседесу», строя предположения, где можно увидеть неуловимого и удачно названного журавля великолепного, за которым хотел понаблюдать Чэнгун.

Когда Чэнгун уехал, Джонни дошел до мастерской, где лесничий Гомо разбирал и собирал генератор неисправной машины. Джонни сомневался в способности Гомо починить генератор. Утром, вероятно, придется позвонить хранителю прудов Маны и попросить прислать механика.

Одно утешение – мясо слонов нельзя бесконечно хранить в холодильнике лагеря. Холодильники грузовиков подключены к лагерному генератору, и, когда Джонни проверил, температура в них была минус двадцать. Мясо будет обработано и превращено в корм для животных одним частным предпринимателем в Хараре.

Джонни оставил лесничего Гомо у разобранного генератора и вернулся в свой офис под кассиями. Стоило ему выйти из мастерской, как Гомо многозначительно переглянулся с другим лесничим – Дэвидом. Генератор, с которым он возился, он подобрал именно для этой цели в груде металлолома в Хараре. А совершенно исправный генератор машины лежал под сиденьем шофера. Нужно не больше десяти минут, чтобы вернуть его на место и подсоединить к проводке.

В кабинете Джонни вновь обратился к монотонности форм и бухгалтерских книг. Один раз он взглянул на часы и увидел: без нескольких минут час. Ему хотелось закончить работу до обеда. Конечно, заманчиво вернуться домой пораньше. Джонни нравилось по вечерам возиться с детьми, особенно с сыном, но он подавил искушение и продолжал упорно работать. Он знал, что скоро Мевис пошлет за ним детей. Ей нравится, когда за едой проводят не много времени.

Услышав звуки у двери, Джон улыбнулся, предвкушая появление детей, и поднял голову.

Улыбка исчезла с его лица. В дверях стоял незнакомец плотного сложения, с кривыми ногами, одетый в грязные тряпки. Руки он держал за спиной, словно что-то прятал.

– Да? – коротко спросил Джонни. – Ты кто? Чего тебе?

Мужчина улыбнулся. Кожа у него была очень черная, с лиловым отливом. Когда он улыбался, шрам через все лицо придавал его улыбке злое, невеселое выражение.

Джонни встал из-за стола и пошел ему навстречу.

– Что тебе нужно? – повторил он, и мужчина ответил:

– Ты.

Он достал из-за спины автомат «АК-47» и направил ствол в живот Джонни.

Джонни был захвачен врасплох посередине комнаты. Однако почти мгновенно пришел в себя. У него были рефлекс охотника и солдата. В десяти шагах от него дверь оружейной комнаты... и он бросился к ней.

Там хранился арсенал парка. Джонни сквозь дверь видел стойку с ружьями у дальней стены. Отчаяние сделало его ноги свинцовыми: Джонни вспомнил, что ни одно ружье не заряжено. Таково было установленное лично им правило. Патроны спрятаны в закрытом металлическом сейфе под ружейной стойкой.

Все это пронеслось у него в голове в то мгновение, когда он устремился к двери.

Краем глаза он видел, как мерзавец со шрамом поворачивает ствол в его сторону, и на полпути к двери Джонни упал на пол и, как акробат, нырнул под очередь, прошившую комнату.

Перевернувшись и вскочив, Джонни услышал, как мужчина выругался, и снова устремился к двери. Он понимал, насколько опасен противник. По тому, как привычно тот держит оружие, он видел, что это убийца. Чудо, что он все еще увертывается от огня с такого близкого расстояния.

В воздухе повисло облако кусочков штукатурки, выбитых пулями из стены, и Джонни прыгнул сквозь него, хотя знал, что ничего не выйдет. Слишком хорош человек с автоматом. А дверь чересчур далеко, и до следующего залпа до нее не добраться.

Часы в голове у Джонни продолжали идти; он прикидывал, сколько времени потребуется противнику, чтобы восстановить равновесие. При стрельбе очередями ствол автомата всегда немного поднимается, независимо от действий стрелка; требуется доля секунды, чтобы опустить ствол для второй очереди.

Джонни рассчитал точно и рванулся в сторону, но на мгновение опоздал.

Стрелок опустил ствол, чтобы компенсировать его подъем.

Одна пуля пробила бедро Джонни, не задев кость, но вторая прошла через ягодицу и разбила бедренный сустав, раздробив головку и тело тазовой кости.

Три остальные пули пролетели мимо, потому что Джонни успел метнуться в сторону. Но его левая нога отказала, и он тяжело прислонился к дверному косяку, пытаясь удержаться от падения. Инерция заставила его съехать по стене, со скрипом процарапав ногтями штукатурку. Кончилось тем, что он замер на одной ноге лицом к стене. Левая нога болталась на разбитом суставе, а руки он широко расставил, как на распятии, пытаясь удержать равновесие.

По-прежнему улыбаясь, стрелок перевел автомат на стрельбу одиночными выстрелами. Он старался беречь боеприпасы. Каждый патрон стоит десять замбийских квач, и его прихо-

дится сотни миль тащить в мешке за спиной. Каждый патрон бесценен, а хранитель ранен и полностью в его руках.

– Теперь ты умрешь.

И он выстрелил Джонни в живот.

Воздух с шумом вырвался у Джонни из легких. Страшная сила удара прижала его к стене и согнула вдвое, потом он упал вперед. Джонни во время войны уже бывал ранен, но в него ни разу не стреляли в упор, и потрясение от такого удара превзошло всякие ожидания. От пояса вниз его парализовало, но сознание оставалось кристально ясным, словно поток адреналина в крови необычайно обострил восприятие.

«Притворись мертвым!» – подумал он, уже выполняя это решение. Нижняя часть тела была парализована, но он заставил расслабиться торс. Тяжело, как куль с зерном, он упал на пол и больше не шевелился.

Голова Джонни повернулась в сторону, грудью он прижимался к холодному бетонному полу. Джонни лежал неподвижно. Он слышал, как стрелок прошел по полу, резиновые подошвы его обуви негромко скрипели.

Потом эта обувь оказалась в поле зрения Джонни. Пыльная, изорванная почти до верху. Носков не было, и острый запах от ног, оказавшихся в нескольких дюймах от лица, ударил Джонни в нос.

Джонни услышал металлический щелчок затвора: замбиец снова переключил порядок огня, – потом почувствовал холодное прикосновение ствола к виску. Человек собирался произвести контрольный выстрел.

«Не шевелись», – заставлял себя Джонни.

Это была его последняя отчаянная надежда. Он знал, малейшее его движение – и грянет выстрел. Он должен убедить стрелка, что мертв.

В этот момент снаружи донеслись крики, потом множество автоматных очередей, и снова крики. Ствол оторвался от виска Джонни. Зловонные ботинки повернулись и удалились к выходу.

– Идем! Не трать время! – крикнул в открытую дверь стрелок со шрамом. Джонни достаточно знал чиньянджа⁵, чтобы понять его. – Где грузовики? Надо грузить слоновую кость!

Замбиец выбежал из кабинета, оставив Джонни на бетонном полу.

Джонни знал, что он ранен смертельно. Чувствуя, как из раны в паху уходит артериальная кровь, он повернулся на бок и быстро ослабил пояс брюк.

И сразу ощутил запах собственных испражнений. И понял, что вторая пуля разорвала ему внутренности. Опустив руку, он попытался пальцами зажать рану в паху. Кровь горячо ударила в руку.

Он обнаружил разорванную бедренную артерию и зажал ее концы.

Мевис! Дети! Такова была его следующая мысль. Что он может для них сделать? И в этот миг Джонни снова услышал стрельбу – со стороны поселка слуг и своего коттеджа.

Их целая банда, в отчаянии подумал он. По всему лагерю. Нападают на поселок. И потом: «Мои малыши! О Боже! Мои малыши!»

Он подумал об оружии в соседней комнате, но знал, что до него не доберется. А даже если доберется, то с вывалившейся половиной внутренностей не сможет стрелять из ружья.

Он услышал шум двигателей грузовиков. Узнал рев больших дизелей и понял, что это рефрижераторы. На мгновение появилась надежда.

Гомо, подумал он. Дэвид... Но надежда жила недолго. Лежа на боку, зажимая разорванную артерию, он понял, что может подсматривать в открытую дверь.

---

⁵ Один из языков семейства банту, национальный язык Малави.

Ему был виден один из белых рефрижераторов. Он задом подъезжал к входу на склад. А когда остановился, из кабины выскочил Гомо и, жестикулируя, начал о чем-то оживленно разговаривать с человеком со шрамом. Слабея от потери крови, теряя ясность мысли, Джонни лишь спустя несколько секунд понял, что видит.

Гомо, подумал он. Гомо – один из них.

Он сел.

Почему это его так потрясло? Джонни знал, насколько коррумпировано правительство, все его департаменты, не только департамент национальных парков. Он сам давал официальные показания Комиссии по расследованию фактов коррупции и умолял помочь справиться с ней. Но Гомо он хорошо знает. Конечно, Гомо высокомерен и корыстен. Это так... но Джонни не ожидал от него предательства.

Неожиданно площадку перед складом, которая была видна Джонни, заполнили другие бандиты. Человек со шрамом быстро организовал работу. Один из бандитов отстрелил замок, прочие положили оружие и устремились внутрь склада. Когда они увидели груды бивней, послышались радостные крики, потом образовалась человеческая цепочка, по которой бивни передавали и грузили в машины.

В глазах у Джонни начало темнеть. Перед глазами проплывали темные пятна, в ушах негромко звенело.

«Я умираю», – равнодушно подумал он, чувствуя, как от парализованных ног к груди поднимается оцепенение.

Усилием воли он отогнал тьму, и ему показалось, что он грезит: под верандой, освещенный лучами позднего солнца, стоял посол Нинь Чэнгун. Через плечо у него по-прежнему висел бинокль, держался Чэнгун безупречно вежливо и хладнокровно. Джонни хотел крикнуть, предупредить посла, но из горла вылетел только хрип, затихший в стенах комнаты.

Тут он с изумлением увидел, как предводитель банды, тот, что со шрамом, подходит к послу и приветствует его – если не уважительно, то с признанием его власти.

Нинь! Джонни заставил себя поверить. Это действительно Нинь. Это не видение.

И тут до него донеслись голоса этих двоих. Они говорили по-английски.

– Поторопи своих людей, – сказал Нинь Чэнгун. – Пусть погрузят кость. Я хочу немедленно уехать.

– Деньги, – ответил Сали. – Тысяча долларов.

Его английский был ужасен.

– Тебе заплатили, – возмущенно сказал Чэнгун. – Я отдал тебе твои деньги.

– Еще денег. Еще тысячу долларов. – Сали улыбнулся Чэнгуну. – Деньги, или я их остановлю. Мы уйдем, оставим тебя, оставим кость.

– Мошенник! – рявкнул Чэнгун.

– Не понимаю «мошенник», но, думаю, ты тоже «мошенник». – Улыбка Сали стала шире. – Давай деньги сейчас.

– У меня с собой больше нет, – решительно ответил Чэнгун.

– Тогда мы уходим. Немедленно! Сам грузи свою кость!

– Подожди. – Чэнгун явно напряженно размышлял. – У меня нет денег. Возьмите кость, сколько сможете. Возьмите все, что сможете унести.

Чэнгун сообразил, что браконьеры смогут забрать лишь ничтожную часть сокровища. Не больше одного бивня каждый. Двадцать человек, двадцать бивней – недорогая плата.

Сали смотрел на него, обдумывая ответ. Очевидно, он извлек из ситуации всю возможную выгоду, потому что наконец кивнул.

– Хорошо! Возьмем кость.

Он начал поворачиваться.

Посол Нинь окликнул его:

– Подожди, Сали. А остальные? С ними разобрались?

– Они все мертвы.

– Хранитель, его женщина и дети тоже?

– Все мертвы, – повторил Сали. – И женщина, и ее негритята. Мои люди сначала делали джиг-джиг с тремя женщинами. Очень весело, очень хороший джиг-джиг. Потом убили.

– А хранитель? Где он?

Браконьер Сали кивком показал на кабинет Джонни.

– Я застрелил его бум-бум. Он мертв, как нгулиби, как свинья. – Он рассмеялся. – Очень хорошая работа, а?

Он ушел с автоматом через плечо, посмеиваясь, и Чэнгун вслед за ним вышел из поля зрения Джонни.

Гнев придал Джонни сил.

Из слов браконьера нарисовалась картина ужасной участи Мевис и детей. Джонни ясно видел ее, словно сам был там: он был знаком с насилием и мародерством. Ведь он пережил войну в буше.

Он использовал силу гнева, чтобы поползти к столу. Джонни знал, что не сможет воспользоваться оружием. В несколько оставшихся ему минут жизни он может только надеяться оставить сообщение. Бумаги были сброшены со стола и усеивали пол. Если бы добыть единственный листок, сделать на нем запись и спрятать ее... полиция потом ее найдет...

Он передвигался, как раненая гусеница, лежа на спине и по-прежнему зажимая поврежденную артерию. Подтягивал здоровую ногу, упирался пяткой в пол и с трудом передвигался вперед, проползал на спине по несколько дюймов за раз, и собственная кровь смазывала его продвижение. Он прополз шесть футов и добрался до одного листа бумаги. Это была квитанция об оплате.

Не успел Джонни коснуться листка, как освещение в комнате изменилось. Кто-то стоял в дверях. Джонни повернул голову: на него смотрел посол Нинь. Он вошел со стороны веранды.

Резиновые подошвы его спортивных туфель ступали совершенно бесшумно. Он стоял, оцепенев от удивления, и еще несколько мгновений смотрел на Джонни.

Потом пронзительно закричал:

– Он еще жив! Сали, быстрее сюда, он еще жив! – Чэнгун исчез из двери и побежал по веранде, по-прежнему громко призывая браконьера: – Сали, быстрее сюда!

Все было кончено, Джонни это знал. У него оставалось несколько секунд. Он повернулся на бок и схватил бланк. Одной рукой прижал его к полу, отпустил зажатую артерию и провел окровавленной рукой по брюкам.

И сразу почувствовал, как запульсировала артерия и из раны потекла свежая кровь.

Обмакивая указательный палец в собственную кровь, он начал писать. Вывел кривую букву «Н» и от головокружения едва не потерял сознание. Сосредоточиваться становилось все труднее. Палочки буквы «И» оказались очень кривыми, но все же буква идентифицировалась вполне уверенно. На мгновение липкая кровь приклеила палец к листку. Джонни с трудом оторвал его.

Он начал вторую «Н». Буква получилась неуклюжая, словно писал ребенок. Палец не слушался приказов мозга. Джонни слышал, как посол по-прежнему зовет Сали, слышал ответ Сали, полный тревоги и ужаса. «НИН». Джонни начал следующую букву, провел вертикальную черту, но палец скользнул, и красные буквы поплыли перед глазами, как головастики.

Он услышал топот на веранде и голос Сали: «Я думал, он мертв. Я ведь его прикончил».

Джонни скомкал листок в левой, не окровавленной руке, сунул его под рубашку и перевернулся на живот; рука, сжимающая окровавленную записку, оказалась под ним.

Он не видел, как вошел Сали. Лицо Джонни было прижато к бетонному полу. Он услышал, как ботинки браконьера скользнули по крови, услышал щелчок затвора: Сали остановился над лежащим.

Джонни не боялся, только испытывал огромную печаль и сожаление. Когда ствол автомата коснулся его головы, он думал о Мевис и детях. Он чувствовал облегчение оттого, что не останется один после их смерти. Радовался, что не увидит, что с ними случилось, никогда не станет свидетелем их боли и мук.

Он уже умирал, когда пуля «АК-47» пробила его череп и ушла в бетон под его лицом.

– Дрянь, – сказал Сали. Он отступил на шаг и надел автомат через плечо. Из ствола еще шел легкий дымок. – Его было трудно убить. Он заставил меня потратить несколько патронов. А ведь каждый стоит десять квач. Слишком дорого!

В комнату вошел Нинь Чэнгун.

– Ты уверен, что наконец завершил работу? – спросил он.

– У него нет головы, – ответил Сали, взял со стола ключи Джонни и пошел рыться в сейфе. – Куфа! Конечно, он мертв.

Чэнгун подошел к труп и зачарованно посмотрел на него. Убийство взбудоражило его. Возбудило сексуально. Конечно, не так, как убийство девочки, но тем не менее. Комнату заполнил запах крови. Чэнгуну нравился этот запах.

Он так увлекся, что не замечал, что стоит в луже крови, пока Гомо не крикнул с веранды:

– Вся кость погружена. Можно уходить!

Чэнгун отступил и с отвращением вскрикнул, заметив пятно на отвороте своих безупречно выглаженных синих спортивных брюк.

– Иду, – сказал он Сали. – Перед уходом подожгите склад.

Сали нашел в сейфе холщовый мешочек с месячной зарплатой работников парка и хмыкнул, не отрывая взгляда от содержимого.

– Все сожгу.

Чэнгун пробежал по веранде и сел в «мерседес». Сделал знак Гомо, и оба грузовика поехали. Кость в кузовах была прикрыта кусками туш выбракованных слонов. Обычный осмотр не обнаружит сокровище, но колонну вообще никто не остановит. Его защищает знак национальных парков на кузовах и форма лесничих Гомо и Дэвида. Даже на редких дорожных постах их не остановят. Силы безопасности в первую очередь воюют с политическими отступниками, а не с браконьерами.

Все прошло хорошо, как и планировал Четти Синг. Чэнгун посмотрел в зеркало заднего обзора. Склад слоновой кости уже горел.

Браконьеры строились в колонну для обратного марша. Каждый нес крупный слоновий бивень.

Чэнгун улыбнулся про себя. Возможно, алчность Сали окажется полезной. Если полиция настигнет банду, исчезновение слоновой кости объяснит пожар на складе и эти бивни, которые несут браконьеры.

По настоянию Чэнгуна сорок бивней оставили в горящем складе, чтобы криминалистическая лаборатория обнаружила следы сгоревшей слоновой кости. Как сказал бы Четти Синг, «еще один ложный след».

– На этот раз...

Чэнгун рассмеялся вслух. Он был возбужден. Успех налета, насилие, кровь и смерть вызвали у него ощущение тепла внизу живота и заполнили сознанием собственного могущества. Он чувствовал себя всемогущим и сексуально могучим; неожиданно он ощутил сильнейшую эрекцию.

И решил, что в следующий раз будет убивать сам.

Вполне естественно было поверить, что будет и следующий раз, и другие разы – много. Чужая смерть давала Чэнгуну ощущение собственного бессмертия.

– Джонни. О Боже, Джонни!

Дэниэл присел рядом с другом и прижал руку к его горлу, проверяя, есть ли пульс. Жест был произвольным, потому что рана в затылке уничтожала всякие сомнения.

Кожа Джонни была холодной. Дэниэл не мог заставить себя повернуть его, чтобы посмотреть выходное отверстие раны. Он на время оставил тело и покачнулся, позволяя гневу расцвести и сменить бесконечный холод горя. Дэниэл раздувал гнев, как уголек в темную ночь. Гнев согревал холодную пустоту в душе, оставшуюся после ухода Джонни.

Наконец Дэниэл встал. Осветил фонарем пол перед собой и, перешагивая через лужи крови, прошел в оружейную.

Дистанционное управление генератором осуществлялось со щита у входа в оружейную. Дэниэл повернул рубильник и услышал отдаленный гул дизельного двигателя на электростанции у главных ворот.

Дизель разогнался до нормальной скорости и мерно загудел, генератор включился, и загорелся свет. В окно Дэниэл видел, как ожили фонари на подъездной дороге; в их свете листва кассий казалась яркозеленой и блестела от дождя.

Дэниэл схватил связку ключей, еще торчавшую в замочной скважине сейфа, и прошел в оружейную. Наряду с ружьями для выбраковки в стойке было пять автоматов «АК-47». Их использовали в борьбе с браконьерами лесничие, когда нужно было отвечать на такой же автоматный огонь. Патроны в ящике под ружейной стойкой. Дэниэл открыл стальную крышку.

На крюках четыре магазина, полные патронов.

Дэниэл повесил через плечо один пояс, потом снял с полки автомат и привычно зарядил его: старые воинские навыки не забываются.

Вооруженный и разъяренный, он сбежал по ступеням веранды.

Начинаем со склада, решил он. Там они определенно были.

Он обогнул сгоревшее здание, всматриваясь при свете фонарей в землю в поисках следов, освещая фонариком все, что привлекало внимание. Если бы он позволил себе задуматься, то понял бы, что зря тратит время. Единственные следы, уцелевшие под тропическим дождем, под защитой нависающей крыши веранды, – следы тяжело груженных машин, ведущие по грязи от входа на склад.

Но даже эти следы почти стерлись и едва заметны.

Дэниэл не обращал на них внимания: это следы машин, а банды машинами не пользуются. Он расширил круг поисков, пытаясь найти уходящий след, сосредоточившись на северной стороне периметра лагеря, потому что банда несомненно направилась обратно к реке Замбези.

Все бесполезно. В глубине души он с самого начала это знал.

Через двадцать минут он сдался. Следа, чтобы по нему пойти, не было.

Дэниэл стоял под темными деревьями, снедаемый досадой и горем. «Если бы я только мог пристрелить этих ублюдков», – сетовал он.

В его нынешнем настроении для него не имело значения, что он один против двадцати или более профессиональных убийц. Джок оператор, а не солдат. В схватке от него помощи не будет. Воспоминания об изуродованных и оскверненных телах в бунгало и о простреленной голове Джонни подавляли все здравые мысли. Дэниэл обнаружил, что его трясет от гнева, и это заставило его постараться опомниться.

«Пока я трачу время, они уходят, – сказал он себе. – Единственный способ – отрезать их на реке. Нужна помощь».

Он подумал о лагере национального парка у прудов Маны. Тамошний хранитель хороший человек. Дэниэл прекрасно знал его еще с прежних времен. У него есть группа по борьбе с контрабандистами и быстрый катер. Группа может спуститься вниз по течению и патрулировать реку, чтобы перехватить банду, когда та попытается уйти в Замбию. Возвращаясь к офису хранителя, Дэниэл уже начинал рассуждать логически. От прудов Мана можно позвонить в Хараре и попросить полицию выслать самолет-разведчик.

Он понял, что теперь важнее всего скорость. Через десять часов банда будет за рекой. Однако нельзя оставить Джонни лежать в собственной крови. Придется потратить несколько минут, но выказать последнее уважение и по крайней мере должным образом прикрыть тело.

Дэниэл остановился у входа в кабинет хранителя. Лампы над головой ярко горели, не оставляя ничего в тени. Дэниэл отставил «АК-47» и огляделся, ища, чем бы накрыть тело друга. Зеленые занавески местного производства подойдут в качестве самодельного савана. Он снял одну из них и пошел туда, где лежал Джонни.

Тело Джонни скорчено. Одна рука подогнута и прижата к груди, лицо в луже свернувшейся крови. Дэниэл осторожно перевернул друга. Тело еще не застыло. Посмотрев в лицо Джонни, он поморщился, потому что пуля вышла через правый глаз. Углом занавески он начисто вытер Джонни лицо, потом удобнее уложил тело на спину.

Левую руку Джонни сунул под рубашку и плотно сжал кулак. Дэниэл сразу заинтересовался, увидев в руке скомканную бумажку. Он разжал пальцы Джонни и высвободил комок.

Встал, подошел к столу и расправил листок.

И сразу увидел, что Джонни писал собственной кровью. Дэниэл всмотрелся в страшные каракули.

«НИН» и еще одна черта. Буквы неровные, словно писал ребенок, они размазались и едва различимы. В них нет смысла, и последняя буква может быть какой угодно. Послание по-прежнему непонятно. Впрочем, даже если это бред, очевидно, что для умирающего он имел большое значение.

Неожиданно у Дэниэла что-то шевельнулось в подсознании; что-то как будто пыталось выбраться на поверхность. Он на минуту закрыл глаза, давая этому чему-то шанс. Полезно бывало опустошить сознание в поисках ускользающего воспоминания или мысли, а не пытаться их преследовать. Оно здесь, очень близко, на самом пороге сознания, как акула-людоед под поверхностью бушующего моря.

«НИН».

Он снова открыл глаза и обнаружил, что смотрит в пол. На полу отпечатки его окровавленных подошв и подошв убийцы. Но теперь он не думал о них – только о загадочном единственном слове, оставленном ему Джонни.

И тут его взгляд сосредоточился на одном из следов, нервы напряглись и зазвенели, как натянутая струна скрипки, к которой прикоснулся смычок. След подошвы с рисунком, напоминающим рыбу чешую.

«НИН», – прозвучало в сознании, и отчетливый отпечаток придал слову смысл, убедительно изменив его.

НИНЬ. Джонни пытался написать «Нинь»! Дэниэл обнаружил, что его охватил озноб; он дрожал от сделанного открытия. Посол Нинь, Нинь Чэнгун. Но как это возможно? И, однако, окровавленный отпечаток подтверждал невозможное. После того как Джонни застрелили, Нинь был здесь. Он солгал, сказав, что, когда уезжал...

Дэниэл оборвал мысль: еще одно воспоминание ударило его, словно стрела из само-стрела.

Кровь на отвороте синих хлопчатобумажных брюк, след спортивных туфель Чэнгуна и кровь, кровь Джонни. Наконец гнев нашел, на чем сосредоточиться, но теперь это был холодный, созидательный гнев. Дэниэл снова вложил кровавую записку в руку Джонни и сжал

пальцы, чтобы полиция смогла найти листок. Потом накрыл тело Джонни зеленой занавеской, прикрыв изуродованное лицо. Несколько секунд постоял над ним.

– Я доберусь до этого ублюдка и отомщу за тебя, старый друг. За тебя, за Мевис и за детей. Обещаю, Джонни. Клянусь памятью нашей дружбы.

Он схватил автомат, выбежал из офиса, спустился по ступеням веранды к «лендкрузеру», где ждал Джок.

За те несколько секунд, которые потребовались, чтобы добежать до машины, последние детали встали на место. Он вспомнил, как встревожился Чэнгун, когда подумал, что Дэниэл может остаться в лагере, вспомнил явное облегчение Чэнгуна, когда уезжал.

Он оглянулся на развалины склада и на заметные в грязи следы шин. Просто и изобретательно. Погоня пустится за бандой браконьеров, а кость тем временем вывезут за границы парка в грузовиках.

Дэниэл вспомнил неестественную угрюмость Гомо и второго лесничего, когда встретил их на дороге. Теперь она объяснилась. Они везли украденную слоновую кость. Неудивительно, что они странно вели себя.

Забираясь в кабину «лендкрузера» и приказав Джоку тоже садиться, Дэниэл взглянул на часы. Скоро десять, прошло почти четыре часа с тех пор, как они разминулись с грузовиками и «мерседесом» Чэнгуна на откосе. Можно ли их догнать, прежде чем они достигнут главного шоссе и исчезнут?

Он понимал теперь, что преступление тщательно спланировано и у преступников предусмотрены маршруты отхода и способы избавления от слоновой кости.

Он тронул «лендкрузер» с места и включил передачу. «Это вам так не сойдет, грязные ублюдки!»

Во многих местах недавний дождь размыл дорогу на откосе, проделав углубления по колено и обнажив камни размером с пушечные ядра.

Дэниэл так яростно вел машину по колдобинам, что Джок ухватился за ручку двери.

– Полегче, Дэнни. Черт возьми, ты нас угробишь! Что за спешка?

В нескольких словах Дэниэл объяснил ситуацию.

– Посла тебе не достать, – отрывисто проговорил Джок, словно прыгающая машина выбивала из него слова. – Парень, если ты ошибаешься, тебя распнут.

– Не ошибаюсь, – заверил Дэниэл. – Записка запиской, но я это нутром чую.

Потоки сбегали по склонам откоса, но, добравшись до дна долины, вода замедляла бег и начинала накапливаться. Всего несколько часов назад Дэниэл пересек сухое русло реки у подножия откоса туда и обратно. Теперь он остановил машину у переезда и в свете фар смотрел на поток.

– Тебе ни за что здесь не переправиться, – с тревогой сказал Джок.

Дэниэл, не выключая мотора, спрыгнул на землю. Грязи было по щиколотку. Он подбежал к краю безумного потока. Вода цвета кофе со сливками проносилась мимо, таща небольшие стволы деревьев и вырванные с корнем кусты. Поток достигал почти пятидесяти ярдов ширины.

Одно из растущих на краю деревьев, согнутое, нижними ветвями едва не касалось кипящей воды. Дэниэл ухватился за крупную ветку и опустился в воду. Он пошел поперек течения, и потребовалась вся сила рук, чтобы его не унесло.

Вода тянула со страшной силой, ноги то и дело отрывались от дна. Однако Дэниэл сумел добраться до самого глубокого места.

Здесь ему было по нижнее ребро. Ветвь, за которую он держался, трещала и изгибалась, как удилище, когда он возвращался на берег. Дэниэл выбрался из воды, которая потоками стекала с него.

– Пройдем, – сказал он Джоку, снова забираясь в кабину.

– Ты спятил! – взорвался Джок. – Я пас.

– Отлично! У тебя две секунды на то, чтобы выйти, – мрачно ответил Дэниэл и сбросил скорость, подключив привод на все колеса.

– Ты не можешь оставить меня здесь! – взвыл Джок. – Здесь львы. Что со мной будет?

– Это твоя проблема, напарник. Выходишь или остаешься?

– Ладно, валяй! Топи нас!

Джок капитулировал и ухватился за приборную доску.

Дэниэл свел «лендкрузер» по крутому откосу и въехал в мутную воду. Он продолжал ровное движение, и несколько мгновений спустя вода поднялась выше колес, но нос машины продолжал наклоняться: крутой спуск не кончился.

Вода ворвалась под капот, коснулась горячего металла и зашипела, поднялся столб пара.

Фары ушли под воду и превратились в два тусклых пятна под бурной поверхностью. Вода поднялась до ветрового стекла, и перед капотом возникла волна. Бензиновый двигатель захлебнулся бы и остановился, но мощный дизель продолжал упрямо толкать машину через поток. В кабину через дверцы начала сочиться вода.

– Ты сошел с ума! – кричал Джок, задирая ноги на приборную доску. – Я хочу домой, к маме!

Корпус «лендкрузера» начал раскачиваться; воздух, оставшийся в кабине, приподнимал машину; она ворочалась, теряя сцепление с дном.

– Боже мой! – закричал Джок, когда из темноты показалось огромное дерево и ринулось на них.

Дерево ударило машину в бок, разбив стекло, и развернуло ее. Их понесло вниз по течению, медленно вращая под тяжестью плывущего дерева. Когда они совершили полный оборот, смертоносная тяжесть дерева ушла.

Освободившись от нее, они поплыли свободно, но быстро погружались – воздух выходил из кабины. Вода продолжала проступать, и вскоре они уже сидели в ней по пояс.

– Я выйду! – крикнул Джок и всей тяжестью навалился на дверцу. – Не поддается!

Давление воды не позволяло открыть дверцу.

И тут Дэниэл неожиданно почувствовал, что колеса снова коснулись дна. Течение отнесло их в заводь и толкало к дальнему берегу. Двигатель продолжал работать. Модифицированный шланг, подающий воздух, и фильтр размещались на уровне крыши кабины. Дэниэл установил их таким образом именно на такой случай. На мелком месте колеса прочно встали на каменное дно и машина поехала к дальнему берегу.

– Давай, дорогая, – шептал Дэниэл. – Выноси.

И крепкая машина отзывалась. Она дрожала и подпрыгивала, силясь выбраться из воды. Из воды вдруг показались фары и озарили противоположный берег. Поток вынес их на отмель, и нос машины задрался круто вверх: начался подъем по крутому подъему.

Перед ними был низкий речной берег. Двигатель ревел, «лендкрузер» скользил, поворачивался и пятился, яростно цепляясь за мелкие кусты, уцелевшие в наводнении и оставляя глубокие борозды в мягкой земле; наконец ведущие колеса получили прочную опору и швырнули машину вперед из воды. Из ее корпуса, как из вынырнувшей подводной лодки, потоками выливалась вода, а мощный двигатель торжествующе ревел; они углублялись в лес mopани.

– Я жив, – прошептал Джок. – Аллилуйя!

Дэниэл повел машину параллельно берегу, виляя, чтобы проезжать между стволами, пока они снова не оказались на обочине дороги.

Дэниэл увеличил скорость. Они двинулись к повороту у прудов Маны.

– Много еще таких переправ? – со страхом спросил Джок.

Впервые после смерти Джонни Дэниэл улыбнулся, но его улыбка была мрачной.

– Всего четыре или пять, – ответил он. – Просто воскресная прогулка. Тут и думать не о чем.

Он посмотрел на часы. Чэнгун и грузовики опережают их часа на четыре. Должно быть, они переправились через брод еще до того, как потоки воды с откоса затопили его. Дождь размыл землю под деревьями мопани, как теплый шоколад.

Эта черная почва славится тем, что в дождь способна превратиться в болото и остановить любую машину. «Лендкрузер» разворачивался, натужно гудел и оставлял за вращающимися колесами глубокие рытвины.

– Следующая река, – предупредил Дэниэл, когда наклон дороги изменился и по обеим сторонам показались прибрежные кусты. – Надевай свой спасательный жилет.

– Я не вынесу еще одну такую переправу. – Джок повернул к нему бледное в свете приборных огоньков лицо. – Я пообещал десять раз прочесть молитву Богородице и пятьдесят раз «Отче наш».

– Цена верная, переправа будет легкой, – заверил его Дэниэл, когда фары озарили брод. В Африке уровень воды падает так же неожиданно, как поднимается.

Дождь прекратился почти два часа назад, и дно долины уже почти высохло. На противоположном берегу отметки высшего подъема воды виднелись почти в шести футах над нынешней ее поверхностью, показывая, как быстро она убывала. На этот раз «лендкрузер» преодолел реку без всяких затруднений. Вода даже не покрыла фары, прежде чем машина торжествующе выбралась на противоположный берег.

– Такова сила молитвы, – сказал Дэниэл. – Продолжай в том же духе, Джок. Мы еще сделаем из тебя верующего.

Следующая река оказалась еще мельче, вода доходила всего лишь до верха колес, и Дэниэл даже не потрудился поменять сцепление. Сорок минут спустя он остановил машину у бунгало хранителя лагеря у прудов Маны.

Пока Джок жал на клаксон, подавая громкий сигнал, Дэниэл кулаками стучал в дверь хранителя.

Хранитель вышел на веранду в одних подштанниках.

– Кто там? – спросил он на языке шана. – Какого дьявола вам нужно?

Это был высокий, мускулистый сорокалетний мужчина по имени Исаак Мтветве.

– Исаак, это я, – отозвался Дэниэл. – У нас большие неприятности, парень. Пошевеливайся. Придется поработать.

– Дэниэл? – Исаак заслонял глаза от яркого света фар «лендкрузера». – Это ты, Дэниэл? – Он осветил факелом лицо Дэниэла. – В чем дело? Что случилось?

Дэниэл ответил на беглом шана:

– Большая банда вооруженных браконьеров напала на лагерь Чивеве. Убили Джонни Нзу, его семью и весь штат лагеря.

– Милостивый боже! – Исаак окончательно проснулся.

– Я думаю, они с того берега Замбези, – продолжал Дэниэл. – Думаю, они попробуют перейти Замбези в двадцати милях отсюда ниже по течению. Тебе нужно поднять твою группу и перехватить их.

Дэниэл быстро передал другую собранную им информацию: примерную величину банды, вооружение, время, когда они покинули Чивеве, и их предполагаемый маршрут. Потом спросил:

– Здесь не проезжали грузовики из Чивеве в Хараре?

– Примерно в восемь часов, – подтвердил Исаак. – Едва успели доехать до наводнения. С ними был гражданский, китаец в синем «мерседесе». Один из грузовиков тащил его на буксире. «Мерседес» в такую грязь не лучшая машина. – Исаак одевался. – А ты что собираешься делать,

Дэнни? Я знаю, Джонни Нзу был твоим другом. Если пойдешь с нами, сможешь подстрелить этих свиней.

Хотя в буше они воевали на разных сторонах, Исаак хорошо знал репутацию Дэниэла.

Но Дэниэл покачал головой.

– Поеду за грузовиками и «мерседесом».

– Не понимаю.

Исаак бросил шнуровать ботинки и поднял голову. Его голос звучал удивленно.

– Сейчас не могу объяснить, но это тоже часть убийства Джонни. Поверь. – Пока у него нет доказательств, Дэниэл не может рассказывать об украденной кости и о китайском после. – Поверь, – повторил он, и Исаак кивнул.

– Ладно, Дэнни. Я не дам этим свиньям-убийцам уйти за реку, – пообещал он. – А ты езжай. Делай то, что должен.

Дэниэл оставил Исаака на берегу Замбези. Тот собирал и грузил на борт двадцатифутового катера свой отряд. На корме был установлен большой, в девяносто лошадиных сил мотор «ямаха». Как и его экипаж, катер – ветеран войны в буше.

Дэниэл уехал в ночь, на запад, по следам грузовиков, тянувшихся вдоль берега Замбези. Теперь колеса грузовиков оставляли во влажной почве еще более глубокие колеи. В свете фар они выглядели такими свежими, словно их проложили несколько минут назад.

Очевидно, они оставлены до дождя. Рисунок шин легко различим на поверхности дороги. Один из грузовиков все еще тащит на буксире «мерседес».

Дэниэл различал места, где буксирный трос касался земли. Буксировка должна их сильно тормозить, с удовлетворением подумал Дэниэл. Должно быть, он быстро нагоняет их. Он напряженно всматривался вперед, ожидая, что в темноте появятся красные задние огни «мерседеса»; протянув руку, он коснулся автомата «АК-47», стоящего между сиденьями.

Джок заметил этот жест и негромко предупредил:

– Не глупи, Дэнни. У тебя нет доказательств, парень. Нельзя только по подозрению разнести послу голову. Успокойся.

Похоже, они дальше от колонны, чем надеялся Дэниэл. Уже после полуночи они вышли на Большую Северную дорогу – шоссе с асфальтовым покрытием, которое севернее проходит по мосту Чирунду через Замбези, а южнее серпантинном поднимается на откос по пути к Хараре, столице Зимбабве.

На перекрестке дорог Дэниэл остановил машину. С фонарем в руке он вышел из кабины.

Скорее всего, колонна повернула к югу, к Хараре.

Невозможно провести два больших правительственных грузовика с дичиной и слоновой костью через таможенные посты, сначала зимбабвийский, потом замбийский, на границе этих стран, даже если раздавать огромные взятки.

И почти сразу Дэниэл нашел подтверждения этого вывода. В липкой черной грязи он увидел следы грузовиков и «мерседеса».

Они отчетливо отпечатались на гудроне шоссе. Постепенно, по мере того как высыхала и отваливалась глина, следы становились все менее заметными, но и милей дальше куски высохшей глины между колеями усеивали поверхность шоссе, как плитки шоколада.

– На юг, – сказал Дэниэл, снова садясь за руль. Они поехали на юг, с каждой минутой сокращая разрыв. Дэниэл быстро вел машину и непрерывно использовал повышающую передачу «Fairey overdrive». Стрелка спидометра коснулась отметки «90 миль», и тяжелые шины пронзительно взвизгнули на черном гудроне шоссе.

– Они не могли уйти далеко, – сказал Дэниэл. И тут же увидел впереди свет фар.

Он снова коснулся ствола автомата, и Джок нервно посмотрел на него.

– Бога ради, Дэнни. Я не хочу становиться соучастником кровавого убийства. Говорят, тюрьма в Чикубуру – совсем не пятизвездочный отель.

Свет приближался, Дэниэл включил фары «лендкрузера» и тут же разочарованно охнул.

Он ожидал увидеть на дороге белый грузовик-рефрижератор. Но перед ним была незнакомая машина. Гигантский двадцатитонный грузовик «Мак», который тащил за собой большой восьмиколесный тягач. Корпуса грузовика и тягача были закрыты зеленым брезентом и прочно перевязаны канатами с крюками. Мощный грузовик стоял на обочине носом на север, в сторону моста Чирунду.

Три человека возились у тягача, обвязывая его дополнительными тросами. Они застыли в свете фар и смотрели на приближающийся «лендкрузер».

Два черных африканца в поблекших комбинезонах и третий – почтенная фигура в костюме-сафари цвета хаки. Смуглая кожа, борода, какой-то белый головной убор. Только подъехав ближе, Дэниэл понял, что это тюрбан, а человек – сикх. Борода его тщательно убрана в тюрбан и прикрыта его складками.

Когда Дэниэл начал тормозить и остановился перед грузовиком, сикх что-то резко сказал африканцам.

Все трое торопливо прошли к кабине грузовика и забрались внутрь.

– Минутку! – крикнул Дэниэл и выскочил из «лендкрузера». – Надо поговорить. – Сикх уже сидел за рулем. – Подождите! – настойчиво крикнул Дэниэл, поравнявшись с кабиной.

Теперь сикх был в пяти футах над ним. Высунувшись из окна, он посмотрел на Дэниэла.

– Да, в чем дело?

– Простите за беспокойство, – сказал ему Дэниэл. – Вы случайно не встречали по дороге два белых грузовика? – Сикх, не отвечая, продолжал смотреть на него, и Дэниэл добавил: – Очень большие грузовики, вы не могли их не заметить. Они движутся колонной. С ними мог быть синий «мерседес»-салон.

Сикх втянул голову в кабину и что-то сказал африканцам на диалекте, которого Дэниэл не знал. Нетерпеливо ожидая, он заметил на дверце кабины логотип компании.

«ИМПОРТ И ЭКСПОРТ ЧЕТТИ СИНГА, КОМПАНИЯ С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ, АБОНЕНТСКИЙ ЯЩИК 52, ЛИЛОНГВЕ, МАЛАВИ».

Малави – небольшое независимое государство, расположенное между тремя гораздо большими странами, Замбией, Танзанией и Мозамбиком. Это страна гор, рек и озер, где население процветает под властью восьмидесятилетнего диктатора Хастингса Банды точно так же, как население остальных нищих африканских стран с режимами тирании.

– Мистер Синг, я очень тороплюсь, – сказал Дэниэл. – Пожалуйста, ответьте, видели ли вы эти грузовики.

Сикх в тревоге снова высунул голову в окно.

– Откуда вы знаете мое имя? – спросил он, и Дэниэл показал на надпись на дверце.

– Ха! Вы очень наблюдательны и образованны. – Сикху явно полегчало. – Да, мои люди напомнили мне, что час назад мы проехали мимо этих грузовиков. Они направлялись на юг. «Мерседес» с ними мы не видели. Я абсолютно уверен. Никакого «мерседеса». Решительно. – Он завел мотор грузовика. – Счастлив был вам помочь. Я тоже очень тороплюсь. Надо возвращаться домой в Лилонгве. Прощайте, мой друг, пусть ваше путешествие будет безопасным и окончится благополучно.

Он жизнерадостно помахал рукой и повел грузовик вперед.

Что-то в его небрежной манере показалось Дэниэлу фальшивым. Когда тяжело груженный грузовик проезжал мимо, Дэниэл ухватился за стальную перекладину, подтянулся и встал на подножку под задним бортом тягача. Фары «лендкрузера» давали достаточно света, чтобы заглянуть между перекладинами корпуса под край брезента.

Тягач как будто загружен джутовыми мешками. Дэниэлу видна была надпись на одном мешке «Сушеная рыба. Произведено в...». Страна-производитель оставалась неизвестной. Нос Дэниэла подтверждал, что в мешке рыба. Запах полусгнившей рыбы был сильным и определенным.

Грузовик быстро набирал скорость, Дэниэл прыгнул и, когда коснулся земли, по инерции побежал вперед. Он пробежал еще с десяток шагов, остановился и посмотрел вслед удаляющимся габаритным огням.

Чутье предупреждало: дело нечисто, от него разит гнилью, как от мешков с рыбой в кузове уходящего тягача, но что он может сделать? Он старался рассуждать здраво. Его главной заботой по-прежнему остаются колонна грузовиков и «мерседес» Ниня, которые направляются на юг, а сикх и его грузовик «Мак» громыхали в противоположном направлении.

Он не может последовать за обоими, даже если бы удалось доказать связь между ними, чего он тоже не может. «Четти Синг», – повторил он, запоминая имя и адрес почтового ящика. И побежал туда, где в «лендкрузере» ждал Джок.

– Кто это был? Что он сказал? – спросил Джок.

– Грузовики видели час назад, они ехали на юг. Мы едем за ними.

Он съехал с обочины и на предельной скорости повел машину на юг.

Дорога начала подниматься на холмы, переходящие в высокое центральное плато, и «лендкрузер» постепенно терял скорость; тем не менее они делали больше семидесяти миль в час.

Со встречи с Четти Сингом Джок молчал, но лицо его в свете огней приборной доски было напряженным и нервным. Он искоса поглядывал на Дэниэла, словно собирался возразить, но потом передумал.

Поднимаясь на холмы, дорога делала множество некрутых поворотов. За очередным таким поворотом дорогу им внезапно перегородил белый грузовик. Он шел вдвое медленнее «лендкрузера», и его дизель плевался черным дымом; грузовик на малой скорости тяжело поднимался на откос. Водитель держался середины дороги, не оставляя Дэниэлу места для обгона.

Дэниэл посигналил и замигал фарами, но грузовик не уступал.

– Подвинься, сволочь! – крикнул Дэниэл и снова нажал на сигнал.

– Спокойней, Дэниэл, – взмолился Джок. – Мы перевернемся. Успокойся.

Дэниэл увел «лендкрузер» на самый край дороги и снова погудел. Теперь он видел боковое зеркало грузовика и в нем лицо водителя.

Это был Гомо. Он видел Дэниэла в зеркале, но не пытался пропустить его. На лице Гомо была смесь страха и ярости, вины и негодования. Он сознательно преграждал дорогу, подавая грузовик то в одну сторону, то в другую, когда Дэниэл пытался обойти его.

– Он знает, что это мы, – сердито сказал Дэниэл Джоку. – Знает, что мы были в Чивеве и видели там эту бойню. Знает, что мы его подозреваем, и старается задержать нас.

– Послушай, Дэнни. Ты все это выдумал. Его поведению может быть десяток объяснений. Не хочу принимать участие в этом сумасшествии.

– Слишком поздно, друг мой, – сказал ему Дэниэл. – Хочешь или нет, ты уже участвуешь в этом деле.

Дэниэл резко развернул «лендкрузер» обратно. На этот раз Гомо среагировал слишком медленно и не успел перекрыть дорогу. Дэниэл нажал на акселератор. «Лендкрузер» рванулся вперед и обошел борт грузовика сзади. Продолжая вдавливать акселератор в пол, Дэниэл поравнялся с кабиной грузовика и протиснулся в щель между стальным боком и краем дороги.

Только два колеса «лендкрузера» опирались на гудрон шоссе, два других вышли за край, разбрасывая гравий; машина едва не свалилась в глубокое ущелье реки Замбези.

– Дэнни, сумасшедший ублюдок! – в отчаянии закричал Джок. – Ты убьешь нас обоих! Хватит с меня этого дерьма, парень!

«Лендкрузер» ударился о бетонный столб с дорожным знаком, отражающим свет и предупреждающим об опасном повороте. Машина смахнула знак и опасно накренилась, но Дэниэл упрямо держался за руль, продолжая вести машину вдоль громыхающего грузовика.

Гомо с высоты своей кабины смотрел на «лендкрузер». Дэниэл высунулся в окно, поднял руку, оторвав ее от руля, и сделал повелительный знак, приказывая отвернуть в сторону и остановиться.

Гомо кивнул и послушался, повернув машину налево и открывая «лендкрузеру» проход.

– Вот так-то лучше, – сказал Дэниэл и протиснулся в щель, которую открыл для него Гомо. Он ослабил бдительность и попал в западню. Две машины продолжали двигаться бок о бок, и Гомо вдруг резко повернул руль в другую сторону. Прежде чем Дэниэл успел отреагировать, грузовик ударил «лендкрузер» в борт, и удар стали о сталь высек столб искр. Тяжелый грузовик отбросил меньшую машину с дороги.

Дэниэл пытался удержать руль, сопротивляясь удару, но распорки руля мелькали у него между пальцами, и на мгновение ему показалось, что он вывихнул большой палец левой руки. Боль охватила руку до самого локтя и лишила подвижности. Он отчаянно нажал на тормоза и позволил грузовику проехать вперед; под скрежет металла машины разъединились. «Лендкрузер» остановился, его переднее колесо повисло над пропастью.

Дэниэл прижал раненую руку, глаза его слезились от боли.

Постепенно он почувствовал, что к нему возвращаются силы, а с ними и гнев. К этому времени грузовик был в пятистах ярдах впереди и быстро уходил.

У «лендкрузера» привод на все колеса, и Дэниэл начал осторожно сдавать задним ходом. Опора была только у трех колес, но машина отошла от пропасти. На ее борту там, куда пришелся удар грузовика, блестели полосы.

– Ладно, – сердито сказал Дэниэл Джоку. – Тебе нужны еще доказательства? Это была намеренная попытка уничтожить нас. Сволочь Гомо виновен, чтоб я сдох.

Грузовик исчез из виду за следующим поворотом дороги, и Дэниэл бросил «лендкрузер» в погоню.

– Гомо не пропустит нас вперед, – сказал Дэниэл Джоку. – Придется забраться на грузовик и выволочь его оттуда.

– Не желаю больше участвовать в этом, – огрызнулся Джок. – Черт возьми, пусть этим занимается полиция!

Не обращая внимания на его возражения, Дэниэл гнал «лендкрузер» на предельной скорости. За поворотом они снова увидели грузовик, всего в нескольких сотнях ярдов впереди. Расстояние между ними быстро сокращалось.

Дэниэл разглядывал вторую машину. Царапины на борту не так заметны, как у «лендкрузера», и теперь, когда подъем стал не таким крутым – дорога приближалась к верху откоса, – Гомо прибавил ходу. Двустворчатые задние двери грузового отсека заперты на тяжелый вертикальный брус. Вокруг двери черная резиновая лента, обеспечивающая герметичность. С одной стороны стальная лестница ведет на плоскую крышу, где под фибергласовыми крышками вращаются вентиляторы холодильного оборудования.

– Поднимусь по этой лестнице, – сказал Дэниэл Джоку. – Как только я вылезу, пересаживайся на мое место и бери руль.

– Нет, не я, парень. Я тебе сказал, с меня достаточно. На меня не рассчитывай.

– Отлично. – Дэниэл даже не посмотрел на него. – Не бери руль. Пусть машина разобьется со мной и с тобой. Одним дураком в этом отвратительном мире станет меньше.

Дэниэл просчитывал скорость и расстояние двух сходящихся машин. Он открыл боковую дверцу. Защелка на двери была снята, чтобы не мешать фотографу делать снимки, и потому дверца сразу открылась и прижалась к капоту.

Ведя одной рукой, Дэниэл высунулся в дверцу.

– Давай-ка за руль! – крикнул Дэниэл Джоку.

Подтянулся на крышу, забыв о боли в большом пальце. В этот момент Гомо снова повернул грузовик, чтобы перекрыть дорогу «лендкрузеру».

Когда машины сблизилась, Дэниэл перепрыгнул через узкую щель. Ухватился за перекладину боковой лестницы, подтянулся и успел подтянуть нижнюю часть тела, прежде чем машины столкнулись.

В отраженном свете фар он успел заметить бледное, потное лицо Джока, сидевшего за рулем. Потом «лендкрузер» отстал и оказался за грузовиком. Джок вел его с трудом, замедляя ход на подъеме, и наконец остановил машину у края дороги.

Дэниэл, хватаясь за ступеньки руками, проворно, как обезьяна, взбирался по лестнице и вскоре оказался на крыше грузовика. Кожух вентилятора находился посередине крыши, а по всей ее длине проходил опорный поручень. Дэниэл по-пластунски продвигался вперед, прижимаясь животом и упрямо цепляясь за поручень, когда на поворотах центробежная сила грозила сбросить его с крыши.

Ему потребовалось целых пять минут, чтобы добраться до сочлененной с корпусом кабины водителя. Он был совершенно уверен, что Гомо не заметил его появления. Кузов грузового фургона закрывал его от водителя.

Дэниэл осторожно подполз к пассажирской стороне кабины. Под пассажирской дверью подножка, а прочное боковое зеркало даст надежную опору для рук. Остается только выяснить, закрыл ли Гомо из предосторожности пассажирскую дверцу. У него не было причин это делать, уговаривал себя Дэниэл, глядя вниз в лучах мощных фар грузовика.

Он подождал. Машина повернула влево. Теперь инерция прижмет его к кабине, а не отбросит в сторону.

Он спустился с крыши и ухватился за боковое зеркало. На мгновение ноги его повисли в пустоте, потом ударились о стальную подножку. Держась за зеркало, он висел лицом внутрь и смотрел в кабину.

Гомо повернул к нему удивленное лицо и что-то крикнул. Попытался дотянуться до ручки двери, но его отделяло от нее пассажирское сиденье; в это мгновение грузовик резко повернул, едва не слетев с дороги, и Гомо пришлось снова взяться за руль.

Дэниэл рывком распахнул дверцу и забрался в кабину, растянувшись на сиденье. Гомо ударил его в лицо.

Кулак пришелся Дэниэлу под левый глаз; удар на мгновение ошеломил его, потом Дэниэл ухватился за ручку вакуумного тормоза и что было сил потянул ее.

Огромные колеса грузовика заклинило одновременно, и, выбросив столб синего выхлопного дыма, под скрежет горячей резины грузовик затормозил и качнулся назад. Гомо бросило вперед на ветровое стекло.

Грудью он ударился о руль, лбом – о ветровое стекло с такой силой, что на стекле появились трещины. Следующий резкий поворот машины швырнул его назад, и он почти без чувств опустился на сиденье. Дэниэл потянулся мимо него и перехватил руль. И держал грузовик, не позволяя ему вилять, пока машина не остановилась, повиснув двумя колесами над кюветом.

Дэниэл выключил зажигание и, потянувшись через Гомо, открыл дверцу. Схватил Гомо за плечо и грубо вытолкнул из кабины. Гомо упал с высоты в шесть футов и опустился на колени.

Посреди лба, там, где он ударился о ветровое стекло, взбухла шишка размером со зрелый инжир.

Дэниэл прыгнул следом и наклонился, схватив Гомо за воротник форменной куртки.

– Ладно. – Он закрутил воротник, превращая его в удавку. – Ты убил Джонни Нзу и его семью.

Лицо Гомо в обманчивом отраженном свете фар разбухло и стало пурпурным.

– Пожалуйста, доктор. Я не понимаю. Зачем вы так?

Он задыхался, потому что Дэниэл продолжал душить его.

– Лжешь, сволочь, ты виноват...

Гомо сунул руку под рубашку. На поясе на кожаном ремне висел нож для свежевания. Дэниэл слышал, как щелкнул разрезанный пристежной ремень, и заметил блеск показавшегося из ножен ножа.

Гомо сделал выпад, но Дэниэл выпустил воротник его рубашки и отскочил. Едва успел: нож задел складку его рубашки и разрезал ее, как бритва. Почувствовал жжение: нож оставил мелкую царапину около ребер.

Гомо вскочил с ножом в руке.

– Я тебя убью, – предупредил он, мотая головой, чтобы прояснить ее, и размахивая ножом в типичной стойке бойца, целясь Дэниэлу в живот. – Убью, белый пожиратель дерьма.

Он сделал ложный выпад и ударил сбоку; Дэниэл едва успел отскочить. Лезвие просвистело в дюйме от его живота.

– Да! – засмеялся Гомо. – Прыгай, белый бабуин. Беги, маленькая белая обезьяна!

Он снова сделал выпад, заставляя Дэниэла отступать, потом бросился вперед в яростной атаке, и Дэниэлу пришлось отскакивать, чтобы не попасть под нож.

Гомо сменил угол ударов, он пригнулся, пытаясь добраться до бедра Дэниэла и искалечить его, но в то же время закрывая нож, так что Дэниэл не мог перехватить его запястье.

Отступая, Дэниэл сделал вид, что споткнулся на неровной поверхности. Он опустился на колени и уперся левой рукой в землю, чтобы сохранить равновесие.

– Да!

Гомо решил, что возможность наконец представилась, и ринулся закончить бой, но Дэниэл подхватил горсть щебенки и бросил в лицо надвигающегося противника.

Старый трюк бойцов на ножах, но Гомо купился. Щебень ударил его по глазам и горлу.

Он невольно вскинул руки, защищая лицо; тогда Дэниэл схватил руку, державшую нож, и вывернул ее.

Теперь они прижимались грудь к груди, а нож держали высоко над головой в вытянутых руках. Дэниэл ударил Гомо головой в лицо и попал в переносицу и лоб. Гомо ахнул, отпрянул, и Дэниэл правым коленом ударил его в пах, точно в гениталии.

На этот раз Гомо закричал, и его правая рука потеряла силу.

Дэниэл дернул ее вниз и ударил сжатую кисть о борт грузовика. Нервы не управляли пальцами, нож выскочил из них, Дэниэл зацепил Гомо ногой за ногу и толкнул. Тот рухнул в дренажную канаву у дороги.

Прежде чем Гомо смог подняться, Дэниэл подобрал его нож и остановился над Гомо. Он прижал острие ножа под подбородком Гомо и проколол мягкую кожу на горле; на стальном лезвии, как яркий рубинкабошон, повисла единственная капля крови.

– Не шевелись, – прохрипел он, – иначе я вспорю тебе живот, ублюдок. У тебя в грузовике слоновая кость, – обвиняюще произнес он. – Давай взглянем на нее, друг мой.

– Нет, – прошептал Гомо. – Нет слоновой кости. Не знаю, чего ты хочешь. Ты сошел с ума.

– Где ключи от фургона? – спросил Дэниэл, и Гомо показал глазами, не шевеля головой.

– В кармане.

– Медленно повернись, – приказал Дэниэл. – Лицом к грузовику.

Гомо повиновался. Дэниэл сзади сдавил ему горло и толкнул вперед, Гомо ударился о стальной борт шишкой на лбу и закричал от боли.

– Дай мне предлог, – прошептал ему на ухо Дэниэл. – Звук твоего свинячьего визга – сладкая музыка.

Он прижал нож к спине Гомо на уровне почек, достаточно крепко, чтобы Гомо почувствовал его сквозь одежду.

– Достань ключи.

Он уколол чуть сильнее, и Гомо просунул руку в карман. Когда он доставал ключи, он звякнули.

По-прежнему держа лесничего за горло, Дэниэл заставил его пятиться к двери фургона.

– Открывай! – приказал он. Гомо вставил ключ, и механизм легко открылся.

– Хорошо, теперь сними с пояса наручники, – распорядился Дэниэл.

Стальные наручники – обязательное снаряжение лесничих, занятых борьбой с браконьерами.

– Защелкни наручники на правом запястье, – сказал Дэниэл. – И дай мне ключ.

Рукой со свисающим наручником Гомо через плечо протянул ему ключ. Дэниэл сунул его в карман и застегнул наручник на второй руке Гомо, продев цепочку через стальную стойку.

Теперь Гомо был надежно прикован к грузовику. Дэниэл выпустил его горло и повернул ручку двустворчатой двери фургона.

Потом распахнул створки. Изнутри рефрижератора потянуло ледяным холодом, остро запахло слоновым мясом. Внутри было темно, но Дэниэл поднялся в фургон и поискал выключатель. Лампы под потолком ожили и залили помещение холодным голубым светом. С крюков балки, проходящей вдоль всего фургона, свисали куски туш с полосками белого жира. Тонны мяса, набитого в кузов так тесно, что Дэниэл видел только первый ряд туш. Он опустился на колени и заглянул в узкое пространство под ними. Стальной пол в пятнах крови, но и только.

Дэниэл внезапно почувствовал отчаяние. Он ожидал увидеть под тушами груды слоновьих бивней. Поднявшись, он стал протискиваться глубже. От холода у него перехватило дыхание, а случайные прикосновения к замороженному мясу вызывали отвращение, но он упрямо пробирался в глубину холодильника, полный решимости выяснить, куда спрятали кость.

Десять минут спустя он сдался. В большом помещении не было места, куда можно было бы спрятать массивный груз. Дэниэл спрыгнул на землю. Одежда его испачкалась от соприкосновений с сырым мясом. На четвереньках он заполз под шасси в поисках тайного хранилища.

Когда он выбрался, Гомо радостно сказал:

– Нет кости. Я тебе говорил, нет кости. Ты напал на правительственного служащего. Ты побил меня. У тебя будет много неприятностей, белый.

– Мы еще не закончили, – обнадежил Дэниэл. – И не закончим, пока ты не споешь мне маленькую песню – песню о том, куда вы с китайцем дели кость.

– Нет кости, – повторил Гомо, но Дэниэл схватил его за плечо и развернул лицом к борту грузовика. Одним ловким движением он отцепил наручники от стойки, завел руки Гомо за спину и защелкнул там замок.

– Ладно, братец, – мрачно сказал он. – Пойдем туда, где немного светлее.

Он поднял скованные руки Гомо выше лопаток и так отвел его к капоту грузовика. Приковал к переднему бамперу между фарами. Обе руки Гомо были скованы за спиной. Он был беспомощен.

– Джонни Нзу был моим другом, – тихо сказал ему Дэниэл. – Ты изнасиловал его жену и маленьких дочерей. Ты разбил голову его сыну, ударив его о стену. Ты застрелил Джонни...

– Это не я! Я ничего не знаю! – закричал Гомо. – Я никого не убивал. Нет кости, нет убийств.

Дэниэл негромко продолжал, словно Гомо его не перебивал:

– Поверь, то, что я сейчас буду делать, я буду делать с удовольствием. Всякий раз как ты закричишь, я буду думать о Джонни Нзу и радоваться.

– Я ничего не знаю. Ты рехнулся.

Дэниэл сунул нож за пояс брюк Гомо и разрезал его. Форменные оливково-зеленые брюки повисли на бедрах. Дэниэл выдернул пояс и сунул нож под верхнюю часть брюк.

– Сколько у тебя жен, Гомо? – спросил он. – Четыре? Пять? Сколько? – Он разрезал брюки Гомо, и те съехали на лодыжки. – Я думаю, твои жены хотели бы, чтобы ты рассказал мне о слоновой кости. Чтобы рассказал о Джонни Нзу и о том, как он умер.

Дэниэл потянул вниз эластичную резинку трусов Гомо.

– Посмотрим, что у тебя там. – Он холодно улыбнулся. – Пожалуй, твои жены будут очень недовольны, Гомо. – Он взялся за полы рубашки и рванул их в стороны с такой силой, что пуговицы отлетели и брызнули в темноту, куда не доставали лучи фар. Полы рубашки Дэниэл забросил Гомо на плечи, обнажив его от горла до колен. Грудь и живот Гомо густо поросли черными волосами.

Внизу живота, в гнезде пушистых волос висели массивные гениталии.

– Спой мне песенку про кость и мистера Ниня, – потребовал Дэниэл, острием ножа подцепил член Гомо и вытащил его из волос.

Гомо ахнул и попытался отстраниться от холодного металла, но спиной уперся в решетку радиатора и замер.

– Говори, Гомо, пусть только для того, чтобы попроситься со своим матондо.

– Ты сумасшедший, – ахнул Гомо. – Я не знаю, чего ты хочешь.

– Хочу отрезать этот твой корень, – ответил Дэниэл. Толстый ствол плоти лежал на сверкающем лезвии. В складках, с головкой, закрытой колпачком, он походил на хобот новорожденного слоненка. – Я хочу отрезать это, Гомо, и чтобы ты на прощание поцеловал его.

– Я не убивал Джонни Нзу. – Голос Гомо дрожал. – Это не я.

– А жена и дочери, Гомо? Ты играл с ними этим своим толстым, уродливым стержнем?

– Нет, нет! Сумасшедший, я этого не делал!

– Давай, Гомо. Мне достаточно только повернуть нож, вот так.

Дэниэл медленно повернул запястье, поставив лезвие острием вверх. Член свесился с него, тонкая кожа разошлась. Всего-навсего царапина, но Гомо закричал.

– Стой! – взмолился он. – Я скажу. Да, я все скажу. Я знаю. Стой, пожалуйста, остановись!

– Это хорошо, – подбодрил его Дэниэл. – Расскажи о Четти Синге...

Он уверенно произнес это имя. Конечно, блеф, но Гомо повелся.

– Да, я расскажу тебе о нем, если ты меня не порежешь. Не режь меня!

– Армстронг!

Голос заставил Дэниэла вздрогнуть. Он не слышал, как подъехал «лендкрузер». Должно быть, это произошло, когда он обыскивал фургон грузовика, но теперь Джок стоял у границы пространства, освещенного фарами.

– Оставь его, Армстронг. – Голос Джок звучал резко и решительно. – Отойди от этого человека, – приказал он.

– Не вмешивайся! – рявкнул Дэниэл, но Джок подошел ближе, и Дэниэл с удивлением увидел, что он вооружен автоматом. И держит оружие уверенно и привычно.

– Оставь его, – приказал Джок. – Перебор.

– Этот человек преступник и убийца, – возразил Дэниэл, но под угрозой автомата вынужден был сделать шаг назад. Джок целился ему в живот.

– У тебя нет доказательств. Слоновой кости нет, – сказал он. – У тебя ничего нет.

– Этот человек признается, – сердито сказал Дэниэл. – Если ты не будешь встречать...

– Ты пытаешь его, – так же сердито ответил Джок. – Конечно, он признается, раз ты держишь нож у его яиц. У него есть права, и ты не можешь их нарушать. Сними с него наручники и отпусти.

– Слабак! – огрызнулся Дэниэл. – Эта скотина...

– Это человек, – возразил Джок. – И я обязан остановить тебя, иначе вина будет не только твоя, но и моя. А я не хочу провести следующие десять лет в тюрьме. Отпусти его.

– Сначала он признается, или я отрежу ему яйца.

Дэниэл схватил в руку гениталии Гомо и потянул. Кожа и плоть натянулись, как черная резина, и Дэниэл угрожающе поднес к ним нож.

Гомо закричал, а Джок поднял автомат и выстрелил. Он целился на фут выше головы Дэниэла. Залп взъерошил черные, пропитанные потом волосы Дэниэла и заставил его отшатнуться, зажав уши.

– Я тебя предупредил, Дэниэл. – Джок мрачно улыбнулся. – Дай ключи от наручников.

Дэниэл был ошеломлен выстрелом, и Джок выстрелил снова. Пуля вспахала гравий между ног Дэниэла.

– Я говорю серьезно, Дэнни. Клянусь. Я убью тебя раньше, чем ты окончательно втянешь меня в это дело.

– Ты видел Джонни...

Дэниэл покачал головой, держась за уши: выстрел оглушил его.

– А еще видел, как ты угрожал кастрировать этого человека. Хватит. Давай ключи, или следующую пулю получишь в коленную чашечку. – Дэниэл видел, что он говорит серьезно, и неохотно бросил ему ключи. – Хорошо, теперь отойди.

Продолжая целиться Дэниэлу в живот, он расстегнул наручники на запястьях Гомо и протянул ему ключи.

– Чертов идиот! – раздраженно бранился Дэниэл. – Еще минута, и я бы его дожал. Узнал бы, кто убил Джонни и куда делась слоновая кость.

Гомо расстегнул второй наручник и быстро подтянул брюки и запахнул рубашку. Теперь, когда он был без наручников и одет, к нему вернулась храбрость.

– Он порет чушь! – Говорил он громко и вызывающе. – Я ничего не знаю о Нзу. Он был жив, когда мы выехали из Чивеве...

– Хорошо, хорошо. Расскажешь все это полиции, – остановил Гомо Джок. – Я отвезу тебя на грузовике в Хараре. Принеси из «лендкрузера» мою камеру и сумку. Они на переднем сиденье.

Гомо побежал туда, где стоял «лендкрузер».

– Послушай, Джок, дай мне еще пять минут, – взмолился Дэниэл, но Джок наставил на него автомат.

– Первое, что я сделаю, добравшись в Хараре, – напишу полный отчет для полиции. Сообщи им все версии.

Вернулся Гомо с камерой «Сони» и холщовой походной сумкой Джока.

– Да, расскажи полиции, что видел, как этот спятивший дерьмояд отпиливал мне член! – кричал Гомо. – Расскажи, что кости нет!

– Забирайся в грузовик, – приказал ему Джок. – И заводи мотор.

Когда Гомо послушался, Джок повернулся к Дэниэлу.

– Прости, Дэнни. Ты теперь сам по себе. От меня помощи больше не жди. Если меня попросят, я дам показания против тебя. Мне нужно прикрывать собственную задницу, парень.

– Да, ты безнадежный слюнтяй, – кивнул Дэниэл. – Но если тебя так заботит справедливость, как насчет Джонни и Мевис?

– То, что ты делал, не имеет ничего общего со справедливостью. – Джок повысил голос, перекрикивая рев двигателя. – Ты пытаешься быть и шерифом, и полицейским, и палачом, Дэнни. Это не правосудие, а месть. И я не хочу иметь к этому отношения. Ты знаешь мой адрес. Можешь отправить туда деньги, которые мне должен. Пока, Дэнни. Жаль, что это закончилось так. – Он забрался на пассажирское место в кабине. – Не пытайся остановить нас. – Он помахал автоматом. – Я умею им пользоваться.

Джок захлопнул дверцу, и Гомо вывел машину на шоссе.

Дэниэл остался стоять в темноте, глядя на яркие самоцветы – хвостовые огни грузовика, – пока их не скрыл поворот дороги.

В ушах у него еще звенело от близкого выстрела. Его тошнило, голова кружилась. Слегка пошатываясь, пошел он туда, где Джок оставил «лендкрузер», и упал на водительское сиденье.

Очень долго его поддерживал гнев, злоба на Чэнгуна и его соучастников, на Гомо и больше всего – на Джока и его вмешательство. Но вот гнев медленно рассеялся, и Дэниэл начинал осознавать серьезность собственного положения. Он выдвинул обвинения, которые не может доказать; он повредил чужую собственность; он угрожал жизни правительственного служащего и оскорбил его, пусть и не причинил ему серьезного ущерба. Ему могут предъявить с полдюжины обвинений.

Потом он снова подумал о Джонни и его семье, и личная опасность потеряла всякое значение.

«Я был так близок к раскрытию аферы, – с горечью думал он. – Еще несколько минут с Гомо, и они были бы у меня в руках. Я почти взял их, Джонни».

Нужно было решить, что делать дальше, но голова болела и трудно было размышлять логично. Нет смысла гнаться за Гомо. Он теперь настороженный, и ему каким-то образом удалось избавиться от слоновой кости.

Но в каком еще направлении действовать? Конечно, остается Нинь Чэнгун. Он ключ ко всему заговору. Однако единственная нить, ведущая к нему, теперь, когда кость исчезла, – это загадочная записка Джонни и отпечаток, оставленный на месте убийства.

Есть еще Четти Синг. Гомо признался, что знаком с сикхом. Что он сказал, когда Дэниэл назвал это имя? «Да, я расскажу тебе о нем, если ты меня не порежешь».

И банда браконьеров. Дэниэл гадал, успел ли Исаак перехватить банду на реке Замбези и смог ли взять пленных. Таких угрызений совести, как у Джока, у Исаака не будет. Джонни был и его другом. Он сумеет заставить пленных говорить.

«Позвоню на пруды Маны с полицейского поста в Чирунду», – решил Дэниэл, и «ленд-крузер» тронулся. Он повернул на сто восемьдесят градусов и поехал назад, к откосу. Полицейский пост на мосту Чирунду ближе, чем в Карои. Нужно как можно быстрее заявить в полицию и убедиться, что следственная группа будет выслана немедленно. Следует предупредить полицию о записке Джонни и о следах в крови.

У Дэниэла по-прежнему болела голова. Он на несколько минут остановил «лендкрузер», отыскал в аптечке флакон с таблетками панадола и запил их кофе из термоса.

И пока ехал, боль стихла и мысли начали приходить в порядок.

Было почти четыре утра, когда он доехал до моста Чирунду. На полицейском посту дежурил только один капрал. Сложив руки перед собой на столе, опустив на них голову, он спал так крепко, что Дэниэлу пришлось сильно его трясти. Когда капрал поднял голову, он не понимая смотрел на Дэниэла налитыми кровью глазами.

– Хочу сообщить об убийстве. О нескольких убийствах.

Дэниэл с трудом начал запуск официальной машины.

Капрал не знал, что делать, и Дэниэл послал его за начальником поста, который спал в рондавеле за полицейским участком. Наконец появился сержант в полной форме – ремень, портупья, кепи, – но тоже полусонный.

– Позвоните в Хараре, в отдел расследования убийств, – понукивал Дэниэл. – Пусть вышлют группу в Чивеве.

– Сначала напишите заявление, – настаивал сержант.

В участке в далекой провинции не было даже пишущей машинки. Сержант стал корявым почерком записывать его показания. Каждую букву он произносил отдельно, шевеля губами. Дэниэлу хотелось отобрать у него ручку и писать самому.

– Черт возьми, сержант. Там лежат мертвые. И пока мы здесь сидим, убийцы уходят.

Сержант продолжал невозмутимо записывать его показания; Дэниэл исправлял ошибки и раздраженно ерзал.

Однако темп диктовки позволил ему тщательно сформулировать, что он хочет сказать. Он составил расписание событий предыдущего дня: время, когда он выехал из Чивеве и попрощался с Джонни Нзу; время, когда он нашел на дороге следы банды грабителей и решил повернуть в лагерь и предупредить; время, когда он встретил на дороге рефрижераторы и «мерседес» посла.

Он пересказал свой разговор с послом Нинем и задумался, упоминать ли о пятнах крови, которые он заметил на синих брюках. Это прозвучит как обвинение.

«К дьяволу протокол!» – решил он и подробно описал синие спортивные брюки и спортивную обувь с подошвой с рисунком рыбьей чешуи. Теперь им придется это расследовать. Он испытывал мрачное удовлетворение, описывая возвращение в Чивеве и обнаруженную там бойню.

Он обратил особое внимание на записку в руке Джонни и рисунок следа подошвы в крови на полу кабинета, не указывая на связь с тайваньским послом. Пусть выводы делают сами.

Но он столкнулся с большими трудностями, описывая преследование «мерседеса» и грузовиков-холодильников. Нужно было указать причину, не создавая почвы для обвинений в свой адрес или не выразив свои подозрения относительно Ниня Чэнгуна слишком определенно.

– Я поехал за колонной, чтобы спросить, не знают ли там чего-нибудь об исчезнувшей слоновой кости, – продиктовал он. – Хотя догнать посла Ниня и первый грузовик я не смог, я разговаривал с лесничим Гомо, которого встретил на дороге в Карои и который вел второй грузовик. Он сказал, что ничего не знает об этих событиях, и позволил осмотреть его машину. Слоновую кость я не нашел.

Ему очень не хотелось признавать это, но нужно было как-то защититься от обвинений, которые может выдвинуть против него Гомо.

– Потом я решил, что мой долг – связаться с ближайшим полицейским участком и сообщить о гибели хранителя Чивеве, его семьи и сотрудников, а также о сожженных домах и другой уничтоженной собственности.

Много позже рассвета Дэниэл наконец смог подписать свои записанные от руки показания, и только тогда сержант позвонил по телефону в отдел расследования убийств в Хараре.

Последовал ряд длительных переговоров сержанта со все более старшими чинами полиции в Хараре: один отсылал его к другому. Африка, что поделаешь, и Дэниэл стиснул зубы.

«АСП», – сказал он себе. «Африка снова побеждает».

Наконец было решено, что сержант отправится в Чивеве на «лендровере» полицейского участка, а группа детективов вылетит из Хараре и приземлится на посадочной полосе парка.

– Мне вернуться с вами в Чивеве? – спросил Дэниэл, когда сержант завершил переговоры и начал готовиться к выезду.

Вопрос озадачил сержанта. Он не получил указаний, что делать со свидетелем.

– Оставьте адрес и номер телефона, чтобы мы могли с вами связаться, если потребуется, – решил он после долгих раздумий.

Освободившись, Дэниэл испытал облегчение. Со времени прибытия в полицейский участок в Чирунду у него было много часов, чтобы обдумать положение и составить планы действия на все возможные случаи.

Если Исаак Мтветве задержал хотя бы одного браконьера, это кратчайший путь к Ниню Чэнгуну... но нужно поговорить с Исааком до того, как тот передаст пленника полиции.

– Разрешите воспользоваться вашим телефоном, – попросил он полицейского капрала, как только начальник участка и группа вооруженных полицейских в зеленом «лендровере» выехали в Чивеве.

– Это служебный телефон, – покачал головой капрал. – Никаких посторонних звонков. Дэниэл достал голубую банкноту – десять зимбабвийских долларов – и положил перед ним на стол.

– Всего один местный звонок, – объяснил он, и банкнота чудесным образом исчезла. Капрал улыбнулся и махнул рукой в сторону аппарата. У Дэниэла появился новый друг.

Исаак Мтветве ответил на звонок почти сразу, как только была установлена связь с прудами Маны.

– Исаак! – облегченно воскликнул Дэниэл. – Когда вы вернулись?

– Только что зашел в офис, – ответил Исаак. – Мы вернулись десять минут назад. У меня один раненый. Нужно отправить его в больницу.

– Была драчка?

– Да, была. Ты верно, Дэнни, сказал – большая банда, плохие парни.

– Пленных взяли, Исаак? – нетерпеливо спросил Дэниэл. – Если захватили хотя бы парочку, все отлично.

* * *

Исаак Мтветве стоял у руля двадцатифутового катера; катер в ночи шел вниз по течению. Его лесничие сидели на палубе ниже планширя, кутаясь в куртки из козьей шкуры: на воде было холодно. Ветер раздувал речной туман.

Мотор катера время от времени чихал. Дважды Исааку приходилось ложиться в дрейф, прежде чем мотор оживал. Двигатель отчаянно нуждался в ремонте, а валюты на запасные части вечно не хватало. Но вот мотор снова заработал, и Исаак опять направил нос катера вниз по течению.

Над темными деревьями на берегу Замбези висел толстый лунный серп. Его света хватало, чтобы Исаак вел катер самым полным ходом. Хотя он прекрасно знал каждый поворот и каждый участок течения вплоть до Тете и границы с Мозамбиком, мели и каменные выступы даже ему не позволяли плыть в полной темноте. Лунный свет превращал полосы речного тумана в радужную жемчужную пыль и придавал открытой воде блеск полированного обсидиана. Мотор шумел приглушенно, шли они быстро, так что появиться должны внезапно. Мимо гиппопотамов, пасущихся у берега, они проплывали прежде, чем чудовищные животные обнаруживали их присутствие.

В панике бегемоты бросались по крутым, скользким берегам в воду и в фонтанах брызг уходили на глубину. Стаи диких уток, сидевших в заводях на спокойной воде, вели себя бдительнее.

Приближение катера вспугивало их и, поднявшись в воздух, они силуэтом рисовались на фоне луны.

Исаак точно знал, куда направляется. В свое время он воевал на стороне борцов за независимость и много раз пересекал эту реку, нападая на фермы белых и силы безопасности незаконного режима Яна Смита. Он знал все уловки браконьеров. Кое-кто из этих браконьеров прежде был его товарищем по оружию, но теперь они его новые враги. Он ненавидел их не меньше, чем когда-то «скаутов Селуса»⁶ или родезийскую легкую пехоту.

На участке между Чирунду и прудами Маны ширина Замбези составляет почти полмили. Чтобы пересечь могучий зеленый поток, грабителям нужны лодки. И они добывают их так же, как когда-то партизаны, – отбирают у местных рыбаков.

---

⁶ Особая часть армии Родезии, боровшаяся с террористами.

Странствующие рыбаки Замбези строят по ее берегам свои многочисленные деревни. Это деревни непостоянные: их жизнью управляют разливы Замбези. Когда река затопляет берега и заливаает обширные равнины, люди вынуждены переселяться на более высокие места.

К тому же люди следуют за косяками тилапии, тигровой рыбы и колючей зубатки – это их основной источник питания, поэтому каждые несколько месяцев они бросают примитивные хижины со стойками для копчения и кострами под ними и уходят, оставляя брошенное имущество гнить.

Одной из обязанностей Исаака было следить за этими перемещениями рыбаков, потому что их деятельность чрезвычайно сильно сказывалась на экологии реки. Он почуял в воздухе дым и зловоние гниющей рыбы и сбросил скорость. Катер медленно приближался к северному берегу. Если браконьеры пришли из Замбии, именно здесь они будут возвращаться.

Запах рыбы усилился, и по реке, смешиваясь с туманом, поплыли клочья дыма. На излучине берега показались четыре ветхие хижины с тростниковыми крышами, рядом с ними, вытянутые из воды, лежали четыре длинных каноэ.

Исаак направил катер к берегу и выпрыгнул, оставив одного из лесничих на берегу держать трос. На порог хижины выбралась старуха. На ней была только набедренная повязка из шкуры антилопы, пустые груди свешивались мешками.

– Я вижу тебя, старая матушка, – уважительно поздоровался Исаак. Он всегда старался поддерживать хорошие отношения с речными жителями.

– И я тебя вижу, сын мой, – ответила старуха; она засмеялась, и Исаак ощутил острый запах конопли. Люди племени батонка разминают коноплю, превращая ее в пасту, добавляют свежий коровий помет, скатывают шарики, высушивают на солнце и курят, закладывая в глиняные трубки с тростниковыми мундштуками.

Правительство выдает им на это специальное разрешение, чтобы поддержать традицию. Особенно распространена такая привычка среди старух племени.

– Все ли ваши мужчины в хижинах? – негромко спросил Исаак. – Все ли каноэ на берегу?

Прежде чем ответить, старуха высморкалась. Большим пальцем она зажала одну ноздрю, а из другой в огонь вылетел комок слизи. Остатки слизи с верхней губы она вытерла ладонью.

– Все мои сыновья и их жены спят в хижинах, и их дети с ними, – захихикала она.

– А ты не видела незнакомых людей с ружьями, которые хотели бы, чтобы вы переправили их на другой берег?

Женщина отрицательно покачала головой и почесалась.

– Мы не видели чужаков.

– Я тебя уважаю, старая матушка, – традиционно сказал Исаак и вложил в сморщенную руку пакетик сахара. – Оставайся с миром.

Он побежал к катеру. Как только он вскочил на борт, лесничий бросил трос и тоже сел в катер. Исаак включил двигатель.

Следующая деревня находилась в трех милях ниже по течению. Исаак снова сошел на берег. Он знал старосту этой деревни и нашел его сидящим в одиночестве у дымного костра, на котором сушили рыбу и который отгонял тучи жужжащих moskitov.

Двадцать лет назад крокодил откусил старосте ногу, но все равно этот человек оставался одним из самых искусных лодочников на реке.

Исаак поздоровался с ним, дал пачку сигарет и сел рядом с ним в облаке дыма.

– Ты сидишь один, Бабо? А почему не спишь? Тебя что-то тревожит?

Старика могли тревожить многие воспоминания. Он не торопился отвечать прямо.

– Вроде чужаков с ружьями, которые потребовали проезда в ваших каноэ? – спросил Исаак. – Вы дали им то, что они просили, Бабо?

Староста покачал головой.

– Один из детей увидел, как они идут по заливной равнине, прибежал и предупредил деревню. У нас было время спрятать каноэ в тростниках и убежать в буш.

– Сколько было людей? – подбадривал Исаак старика.

Тот дважды согнул пальцы на обеих руках.

– Это жестокие люди, с лицами львов, с ружьями, – прошептал он. – Мы испугались.

– Когда это было, Бабо?

– Вчера ночью, – ответил староста. – Не найдя на этой реке ни людей, ни каноэ, они рассердились. Они кричали друг на друга и размахивали ружьями, но потом ушли. – Он показал подбородком. – Ушли на восток, вниз по реке. А теперь я боюсь, что они вернуться. Поэтому и сижу один, когда вся деревня спит.

– А племя Мбепуры все еще живет в месте Красных Птиц? – спросил Исаак, и староста кивнул.

– Думаю, что эти жестокие люди пошли отсюда к деревне Мбепуры.

– Спасибо, дедушка.

Место Красных Птиц получило свое название из-за стай пчелоедов с карминной грудкой, которые именно там строили гнезда в крутом речном берегу. Деревня Мбепуры на северном берегу, напротив глиняного берега с колонией птиц.

Исаак приближался к Месту Красных Птиц бесшумно, позволив течению Замбези нести катер. Все лесничие были начеку. Они сбросили куртки из козьих шкур и сидели под планширем, держа оружие наготове.

Негромко кашлянул двигатель, Исаак подвел катер ближе к берегу.

Деревня Мбепуры представляла собой еще одно скопление жалких хижин у самого края воды. Хижины казались пустыми, костры для вяленья рыбы догорали. Исаак в свете луны заметил, что на мелком месте по-прежнему стоят причальные столбы для каноэ, однако самих каноэ не видно. Рыбаки не расстаются с лодками, это их самое ценное имущество.

Исаак позволил катеру спуститься по течению намного ниже по реке, прежде чем включил мотор и направился через полмили воды к противоположному, южному берегу Замбези. Если банда пересекла реку здесь, здесь же она и будет возвращаться.

Исаак проверил время, поворачивая светящийся циферблат своих часов, чтобы поймать лунный свет. Он подсчитал время пути до Чивеве, сопоставил с возможным маршрутом контрабандистов и сделал поправку на то, что они, вероятно, несут тяжелый груз награбленной слоновой кости.

Потом посмотрел на луну. Она уже бледнела, что предвещало скорый рассвет.

В течение следующих двух-трех часов можно в любую минуту ожидать возвращения бандитов из набега.

– Если бы найти, где они захватили каноэ, – прошептал он.

Он предполагал, что браконьеры конфисковали всю флотилию каноэ в деревне Мбепуры. Ему припомнилось, что, когда он был в этой деревне в прошлый раз, хрупких суденышек здесь было семь или восемь. Все они выдолблены из массивных стволов деревьев кугелия. Каждое каноэ способно перевезти на противоположный берег шесть-семь пассажиров.

Банда, вероятно, заставила местных рыбаков стать перевозчиками. Управление каноэ требует мастерства и опыта, ведь эти лодки хрупки и неустойчивы, особенно с тяжелым грузом. Исаак предполагал, что перевозчиков бандиты оставили под охраной на южном берегу, а сами ушли в Чивеве.

«Если найду каноэ, захвачу их всех», – решил Исаак.

Он повернул катер к южному берегу чуть ниже по течению от того места, где, по его представлениям, переправлялась банда.

Увидев вход в лагуну, Исаак направил острый нос катера в заросли папируса, которые перегораживали вход. Мотор он выключил; хватаясь за длинные, прочные стебли, лесничие подтягивали катер в гущу зарослей, а Исаак стоял на носу и веслом проверял глубину.

Как только стало достаточно мелко, Исаак и один из старших лесничих вброд отправились к берегу, оставив остальных охранять катер. На суше Исаак шепотом приказал лесничему идти вниз по реке в поисках вытасненных на берег каноэ или следов прохода большого отряда браконьеров.

Когда лесничий исчез, Исаак пошел в другую сторону, вверх по течению.

Он шел один, быстро и неслышно, двигаясь в речном тумане, как призрак.

Рассчитал он верно. Не пройдя и полмили, он почувствовал резкий запах дыма, слишком сильный и свежий, чтобы доноситься из селения на противоположном берегу широкой реки, а на этом берегу поселков не было, Исаак знал. Это уже территория национального парка.

Он бесшумно пошел в сторону источника запаха. Глиняный берег тут высок и крут, и здесь устраивают свои земляные гнезда пчелоеды. Однако сразу под тем местом, где стоял Исаак, линия берега разрывалась. Узкое ущелье, заросшее речным кустарником, создавало естественный причал для лодок.

Едва забрезживший рассвет давал достаточно света, чтобы Исаак разглядел внизу в ущелье лагерь. Каноэ вытащили на берег и спрятали в зарослях, чтобы их не было видно с реки. Семь каноэ, вся флотилия из деревни Мбепуры с противоположного берега.

Поблизости у двух небольших дымных костров лежали лодочники. Они закутались в кароссы из шкур животных, полностью закрыв головы, чтобы защититься от москитов, и походили на трупы в морге. У каждого костра сидел вооруженный автоматом «АК-47» браконьер, охраняя спящих и не давая им улизнуть к каноэ. «Дэнни все точно рассчитал, – сказал себе Исаак. – Они ждут возвращения отряда грабителей».

Он неслышно отполз от берега и пошел в глубь местности. Через двести ярдов он нашел протоптанную звериную тропу, отходившую от реки и направлявшуюся прямо на юг, к лагерю Чивеве.

Исаак шел по тропе, пока след отряда не углубился в мелкое пересохшее русло. Дно русла покрывал сахарно-белый песок, и даже в изменчивом свете зари легко было разглядеть следы людей. Большой отряд оставил в песке глубокие следы, но они выветрились, и их перекрыли отпечатки крупных и мелких животных. Двадцать четыре часа, не меньше, определил Исаак.

Это марш в сторону лагеря. Почти несомненно отряд пойдет обратно, к ждущим каноэ, тем же путем.

Исаак нашел удобный наблюдательный пункт, откуда был виден большой участок тропы, в то время как самого наблюдателя скрывали густые заросли кустов джесса. За спиной был безопасный путь отхода через мелкую донгу, густо заросшую высокой слоновой травой. Исаак устроился, приготовившись ждать. Быстро светало, и через несколько минут он получил возможность видеть всю протяженность извилистой звериной тропы, уходящей в глубину леса мопани.

Внизу две малиновки в донге завели свои громкие утренние трели; над головой пролетели первые стаи уток. Черный клин четко выделялся на фоне мандариново-голубого рассветного неба.

Исаак сидел в засаде. Невозможно было точно определить, сколько времени понадобится браконьерам, чтобы вернуться из Чивеве. Дэнни говорил, примерно часов десять. Если так, они могли появиться в любую минуту. Исаак снова посмотрел на часы.

Оценка Дэнни могла быть неточной. Исаак приготовился к долгому ожиданию. Во время войны ему приходилось целыми днями лежать в засаде, однажды пять дней кряду. И все это время они ели, спали и испражнялись, не вставая с места. Терпение – самое ценное качество охотника и солдата.

Вдали послышался хриплый лай бабуина – тревожный сигнал, которым эти злобные обезьяны предупреждают о появлении хищника.

Крик подхватили другие члены стаи, потом снова постепенно воцарилась тишина: либо опасность исчезла, либо бабуины ушли от нее подальше в глубь леса. Исаака нервничал. Он знал, что причиной лая бабуинов мог стать леопард, но точно так же они реагировали на появление отряда людей.

Пятнадцать минут спустя он услышал крик дикого турако-«уходи»⁷.

– Уходи! – вскрикнула птица. Еще один часовой буша возвещал о появлении опасности. Исаак не шелохнулся, но быстро заморгал, чтобы четче видеть.

Несколько минут спустя он уловил другую, менее заметную партию в оркестре джунглей. Это было шелканье медоуказчика. Звук подсказал Исааку, куда смотреть, и на верхней ветке дерева мопане далеко впереди он увидел маленькую незаметную птицу.

Птица порхала над звериной тропой, перелетала от дерева к дереву и манила криком. Если пойти на эти призывы, птица приведет медоеда или человека к улью диких пчел. А пока улей грабят, птица будет держаться поблизости в ожидании кусков сот и личинок в них. Пищеварительная система птицы приспособлена к перевариванию воска и извлекает питательные вещества оттуда, откуда другим не извлечь.

Легенда говорит, что, если не оставить птице ее долю добычи, в следующий раз она приведет тебя к логову смертоносной мамбы или льва-людоеда.

Медоуказчик подлетел ближе к тому месту, где ждал Исаак, и неожиданно он увидел на дне долины под порхающей птицей еле заметное движение. Показалась колонна людей, двигавшаяся по звериной тропе. Голова колонны поравнялась со входом в донгу, где наверху лежал Исаак.

Хотя люди были одеты в грязное тряпье и самые разные головные уборы, от бейсболок до выгоревших военных фуражек, каждый нес «АК-47» и слоновий бивень.

Одни несли бивни на спине, и из-за природного изгиба те выступали вперед и назад. Другие положили бивень на плечо, одной рукой уравнивая тяжесть, в другой держа неизменный автомат. Большинство подложили под бивень подушки из коры или плетеной травы.

Перекошенные лица говорили о том, каких усилий им стоило много миль нести эти бивни. Но для каждого браконьера такой бивень – огромное состояние, и они предпочтут скорее покалечиться, чем бросить тяжесть.

Перед колонной идет невысокий коренастый человек с толстыми кривыми ногами и бычьей шеей. Неяркий свет падает на шрам на его лице.

– Сали! – выдохнул Исаак, узнав его.

Самый известный из замбийских браконьеров. Он дважды переходил Замбези со своим отрядом, и оба раза это стоило жизни хорошим людям.

Сали раскачиваясь шел мимо того места, где лежал Исаак. На голове он нес большой бивень цвета меда.

Он один из всех не выказывал никаких признаков усталости от долгого перехода.

Исаак считал проходящих мимо его позиции браконьеров. Самые слабые и медлительные сильно отстали, не в состоянии поддерживать заданный Сали темп, поэтому колонна растянулась. Исааку пришлось ждать почти семь минут, пока его не миновали все.

– Девятнадцать, – подсчитал Исаак последнюю хромающую пару.

В приступе алчности они выбрали слишком тяжелые бивни и теперь расплачиваются за это.

---

⁷ Крик этой птицы напоминает слово «уходи» на местном наречии, поэтому ее называю также «птица-уходи».

Исаак дал им пройти и, как только они исчезли в направлении реки, вскочил и скользнул в донгу. Двигался он крайне осторожно, потому что не был уверен, что не отстал еще кто-нибудь из банды.

Катер стоял там, где он его оставил, – в тростниках у входа в залив. Исаак вброд прошел к нему и поднялся на борт, отметив, что человек, которого он посылал вниз по течению, вернулся.

Он тихо рассказал своим людям, что обнаружил, наблюдая за их лицами. Они надежные люди, все надежные. Но даже для них соотношение очень невыгодное, а враги жестоки и с лицами львов, как их описал староста деревни.

– Мы возьмем их в воде, – сказал Исаак. – Не станем ждать, пока они первыми откроют огонь. Они вооружены и уносят из парка слоновую кость. Этого достаточно. Захватим их врасплох, когда они нас меньше всего ожидают.

На этот счет Роберт Мугабе, президент Зимбабве, отдал недвусмысленный приказ. Лесничество имеет право стрелять без предупреждения. Слишком много работников парка погибло в таких столкновениях, чтобы соблюдать теперь обычные формальности вроде обязательного вызова.

Лица слушающих лесничих застыли, они с новой уверенностью поднимали оружие. Исаак приказал им вывести катер из тростников и, как только корабль достиг открытой воды, провернул стартером двигатель. Двигатель кашлянул и не завелся.

Исаак снова и снова проворачивал двигатель, пока аккумулятор не разрядился.

Теперь их быстро несло вниз по течению.

Исаак, гневно чертыхаясь, побежал назад и сорвал кожух с мотора.

Возясь с мотором, он живо представлял себе, как бандиты грузят награбленную слоновую кость в каноэ и собираются снова пересечь реку, возвратиться на свою территорию, в безопасность.

Не закрывая мотор, он снова побежал на нос, к приборам управления.

На этот раз мотор завелся, зачихал и снова умолк. Исаак добавил газу, мотор снова кашлянул и мерно затарахтел.

Когда Исаак развернул катер и направил его обратно, против течения, мотор резко взвыл. Шум работающего мотора далеко разносился по воде и должен был насторожить банду. Когда Исаак вывел катер из очередного поворота, все каноэ растянулись вдоль реки, стремясь к противоположному берегу.

Солнце всходило за спиной Исаака, и широкая полоса воды перед ним была освещена, как театральная сцена. Вода Замбези казалась изумрудно-зеленой, а заросли папируса восходящее солнце окрасило в цвет золота. Каноэ заливал яркий свет. В каждом хрупком суденышке лодочник, три бандита и груз бивней.

Борта каноэ поднимались из воды всего на ширину ладони; лодки сидели так низко, что казалось, будто люди находятся прямо на поверхности воды.

Лодочники лихорадочно гребли. Их длинные копьеобразные весла сверкали на солнце, подгоняя лодки к далекому берегу. Передовое каноэ было уже в ста ярдах от зарослей папируса на замбийской стороне.

Исаак развернул катер, отрезая первую лодку от безопасности зарослей, и мотор «ямаха» поднял с зеленой поверхности кружевную пену.

Когда корабли сблизилась, Исаак разглядел изуродованное шрамом лицо Сали. Тот сидел на носу, неуклюже изогнув шею, чтобы смотреть на катер, и стараясь не нарушить хрупкое равновесие каноэ.

– На этот раз мы тебя достали, – прошептал Исаак, передвигая указатель на «стоп», и «ямаха» взвизгнула.

Неожиданно Сали встал, и каноэ под ним резко закачалось.

Вода хлынула через борта, и каноэ начало проседать, тонуть. Сали угрожающе крикнул что-то, лицо его исказилось от ярости, он поднял автомат и послал длинную очередь в несущийся на него катер.

Пули застучали о корпус, и один из циферблатов на приборной доске перед Исааком взорвался. Исаак пригнулся, но продолжал курс на столкновение с каноэ.

Сали выбросил из автомата пустой магазин и достал другой. Снова выстрелил. Яркие медные гильзы, вылетая из затвора, горели на солнце. Один из лесничих закричал, схватился за живот и упал на палубу катера, и в этот миг нос катера на скорости в тридцать узлов ударил в каноэ. Хрупкая древесина кигелии разлетелась, а людей в лодке сбросило в реку.

В последнее мгновение перед столкновением Сали бросил автомат и прыгнул в воду. Он старался погрузиться как можно глубже, чтобы избежать столкновения с корпусом катера, полагая, что сможет проплыть последние несколько ярдов до зарослей под водой, не выныривая.

Но его легкие были полны воздуха, и плавучесть не дала ему долго держаться на глубине. Хотя голову и тело он наклонно опустил вниз, ноги оставались всего в нескольких дюймах от поверхности.

Вращающийся на полной скорости винт зацепил его левую ногу. Словно хлебoreзка, лезвия обрубили ногу в области щиколотки и продолжали нарезать плоть икры до самой кости.

Катер прошел мимо, Исаак развернул рули, и корабль начал поворачивать. Катер накричал и устремился к следующему каноэ. Ударил по корпусу, расколол, выбросил людей в воду, загнал их под поверхность и, как слаломист между вешками, повернул к следующей лодке.

Люди в третьем каноэ увидели его приближение и бросились в воду за мгновение до того, как корпуса столкнулись; они кричали и бились, а быстрое зеленое течение уносило их.

Исаак развернул катер в другую сторону, и прямо перед ним оказалось следующее каноэ. Люди в нем кричали, умоляли и стреляли куда ни попадя. Пули взбивали пену на воде вокруг приближающегося катера; через мгновение каноэ ушло под воду.

Остальные лодки повернули и отчаянно устремились назад, к южному берегу. Исаак без труда обогнал их и ударил ближайшего в корму. Он почувствовал, как дрожит мотор: вращающийся винт впился в живую плоть, потом освободился, и катер снова ринулся вперед.

Последние каноэ добрались до берега; браконьеры высыпали из них и стали карабкаться на крутой откос. Красная глина крошилась под их пальцами.

Исаак сбросил скорость и повернул нос корабля вверх по течению.

– Я хранитель парка! – крикнул он браконьерам. – Вы арестованы. Стойте на месте. Не пытайтесь убежать, или мы будем стрелять!

Один из браконьеров все еще держал в руке автомат. Он почти добрался до верха откоса, но глина под его руками осыпалась, и он заскользил вниз, к воде.

Сидя в рыжей грязи, он поднял автомат и направил его на катер.

Двое раненных лесничих стояли у планширя, держа ружья наготове.

– Балула! Убить! – рявкнул Исаак, и они одновременно открыли огонь. Залп пронесся по берегу. Цвет группы по борьбе с браконьерами, отличные снайперы, они ненавидели браконьеров, которые уничтожали стада слонов, убивали их товарищей и угрожали их жизням.

Они смеялись, расстреливая панически разбегающихся по берегу бандитов. Позволяли им почти добраться до верха обрыва, а потом играючи, короткими очередями отбрасывали назад.

Исаак не пытался остановить их. У него самого был немалый счет к этим людям – несколькими годами заключения его было не уравнивать по справедливости. Когда последний из браконьеров упал в воду и утонул, Исаак повернул катер и снова поплыл через реку.

Сали, человек со шрамом, – предводитель банды. Остальные просто безмозглые головорезы, пушечное мясо. За четыре доллара на человека Сали легко наберет новую банду, без

него вся сегодняшняя работа мало что значит. Если Исаак его не остановит, через неделю или через месяц Сали вернется с новой бандой разбойников.

Он должен раздавить голову этой мамбы, или она ужалит снова.

Он подвел катер к тростникам у северного берега, к тому месту, где утопил первое каноэ. Потом повернул по течению, заглушил мотор и позволил потоку нести катер, иногда заводя двигатель, чтобы удерживать корабль в нескольких ярдах от края тростников.

Два лесничих стояли у правого борта и внимательно разглядывали тростники, проплывая мимо них.

Невозможно сказать, далеко ли течение отнесло браконьера, прежде чем он добрался до папируса.

Исаак решил осмотреть берег на милю вниз по течению.

Потом он со своими людьми отправится на сушу и пойдет по северному берегу назад в поисках следа, который оставит Сали, когда выберется из тростников и попытается скрыться. Они будут идти по следу сколько понадобится, пока не настигнут его.

Буква закона не давала Исааку права производить арест на территории Замбии, но он преследует убийцу и известного бандита. Исаак был готов оказать сопротивление, если потребуются, и прострелить пленнику голову, если полиция Замбии вмешается и попытается его отобрать.

В этот миг что-то в зарослях, мимо которых дрейфовал катер, привлекло его внимание. Исаак коснулся руля и удержал катер на одном месте.

Небольшой участок зарослей примят, как будто через него что-то протащили; возможно, тут прополз крокодил или крупная игуана, да только стебли обломаны, как будто за них хватались руками. У крокодилов рук нет. Исаак хмыкнул и стал лавировать, подгоняя катер к подозрительному месту. Здесь что-то происходило совсем недавно: прямо на глазах стебли продолжали распрямляться, занимая прежнее положение. Исаак чуть улыбнулся.

Протянув руку за борт, он схватил такой стебель и подставил его под солнечный луч. Пятно на стебле окрасило его пальцы красным, и Исаак показал это стоявшему за его плечом лесничему.

– Кровь, – кивнул лесничий. – Он ранен... Винт...

Но он не успел договорить: впереди в тростниках закричали. Крик был полон ужаса, и все на мгновение застыли.

Исаак первым пришел в себя и увеличил скорость, уводя катер в густые заросли. Где-то впереди продолжал кричать человек.

Сали, погрузившись в воду, чувствовал, как катер проходит над ним.

Его голову заполнял оглушительный вой винта. Звук не имел направления, он обрушился со всех сторон.

Потом что-то ударило его по левой ноге и, казалось, разняло бедро; от удара он завертелся в воде и потерял ориентацию. Сали хотел подняться на поверхность, но левая нога не слушалась. Боли не было, только сильное оцепенение, как будто левую ступню залили в бетон и эта глыба тянула Сали вниз, в глубину зеленых вод Замбези.

Он отчаянно дрыгал здоровой ногой, и вдруг его голова вырвалась на поверхность. Сквозь заливающую глаза воду он увидел катер; тот шел по реке, разбивая каноэ и выбрасывая людей в реку. Слышались плеск и крики.

Сали обрадовался тому, что такая смена объекта атаки дает ему передышку. Он знал, у него есть всего несколько минут, а потом катер вернется к нему. И повернул голову.

Край зарослей был совсем близко. Гнев и возбуждение схватки все еще придавали ему сил, и Сали поплыл к растительности. Нога тянула вниз мертвым грузом, этот якорь мешал

двигаться и замедлял перемещение, но Сали плыл, делая мощные гребки руками, и спустя несколько секунд смог ухватиться за стебли папируса.

Он отчаянно потащился в укрытие, в тростники, пополз по упругому матрацу из папируса, волоча за собой искалеченную ногу.

В чаще тростников он наконец остановился, лег на спину и посмотрел туда, откуда пришел. И судорожно выдохнул, когда увидел в воде кровавый след.

Он ухватился за колено, поднял раненую ногу над водой и посмотрел на нее, не веря собственным глазам.

Ноги не было, из искромсанной плоти торчала белая кость.

Из разорванных сосудов била кровь. Теперь Сали плавал в краснокоричневом облаке. Маленькая серебристая рыба, привлеченная запахом крови, метнулась в облако, хватая клочки плоти.

Сали быстро опустил здоровую ногу и попытался нащупать дно.

Он уже погрузился с головой, но все не мог коснуться илистого дна Зимбабве. Откашливаясь, задыхаясь, он снова показался на поверхности. Он на глубоком месте и держаться может только за тростники.

Далеко на реке он слышал звуки выстрелов, а потом вой двигателя – катер возвращался. Звук приближался и неожиданно перешел в негромкое гудение. Сали услышал голоса. Он понял, что обыскивают края зарослей, и глубже погрузился в воду.

Кровь вытекала в реку, и Сали начало охватывать холодное оцепенение, но он заставил себя бороться с силами и поплыл глубже в тростники, к замбийскому берегу. И оказался в просвете в зарослях. Просвет был величиной с теннисное поле, его окружал высокий часток кол раскачивающегося папируса. Над поверхностью, покрытой круглыми листьями водяных лилий, на стеблях к первым лучам солнца поднимались лазурные цветы. В безветренном воздухе витал отчетливый сладкий, тонкий аромат.

Неожиданно Сали застыл, выставив на поверхность только голову.

Под водяными лилиями что-то задвигалось. Вода вздыбилась, лилии закивали головками в такт вкрадчивому движению под ними.

Сали знал, кто это. Его толстые, цвета печенки губы разомкнулись и задрожали от ужаса. Его кровь лилась в воду, украшенную цветами, и тварь в глубине властно и уверенно пошла на соблазнительный вкус крови.

Сали был смелым человеком и не боялся почти ничего на свете. Но эта тварь была из другого мира, из тайного холодного мира под поверхностью воды. Мышца сфинктера разжалась, кишечник непроизвольно опорожнился. Этот новый запах заставил тварь вынырнуть из воды.

Похожая на бревно голова, черная, с наростами, влажно блестящая, протискивалась между лилиями. Ящеричьи глаза-бусинки были посажены на пеньки, словно из коры. Голова улыбнулась Сали, показав клыки под неровными губами. Венок из лилий, опутавший голову чудовища, придавал улыбке сардонически-угрожающее выражение.

Неожиданно поверхность разорвал большой хвост с двойным гребнем по всей длине; он взбил воду в пену, с поразительной скоростью толкая чешуйчатое тело вперед.

Сали закричал.

Исаак стоял у приборной доски, заводя катер глубже в заросли. Прочные волокнистые стебли наматывались на винт и замедляли продвижение катера, постепенно останавливая его.

Лесничие пробежали на нос; хватаясь руками за стебли, они проталкивали катер глубже в чащу, пока перед ними не показалась полоска открытой воды. Прямо перед носом вода пенилась, в ней что-то билось. В солнечном свете вздымались столбы пены и падали людям на головы.

В воде металось огромное чешуйчатое тело, иногда показывая желтое брюхо. Длинный хвост с гребнем, покрытый чешуей, взбивал воду добела.

На мгновение вверх вскинулась человеческая рука. Это был умоляющий жест, полная ужаса просьба. Исаак перегнулся через борт и ухватился за запястье. Кожа была мокрая и скользкая, но Исаак ухватился обеими руками, откинулся и потянул что было сил. Выдержать общий вес Сали и рептилии он не мог. Запястье начало выскальзывать у него из рук, но один из лесничих подбежал и схватил Сали за локоть.

Вместе дюйм за дюймом они вытащили человека из воды. Как распятый на дыбе, Сали вытянулся между людьми на палубе и ужасной рептилией под водой.

Второй лесничий наклонился через планширь и выпустил в воду автоматную очередь. Летящие с огромной скоростью пули взрывались, касаясь поверхности, словно это была стальная плита, и не производили никакого действия, только швыряли клочья пены в глаза Исааку и лесничему у борта.

– Прекрати! – выдохнул Исаак. – Попадешь в нас!

Лесничий выронил автомат и схватил Сали за свободную руку.

Теперь в ужасном перетягивании каната участвовали трое.

Они медленно вытягивали из воды тело Сали, пока на поверхности не показалась огромная чешуйчатая голова рептилии.

Ее клыки впились в живот Сали. У зубов крокодила нет режущей кромки. Крокодил отрывает руки или ноги: утягивает тело под поверхность и там дергает, пока не оторвет конечность или не вырвет кусок плоти. Когда удалось вытащить Сали на планширь, крокодил хлопнул хвостом и потянул. Живот Сали разорвался. Крокодил не спеша убрал голову, все еще впиваясь зубами в плоть, и потащил за собой внутренности Сали.

Усилие на одном конце уменьшилось, и люди втроем смогли втащить тело Сали на палубу. Но крокодил не разжал зубов. Сали дергался на палубе, а его кишки свешивались за борт, блестящий клубок трубок и лент, словно гротескная пуповина, привязывающая его к судьбе.

Крокодил снова дернул, вложив в рывок весь свой вес и силу длинного хвоста. Лента кишок лопнула, Сали крикнул в последний раз и умер на окровавленной палубе.

Какое-то время на палубе было тихо; тишину нарушало только хриплое дыхание людей, пытавшихся спасти Сали.

Все как зачарованные смотрели на искалеченное тело Сали, пока Исаак не прошептал:

– Я не мог бы выбрать тебе более подходящую смерть. – Он говорил на официальном языке шана. – Не тебе идти с миром, о Сали, злодей, пусть тебя сопровождают в пути все твои злодеяния.

– Пленных нет, – сказал Исаак Дэниэлу Армстронгу.

– Говоришь, нет? – кричал Дэниэл.

Телефонная связь была плохая, слабая, из-за грозы, бушующей над долиной, в трубке постоянно трещало.

– Нет, Дэни, – повысил голос Исаак. – Восемь трупов, а остальные либо съедены крокодилами, либо убежали в Замбию.

– А что с костью, Исаак? У них были с собой бивни?

– Да, но они утонули в реке, когда лодки перевернулись.

– Черт побери! – выругался Дэниэл. Теперь будет гораздо труднее убедить полицию, что основную массу слоновой кости увезли из Чивеве в рефрижераторах. С каждым часом след Ниня Чэнгуна становился все холодней.

– В лагерь Чивеве направляется полицейский отряд, – сказал он Исааку.

– Да, Дэнни. Сейчас они у нас. Я присоединюсь к ним, как только отправлю своего раненого лесничего в Хараре. Хочу увидеть, что эти ублюдки сделали с Джонни Нзу.

– Послушай, Исаак, я пойду по единственной оставшейся у меня нити. Хочу взять того, кто во всем этом виноват.

– Осторожней, Дэнни. Эти люди не шутят. Тебе может прийти трудно. Куда ты собрался?

– Пока, Исаак.

Дэниэл не стал отвечать на вопрос. Положив трубку, он направился к своему «лендкрузеру».

Сел за руль и задумался. Он понимал, что это только передышка. Очень скоро полиция Зимбабве захочет снова поговорить с ним, и на этот раз более серьезно.

Есть только одно место, куда он может отправиться, – за пределы страны. Во всяком случае, именно туда ведет след.

Он доехал до таможенного и иммиграционного поста и остановился перед барьером. Естественно, паспорт у него с собой и документы на «лендкрузер» в полном порядке. Формальности заняли меньше получаса, по африканским стандартам почти рекордное время.

Дэниэл проехал по мосту со стальным ограждением, пересекающему Замбези, при этом он отлично сознавал, что въезжает совсем не в рай.

Замбия – одна из самых бедных и несчастных стран Африки наряду с Угандой и Эфиопией. Дэниэл поморщился. Циник мог бы связать это с тем, что Замбия освободилась от британской колониальной зависимости раньше большинства других стран.

Здесь у политики хаотического разграбления было больше времени, чтобы проявились ее последствия.

Большие шахты медного пояса, когда-то находившиеся в частных руках, входили в число самых выгодных предприятий на континенте, соперничая даже со знаменитыми золотыми шахтами на юге. После обретения независимости президент Кеннет Каунда все их национализировал и провозгласил свою антиколониальную политику. Эта политика свелась к увольнению опытных белых инженеров и управленцев.

За несколько лет президенту чудесным образом удалось превратить ежегодный доход во много сотен миллионов в равные убытки.

Дэниэл приготовился к встрече с замбийскими чиновниками.

– Не проезжал ли тут по пути в Малави прошлой ночью мой друг? – спросил он у офицера в мундире, который вышел из помещения таможни, чтобы обыскать «лендкрузер» на предмет контрабанды.

Тот открыл было рот, чтобы заявить протест против попытки выведать закрытую информацию, но Дэниэл опередил его, вытащив пятидолларовую банкноту. Замбийская валюта, квача – это слово означает «рассвет свободы от колониального угнетения», – когда-то приравнивалась к американскому доллару. Многочисленные последовательные девальвации привели к курсу 30 к одному. На черном рынке курс был близок к 300 к одному. Негодование офицера испарилось. Он смотрел на свою месячную зарплату.

– Как зовут вашего друга? – спросил он.

– Мистер Четти Синг. Он в большом грузовике с грузом сушеной рыбы.

Офицер исчез в здании таможни и через несколько минут вернулся.

– Да, – кивнул он. – Ваш друг проехал через таможню вскоре после полуночи.

Не проявляя больше никакого интереса к «лендкрузеру», он поставил в паспорте Дэниэла штамп. И бодро вернулся на пост.

Минуя пограничную заставу и направляясь на север, в столицу страны Лусаку, Дэниэл слегка тревожился. В Замбии закон теряет силу на границе застройки. В буше дороги охраняют

полицейские блокпосты, но дорожная полиция не настолько безрассудна, чтобы откликнуться на призыв о помощи одинокого путника.

Холмы и кряжи были словно воздвигнуты в древности руками великанов. Стены и каменные башни выветрились и обрушились, создав живописный хаос. Многочисленные реки глубоки и чисты.

Дэниэл подъехал к первому дорожному посту.

За сто ярдов до поста он сбросил скорость и дальше ехал, держа обе руки на руле. Полицейские нервничают и способны открыть огонь без всякого повода.

Когда он остановился, констебль в мундире и зеркальных темных очках просунул ствол автомата в окно кабины и высокомерно поздоровался:

– Привет, мой друг. – Его палец лежал на курке, а ствол упирался Дэниэлу в живот. – Выходи.

– Куришь? – спросил Дэниэл.

Выходя на дорогу, он сунул в руку полицейскому пачку сигарет «честерфилд».

Констебль убрал ствол, одновременно проверяя, распечатана ли пачка. Потом улыбнулся, и Дэниэл чуть успокоился.

За «лендкрузером» Дэниэла затормозила другая машина – грузовик, принадлежащий одной из компаний, занимающихся устройством охотничьих сафари. В кузове – груды лагерного снаряжения и припасов, а на этой груде сидят следопыты и подносчики ружей.

За рулем профессиональный охотник – бородатый, загорелый, обветренный. Сидящий рядом клиент кажется типичным изнеженным горожанином, несмотря на новую куртку сафари и полоску шкуры зебры на шляпе.

– Дэниэл! – Охотник высунулся в боковое окно. – Дэниэл Армстронг! – радостно завопил он.

И тут Дэниэл его вспомнил. Они встречались три года назад, когда Дэниэл делал документальный фильм об охотничьих сафари в Африке. Этот человек – охотник. Пока он не может вспомнить, как его зовут, но они распили бутылку «Хейга» в лагере в долине Луангвы. Да, и этот светловолосый человек – скорее пьяница, чем охотник. Дэниэл помнил, что тот выпил больше половины «Хейга». Стоффель. Он с облегчением припомнил имя. Ему необходим союзник и защитник. А охотники из компаний, устраивающих сафари в буше, – своего рода аристократия.

– Стоффель ван дер Мерве! – воскликнул он.

Стоффель выбрался из кабины грузовика – рослый, мясистый, улыбающийся.

Как большинство профессиональных охотников в Замбии, он был африкандером из Южной Африки.

– Дьявольщина, приятель, рад снова тебя видеть! – Он забрал руку Дэниэла в свою волосатую лапу. – У тебя здесь неприятности?

Дэниэл ничего не ответил, и Стоффель повернулся к полицейскому.

– Эй, Джуно, этот человек мой друг. Обращайся с ним хорошо, слышишь меня?

Констебль рассмеялся. Дэниэла всегда поражало, с какой легкостью африкандеры и чернокожие находят общий язык на личном уровне, когда не поднимаются вопросы политики: возможно, это потому, что они все из Африки и хорошо понимают друг друга. Дэниэл про себя улыбнулся. Они живут бок о бок уже триста лет и должны бы за это время научиться взаимопониманию.

– Ты ведь хочешь получить свое мясо? – поддразнивал Стоффель констебля. – Будешь цепляться к доктору Армстронгу – никакого мяса.

Охотники движутся привычными маршрутами по территориям охотничьих концессий в далеком буше и за их пределами и знают, что полицейские охраняют дороги лишь номинально. У них установлен постоянный тариф для подарков.

– Эй! – крикнул Стоффель следопыту на верху машины. – Дай-ка Джуно ногу жирного буйвола. Посмотри только, как он исхудал. Надо его подкормить.

Из-под брезента достали ногу буйвола, еще в шкуре, пыльную, облепленную жужжащими мухами. Охотники имеют неограниченный доступ к мясу диких животных, которых вполне законно убивают их клиенты.

– Эти бедняги страдают от недостатка протеина, – объяснил Стоффель клиенту, когда американский охотник присоединился к ним. – За ногу буйвола он продаст вам жену, за две – душу; за три, вероятно, продаст всю эту проклятую страну. И во всех случаях для вас это невыгодная сделка.

Он захохотал и познакомил своего клиента с Дэниэлом.

– Это Стив Корнак из Калифорнии.

– Разумеется, я вас знаю, – перебил американец. – Большая честь познакомиться с вами, доктор Армстронг. Я всегда смотрю ваши телепередачи. Кстати, у меня случайно с собой ваша книга. Я бы хотел показать дома детям автограф. Они большие ваши поклонники.

Дэниэл про себя поморщился от такой цены славы, но, когда клиент вернулся из кабины с одной из его ранних книг, подписал форзац.

– Куда направляешься? – спросил Стоффель. – В Лусаку? Поезжай за мной, я буду вести переговоры. Иначе всякое может случиться. Можешь доехать за неделю, а можешь и вовсе не добраться туда.

Полицейский, по-прежнему улыбаясь, поднял шлагбаум, козырнул, и они проехали. Отныне путешествие превратилось в подобие королевской процессии, и куски мяса регулярно появлялись из-под брезента.

– Розы, розы по всему пути, и дорога, устланная бифштексами из буйволятины.

Дэниэл улыбался, втапливая педаль, чтобы не отстать от грузовика. Они ехали по плодородным землям, орошаемым водами реки Кафи. Это район производства сахара, кукурузы и табака, где фермами владеют почти исключительно белые замбийцы. До установления независимости фермеры состязались друг с другом красотой своих владений. С главной дороги видны были беленые дома и постройки, как жемчужины в зелени, посреди с любовью возделанных полей. Все изгороди аккуратно чинили, и в виду дороги пасся гладкий, сытый скот.

Сегодня намеренная неприглядность ферм была попыткой хозяев уберечься от завистливых алчных глаз. «Если выглядеть слишком хорошо, – объяснил один из фермеров Дэниэлу, – все отберут». Ему не нужно было растолковывать, кто отберет. Золотое правило этой страны: если у тебя что-то есть, не хвастайся. Белые фермеры живут крошечным изолированным племенем в своих маленьких анклавах. Подобно своим предкам-пионерам, они сами варят мыло и производят другие необходимые вещи, которые невозможно найти на пустых полках местных магазинов.

Кормятся они в основном плодами своей земли, но тем не менее живут относительно спокойно в своих гольф-клубах, поло-клубах и театральных кружках. Детей посылают учиться в университеты Южной Африки, употребляя на это те ничтожные количества иностранной валюты, которые им позволяют иметь; они старательно держатся тише воды ниже травы и всячески стараются не привлекать к себе внимания.

Даже власть, воцарившаяся в правительственных залах Лусаки, понимает, что без этих фермеров и так непрочная экономика страны рухнет окончательно. Кукуруза и сахар, которые производят белые фермеры, не дают остальному населению умереть с голода, а их превосходный табак восполняет крошечный ручеек иностранной валюты, который уже не могут питать медные шахты.

– Куда же нам уйти? – задал Дэниэлу риторический вопрос его информатор. – Если уйти отсюда, уйдешь гол как сокол. Нам не позволят взять ни пенни, ни прутика. Вот мы поневоле и хватаемся за любую возможность.

Когда колонна из двух машин приближалась к Лусаке, Дэниэл увидел наглядное воплощение одного из многих безрадостных явлений новой Африки – массовое переселение деревенского населения в города.

Когда они проезжали пригородами Лусаки, Дэниэл чувствовал запах трущоб. Дым кухонных костров, зловоние выгребных ям и груд разлагающегося мусора, запах кислого пива, которое незаконно варят в открытых баках, запах невымытых в отсутствие проточной воды тел. Это запах болезней, голода, нищеты и невежества – густой запах новой Африки.

Дэниэл угостил Стоффеля и его клиента пивом в баре отеля «Риджуэй» и, извинившись, направился к стойке регистрации. Ему дали номер, выходящий на плавательный бассейн, и он наконец смыл под душем грязь и усталость последних двадцати четырех часов. Потом взял телефонную трубку, позвонил в британское посольство и успел поймать телефонистку до окончания рабочего дня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.